

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова»

Libri Magistri

Выпуск 3

Филология в XXI веке

Научный рецензируемый журнал

Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2017

УДК 800

LIBRI MAGISTRI

ББК Ш5(2=Р)

Научный рецензируемый журнал

Основан в феврале 2015 г.

Вып. 3

Филология в XXI веке

Редакционная коллегия:

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова;

С. В. Рудакова – научный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова;

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета;

Т. М. Попович – д-р филол. наук, профессор Белградского университета;

Н. В. Кононова – д-р филологии, ассоциированный профессор Латвийского университета;

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН;

А. В. Петров – технический редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова;

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

Картинка для обложки – гравюра «Монастырский скрипторий. Портрет писца». Франция. XV в.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. Филология и ее проблемное поле, перспективы развития

<i>Калинина М. В.</i> О проблемах русского языка (на материале СМИ)	7
<i>Савельев К. Н.</i> Тезаурусный подход и проблема переходных периодов	14
<i>Уланов А. В.</i> Корпусный метод в исследовании лексики русского языка	21
<i>Царева Н. А.</i> Особенности герменевтического подхода к тексту в русском символизме	29

РАЗДЕЛ II. Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы

<i>Абрамзон Т. Е., Петров А. В.</i> «О просвещенная Великая княгиня!..»: загадка посвящения журнала «Трудолюбивая Пчела» А. П. Сумарокова (к 300-летию со дня рождения писателя)	39
<i>Никулина А. К.</i> Литературные аллюзии в романе Д. Марксона «Любовница Витгенштейна»	49
<i>Рудакова С. В.</i> Мотив огня в лирике М. Ю. Лермонтова	56

РАЗДЕЛ III. Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы

<i>Надергулов М. Х.</i> Воспоминания башкирского казака	65
<i>Постникова Е. Г.</i> Достоевский и Грэм Грин: идеальные герои и архетип грехопадения (по романам «Идиот» и «Суть дела»)	74
<i>Соегов М.</i> Об истоках фольклорного образа старух-злодеек на фоне истории туркменских бахши-сказителей	90
<i>Шадурский В. В.</i> Польские патриоты в изображении Марка Алданова	103

РАЗДЕЛ IV. Выдающиеся российские и зарубежные филологи: идеи – судьбы – наследие

<i>Гукасова М., М., Гукасова Э.М.</i> «Национальное дело» И. В. Цветаева как аспект персонализации его личности	113
--	-----

<i>Дякиева Б. Б.</i> Кичиков Анатолий Шалхакович (1921–1998): открытие эпоса «Джангар» миру	121
<i>Киселев М. Ю.</i> Личные фонды ученых-филологов в Архиве Российской Академии Наук	128

РАЗДЕЛ V. Методика преподавания филологических дисциплин

<i>Коренева М. Р., Карбаинова М. Ю.</i> Теоретико-методические предпосылки обучения мотивационному письму на иностранном языке	135
--	-----

АВТОРЫ	144
---------------	-----

ДЛЯ АВТОРОВ	147
--------------------	-----

CONTENTS

Part I. Philology and its Field of Research, Development Prospects

<i>Kalinina M. V.</i> The Problems of the Russian Language (on the media stuff)	7
<i>Saveliev K. N.</i> The Thesaurus Approach and the Problem of Transitional Periods	14
<i>Ulanov A.V.</i> Corpus Method in the Study of Russian Vocabulary	21
<i>Tsareva N. A.</i> Peculiarities of the Hermeneutical Approach to the Text in Russian Symbolism	29

Part II. Philological Text Analysis: Traditions, Types and Concrete Examples

<i>Abramzon T. Ye., Petrov A. V.</i> “Oh, the Enlightened Grand Duchess!..”: a Mystery of Dedication of the Magazine “The Industrious Bee” of A. P. Sumarokov (to the 300-th Anniversary of the Birth of the Writer)	39
<i>Nikulina A. K.</i> Literary Allusions in D. Markson’s “Wittgenstein’s Mistress”	49
<i>Rudakova S. V.</i> Motive of Fire in M. Yu. Lermontov's Lyrics	56

Part III. Comparativistics Today: Tasks – Ideas - Schools

<i>Nadergulov M. Kh.</i> Memoirs of Bashkir Kazak	65
<i>Postnikova Y. G.</i> Dostoevsky and Graham Greene: the Ideal Characters and the Archetype of the Fall from Grace (Based on the Novels “the Idiot” and “The Heart of the Matter”)	74
<i>Soyegov Muradgeldi</i> About Sources of the Folklore Image of Old Women-Villains against the Background of the History of Turkmen Bahshi-Storytellers	90
<i>Shadurskyy V. V.</i> The Polish Patriots in Mark Aldanov's Image	103

Part IV. Outstanding Russian Philologists and Philologists from other Countries: Ideas – Biographies – Heritage

<i>Gukasova M. M., A Gukasova</i> “National Affair”	
by I. V. Tsvetaev as an aspect of Personalization of his Personality	113
<i>Duakieva B. B.</i> Kichikov Anatoly Shalkhakovich	
(1921–1998): Opening the Epos “Dzhangar” to the World	121
<i>M. Yu. Kiselev</i> Personal Funds of Scientist Philologists	
in the Archives of the Russian Academy of Sciences	128

Part V. The Methodology of Teaching Philological Disciplines

<i>Koreneva M., Karbainova M.</i> Theoretical and	
Methodological Preconditions for Teaching a Letter	
of Application in a Foreign Language	135

The Authors	144
--------------------	-----

For Authors	147
--------------------	-----

РАЗДЕЛ I. Филология и ее проблемное поле, перспективы развития

ББК 80
УДК 811.161.1

*М. В. Калинина,
кандидат филологических наук, доцент,
Волгоградский государственный
институт искусств и культуры
kalinina_8181@mail.ru*

О ПРОБЛЕМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале СМИ)

В статье рассматриваются проблемы русского языка в XXI веке. На основании мониторинга разных видов российских СМИ приводятся примеры искажения норм русского языка. Отмечается, что на современном этапе развития языка происходит смешение разговорной лексики с лексикой нейтральной, усиливаются эмоционально-экспрессивные средства выразительности, используются социальные диалекты. Особое беспокойство вызывает и то, что жаргонные, просторечные элементы, вульгаризмы, слова-паразиты все больше и больше переходят в общее употребление, в том числе в речь образованных людей.

Ключевые слова: проблемы русского языка, заимствования, жаргон, просторечие, слова-паразиты, вульгаризмы, эмотивная, оскорбительная лексика, язык средств массовой информации

Современный русский язык переживает сложное время. Процессы демократизации языка, иноязычное влияние, усиление личностного начала в языке приводят не только к нарушению литературной нормы, но и к снижению уровня культуры речи в целом. В СМИ необоснованно используются жаргонизмы, просторечные, матные и диалектные слова. Говорящие часто перебивают друг друга, повторяют одни и те же слова, вставляют в речь различные паразитарные звуки (включая варианты «а-а», «э-э», «м-м», «гм» и т.п.), прерывают речь длительными паузами, которые являются очевидным показателем низкого уровня владения языком. Эти негативные процессы отражаются в новых терминах: «матовое

заикание», «речевая безответственность», «речевая распушенность», «загрязнение речевой среды», «огрубление речи», «речевое убийство», «речевое хулиганство», «речевая нечистоплотность», «речевое запугивание» и др.

Итак, одной из причин порчи русского языка является отрицательное влияние речевой среды, создаваемой современными СМИ: фамильярно-разговорная речь политиков, артистов, депутатов и др. экспертов в той или иной области, воспринимается обществом как эталон; доверие к печатному слову (привычка рассматривать все напечатанное как образец нормы, хотя качество печатной продукции стало хуже), неуважение к адресатам речи (дебаты политиков, попирающих все возможные нормы речевого этикета) и др. Многие передачи ведутся в прямом эфире, с экрана телевизора слышится спонтанная устная речь с многочисленными ошибками, которые затем распространяются среди населения.

Именно неправильная ориентация СМИ 90-х годов на речь масс привела к наводнению речи просторечием и диалектизмами, чему способствовал и приход в СМИ в качестве журналистов людей без филологической подготовки. Был выпущен на свободу мат, и, хотя он уже второй десяток лет запрещен законом к использованию в общественных местах, тем более в СМИ, загнать его снова «в бутылку» так и не удалось. Несмотря на законы, запрещающие оскорбления, унижение, грубую лексику, все это встречается даже в газетах, а грубые словечки типа *фигово*, *фиг с ним*, *на хрена* и печатаются, и звучат постоянно. Произошло явное огрубление речи [2, 11].

Регулярный мониторинг газет «Комсомольская правда», «Российская газета», «Московский комсомолец» (федеральный выпуск), «Аргументы и факты», «Вечерний Волгоград», «Интер», телепередач Первого канала («Время покажет», «На самом деле», «Первая студия», «Пусть говорят»), каналов «Россия 1» («60 минут»), некоторых передач канала ТВЦ («Право голоса»), «Звезда» («Процесс») и НТВ («Место встречи»), а также радиостанции «Эхо Москвы» показал значительные нарушения норм русской речи. Обратимся к конкретным примерам.

Прежде всего нарушаются нормы в речи гостей. Мы регулярно слышим с экрана ТВ и по радио не только *обеспечЕние* (вм. *обеспЕчение*), *ходатАйство* (вм. *ходАтайство*), *начать* (вм. *начАть*), *дешевизНА* (вм. *дешевИзна*), *людЯм* (вм. *лЮдям*), *намерЕние* (вм. *намЕрение*), *правЫ* (вм. *прАвы*), *предпринЯли* (вм. *предпрИняли*), *средствА* (вм. *срЕдства*), *языкОвая политика* (вм. *языковАя политика*), но и постоянно звучит *не расстраивается о том*,

учитывать о том, понимать о том и даже видеть о том (так говорят депутаты и министры РФ), то есть языковые нормы уважаемыми гостями не соблюдаются.

Изменения в общественно-политической жизни страны, расширение международных культурных контактов обуславливают престижность использования иностранных слов в речи современного носителя русского языка. Включение многих англицизмов в русский язык в XX – XXI веке связано с необходимостью обозначать новые предметы окружающей действительности: *билборд* (рекламный щит, устанавливаемый вдоль дорог), *репост* (повторная публикация какого-либо сообщения в пределах одного ресурса), *хэштег* (метка, служащая для распределения сообщений по соответствующим темам), *рингтон* (мелодия, воспроизводимая на сотовом телефоне для оповещения о входящем вызове), *пресс-релиз* (сообщение для печати), *онлайн* (указывает на состояние подключения к компьютеру), *оффлайн* (отключённое от компьютера состояние) и др.

Американо-английская лексика звучит с телевизионных экранов, иностранными словами пестрят многие газетные и журнальные тексты. Вот некоторые примеры. *Трешовый репертуар* (Российская газета, 1.06.2017 г.). *Поставить дедлайн* (крайний срок) (В. Козин, «Время покажет», 14.07.2017 г.). *America First – «Америка превыше всего»* (М. Юсин, «Время покажет», 26.07.2017 г.). *Сейлы, сейлы* (Е. Стриженова, «Время покажет», 26.07.2017 г.). *Это не мода, это тренд. Есть следование тренду, есть ощущение тренда* (В. Шендерович. Особое мнение, 27.07.2017 г.). *Почему Андрей Малахов предпочел стать бибиситтером: декрет или деньги* (МК, 8.08.2017 г.). *Это мейнстрим, это основная тональность американских СМИ* (Д. Бабич, «Время покажет», 18.08.2017 г.). *Я сейчас хочу обратиться к зрителям с одним, так сказать, месседжем* (А. Шейнин, «Время покажет», 25.08.2017 г.). *Если вы считаете, что это фиты, то пустите журналистов* (Д. Абзалов, «Время покажет», 30.08.2017 г.). Нельзя не согласиться с мнением В. Д. Черняк, пишущей, что семантическая закрытость многих новых заимствований значительно осложняет коммуникацию, нарушает качества речи и во многом влияет на снижение эффективности общения [3, 64].

Употребление английской лексики в обиходно-бытовой сфере общения становится не только чем-то привычным, обыденным, но и престижным, а это прямая угроза национальной культуре и русскому языку.

Жаргонизация литературной речи, наряду с проблемой неоправданного употребления иноязычной лексики, является одной из примечательных особенностей современной речевой культуры СМИ.

Ориентация СМИ на самый низкий по культурному уровню контингент носителей языка приводит к огрубению не только обиходного, но и официального общения. Именно современные СМИ способствуют постепенному усвоению жаргонизмов разговорной речью, их нейтрализации. Приведем несколько типичных примеров, взятых из газет и телевизионных программ: *Круговорот фанфурика в природе (почему борьба с «боярышником» и коррупцией обречена на неудачу* (Интер, 26.01.2017 г.). *Как «разводят» волгоградцев установщики пластиковых окон?* (Вечерний Волгоград, 15.06.2017 г.). *Информация была слита* (Время покажет, 28.06.2017 г.). *Предъява Украины насчет моста* (Время покажет, 30.06.2017 г.). *Нафига мы это делаем?* (Первая студия, 5.07.2017 г.). *Им до фени все ваши политические игры* (Время покажет, 11.07.2017 г.). *Я сейчас сломаю фишку, как это говорится* (А. Шейнин. Первая студия, 11.07.2017 г.). *Почему получился такой затык?* (Время покажет, 14.07.2017 г.). *«Перевели стрелки»: Киев обвинил Москву в передаче КНДР ракетных двигателей* (МК, 16.08.2017 г.).

Жаргонизмы переполняют речь людей, они активно используют СМИ. «Постоянное присутствие жаргонизмов в письменных текстах ведёт к их «замораживанию», как бы стабилизирует их, олитературивая и, конечно, снижая их жаргонность», – указывает В. Г. Костомаров [1, 79].

Криминализация в разных сферах современной жизни вызвала актуализацию преступного, воровского жаргона. Пересечение социальных и языковых процессов хорошо демонстрируют следующие примеры. *На миллионные взятки можно «купить» только место на тюремных нарах* (Родной город, 18.01.2017 г.). *Почему страна должна прогнуться?* (Время покажет, 22.06.2017 г.). *Это не выборы, а туфта* (Время покажет, 23.06.2017 г.). *У этих ребят мощная крыша* (Время покажет, 28.06.2017 г.). *«Мой папа круче!»: золотые детки отмазываются от убийства* (Пусть говорят, 11.07.2017 г.). *Детство жжсет* (Пусть говорят, 8.08.2017 г.).

Несомненно, что жаргон уголовников опасен для русского литературного языка, ибо арготические элементы лексики, использованные в качестве экспрессивных, несут в себе и мировоззрение уголовного мира.

В последнее время очень много говорят о глобальном «снижении» и усилении экспрессивности живой речи, а как следствие – и языка в целом. Публичная речь все более приближается к речи обыденной, так называемому просторечию. Примеры из телепрограмм демонстрируют стремление авторов активно

использовать некодифицированную лексику русского языка: *Если сосед наглет, то ему бьют в морду. Государство на флаг свой эти морды вешает* (Время покажет, 3.07.2017 г.). *Втихаря проталкивали Клинтон* (Е. Попов. «60 минут», 13.07.2017 г.). *Нет, и здесь нет покоя долбанутым* (А. Шейнин. Первая студия, 11.07.2017 г.). *Гнать украинское посольство поганой метлой* (Время покажет, 3.07.2017 г.). *Из-за таких мразей как вы, мне пришлось уехать из Одессы* (Время покажет, 4.07.2017 г.). *Трамп приехал потрепаться...* (Время покажет, 4.07.2017 г.). *Дурь из башки украинцев уйдет* (Первая студия, 5.07.2017 г.). *Впаривать газ – политика США* (Первая студия, 6.07.2017 г.). *Для чего заваруху начинали? Будет раздел Украины* (Первая студия, 6.07.2017 г.). *Перетопчитесь. Такую реакцию вызывают ваши тирады* (Время покажет, 19.07.2017 г.). *В 90-е годы Россия была как побирушка, сидящая на задворках* (Время покажет, 19.07.2017 г.). *Конспирологическую теорию разоблачили, а нам в ответ – потоки ора* (Время покажет, 19.07.2017 г.). *Пропадите пропадом!* (В. Жириновский. «60 минут», 27.07.2017 г.). *Нам кукиш показали* (Е. Тарлю. Время покажет, 26.07.2017 г.). *Вот эта шпана и есть государство. Шоколадная власть на Украине быдло?* (М. Шевченко. Время покажет, 4.08.2017 г.).

Порча русского языка заметна и в употреблении большого количества вульгаризмов и вульгарных междометий (*заказать, порешать проблемы, я тебя наберу, вау, упс, чпок, юху, о-кей*), слов-паразитов (*ну, вот, как бы, это, типа того, значит, так сказать, это самое, блин, короче, прикольно, прикинь*), диалектной (*аржаной* вместо *ржаной*, *баклажка* вместо *бутылка*, *ковта'* вместо *ко'вта*, *это значить* вместо *это значит*) и арготической лексики (*«продвинутые» страны, ошманать – ощупать, стырить – украсть, хлобыстнуть – ударить*).

Многие публичные люди в последние годы говорят все более эмоционально. Они не всегда понимают, что не правы, повышая голос и употребляя фамильярные, дерзкие, оскорбительные слова. Подобное общение усиливает вредоносное воздействие современной коммуникации, приводит к эмоциональному напряжению слушателей.

Многочисленные примеры вульгарного общения были взяты из телепрограмм. Высшие чиновники, журналисты, забывают о политкорректности и дают волю своим чувствам. Обратимся к конкретным примерам. *«Вы преступники, поэтому не перебивайте меня»*. *«Гражданин Куценко, вы преступник!»*. *«Помолчи!»* (Время покажет, 28.06.2017 г.). *«Заканчивайте треп, бандерлоги!»*. *«Выгнать всех хохлов!»*. *«Москалей на ножи!»* (Время покажет, 29.06.2017 г.). *«Поляк в ударе»*. *«Интеллектуальный уровень ваш опущен ниже*

плинтуса» (Время покажет, 30.06.2017 г.). *«Если сосед наглеет, то ему бьют в морду»* (Время покажет, 3.07.2017 г.). *«Закройте рот и слушайте русских»* (Первая студия, 4.07.2017 г.). *«Американский газ им не по карману – приползут к нам на карачках»* (Время покажет, 4.07.2017 г.). *«Россия показывает Трампу средний палец»* (Место встречи, 4.07.2017 г.). *«Рот закройте! Трен! Вы занимаетесь демагогией и громко орете. Стыдобище!»* (Время покажет, 11.07.2017 г.). *«Пока был пряник. Хотите увидеть кнут? Вы его увидите»* (В. Жириновский, «60 минут», 13.07.2017 г.). *«Ваше дело сидеть и не вякать»* (60 минут, 13.07.2017 г.). *«Я не перебивал этого клоуна»* (Время покажет, 14.07.2017 г.). *«Ты как будешь голосовать, козел?»* (Время покажет, 18.07.2017 г.). *«Я даже разговаривать с вами не хочу. Хочется плюнуть вам в лицо. Тьфу, блин»* (Время покажет, 19.07.2017 г.). *«Ты от изнасилованной женщины родился? В концлагере? Вот и заткнись!»* (Время покажет, 19.07.2017 г.). *«Хорош перебивать. Молодежь, ну вы хоть старших уважайте»* (Н. Кричевский, «Время покажет», 28.07.2017 г.).

Эти и многие другие примеры речевой раскованности, ежедневно транслируемые СМИ и обсуждаемые в обществе, показывают, что эмотивная, оскорбительная лексика, а также аморальные действия членов общества по отношению друг к другу все чаще используется в качестве эмоционального аргумента для достижения коммуникативного эффекта.

Так, В. Жириновский говорит своему оппоненту: *«Я в ваших учениях не нуждаюсь. Понятно? Заткнись. По теме обсуждай. Кто тебе дал право меня обсуждать? Щенок. Ты будешь меня обсуждать? Илья Григорьевич (отчество Шаблинского Илья Георгиевич). Видите, нерусский. Русский бы не стал меня обсуждать. А Илья Григорьевич... лишь бы в говне была Россия и русские. Вот твоя задача. По теме говори: Украина, США, КНДР. Меня не трогай»* («60 минут»).

Все эти примеры не только не учат тому, как надо спорить, а фактически навязывают недопустимое поведение. В результате ни телевидение, ни радио, ни тем более Интернет не воспитывает культуру спора, не приучает людей культуре общения.

Каким же будет русское слово, что может сохранить русскую речь? Теряет ли русский язык качество литературности? На сегодняшний день решение этих вопросов является важнейшей задачей современной русистики, ведь нормальное состояние национального языка, высокий уровень речевой культуры – это показатели благополучного состояния общества.

Литература

1. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.
2. Сиротинина, О. Б. Динамизм процессов в современной русской речи / О. Б. Сиротинина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016. – № 3. – С. 9–14.
3. Черняк, В. Д. О языке СМИ и не только о нем / В. Д. Черняк // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2008. – № 3. – С. 62–66.

THE PROBLEMS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

(on the media stuff)

M. V. Kalinina

Abstract

The article deals with the problem of the Russian language in the 21st century. The examples of the distortion of the norms of the Russian language are presented on the basis of monitoring of different types of Russian media. It is noted that at the present stage of the language development a mixture of colloquial vocabulary with the neutral vocabulary is taking place. Emotional-expressive means of expression are enhanced, and social dialects are used. The fact that slang, vernacular elements, vulgarisms, time-filler words are more commonly used even by educated people is of particular concern.

Key words: the problem of the Russian language, loanwords, jargon, common parlance, time-filler words, vulgarisms, emotive, offensive words, language of mass media

ББК Ш400.221

УДК 821.111

К. Н. Савельев,
*доктор филологических наук, профессор,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
savakos@mail.ru*

ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД И ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДНЫХ ПЕРИОДОВ

В статье излагается тезаурусная концепция применительно к переходным периодам, рассматриваются литературные модели характерные для декаданса, ключевые для него понятия и образы; предпринимается попытка вычлнить ядро и структурные слои – предикаты, характерные для тезауруса английского декаданса

Ключевые слова: тезаурус, устойчивые и переходные периоды, Луков, декаданс, ценностные ориентации, тезаурусная организация

Неограниченные возможности в изучении переходных периодов предоставляет нам тезаурусный метод, который тщательным образом был проанализирован и получил свое отражение в многочисленных трудах профессора Вл. А. Лукова, к сожалению, уже ушедшего из жизни.

Базовое составляющее этого метода – понятие «тезаурус», которое вмещает в себя структурирование субъективных представлений о мире, человеке и культуре. В переводе с греческого под ним понимается сокровище. В качестве научного термина «тезаурус» широко применяется в самых различных областях гуманитарного знания: в филологии, лингвистике, семиотике, культурологии. И хотя нередко этому понятию придают различный смысл и используют в широком контексте, все же основное его смысловое ядро – это накопление, богатство, достаточность. Как пишет Вл. А. Луков, «назначение понятия «тезаурус» в понятийной системе гуманитарных наук выявляется тогда, когда необходимо отразить полноту некоторого знания (информации), существенного для некоего субъекта по какому-либо основанию» [7, 63].

И если предметом изучения культурологии является мировая культура, то тезаурология изучает процесс овладения культурными достижениями, осуществляемый субъектом (от отдельного человека до человечества). Отсюда сам тезаурус – это «систематизированный свод представлений от той части мировой культуры, которую может

освоить субъект, и объединяющая их на образной основе субъективная картина мира» [8, 10].

У тезаурусного подхода можно обнаружить некий центр тезауруса, внутри которого располагаются детализированные структурообразующие элементы, имеющие разные по значимости слои. Таким образом, опираясь на этот подход, мы можем рассмотреть архитектуру декаданса, являющегося одной из составных частей переходного периода, как структурированную модель, где выделяется основное ядро и различные прослойки – предикаты, которые легко могут менять свои контуры.

В основании этого ядра находится ряд хорошо узнаваемых характеристик: абсолютная свобода самовыражения, разрыв с классическим искусством и вызов общепринятым нормам, поиски новизны любым путем, бунт против банальности и всего природного, тяга ко всему искусственному, наличие мифологического мышления, особое внимание к языковым средствам и художественной технике, крайний субъективизм.

Ко всему этому следует добавить сопутствующие структурные элементы, определяющие векторы декаданса: тяга к мистической составляющей, невозможность восприятия окружающего мира как целостной и закономерной системы, получение удовольствия от картин страдания, пристальный интерес к пограничному состоянию человеческой психики, наличие эпатажа, влечение к смерти. Эту модель характеризует то, что «ядерные элементы» и «окружающие слои» не только постоянно соприкасаются между собой, но при этом еще и взаимодействуют друг с другом. Исследование тезауруса декаданса предусматривает также постоянное обращение к типичным для него мотивам, символам, сюжетам, включение его художественного наследия в общий тезаурус европейской культуры.

Культура декаданса явилась одной из ярких составляющих переходного периода, который приходится на рубеж XIX и XX вв. Применяя тезаурусный анализ, по мнению В.А. Лукова, можно легко убедиться, что вся эволюция европейской культуры Нового времени представляет собой волнообразное чередование стабильных и переходных периодов. Для стабильных, или устойчивых периодов (культура XVII, XVIII, XIX вв.) свойственны склонность к систематизации [12], размежевание культурных составляющих, характерная замкнутость границ, акцентирование внимания на одной определенной культурной тенденции. Переходные периоды (порубежное время) отличает неоднородность культурных моментов,

открытость границ систем, экспериментирование, быстрое изменение «географии культуры». И эти периоды чередуются между собой, когда устойчивый период, более протяженный по своим рамкам во времени, сменяется переходным периодом, совпадающим с рубежами веков.

В этом случае, пишет профессор Вл. А. Луков, «переходность – главное отличительное качество таких периодов, причем лишь последующее развитие литературы позволяет ответить на вопрос, в каком направлении произошел переход, внутри же периода он ощущается как некая неясность, повышенная изменчивость, заметная аморфность большего числа явлений» [7, 8]. Каждый тип культуры соответственно порождает и свой тип писателя и его мироощущение, утверждает свой специфический образ человека в сознании людей.

Переходные периоды создают все условия для декадентских настроений, которые с легкостью проникают в общественную, философскую, научную и религиозную мысль, и там способствуют переоценке устоявшихся ценностей. Человечество начинает испытывать потребность в декадансе именно в тот момент, когда возникает неопределенность, неуверенность в завтрашнем дне, когда одна историческая эпоха исчерпала свои возможности, а другая еще не зародилась, или, говоря словами Бердяева, когда «старое, гнилое, лживое еще не разрушено до конца, а новое, живое, правдивое еще не создано» [3, 142]. Все это приводит к тому, что у человека возникает недоверие к общепризнанным ценностям, он начинает осознавать себя свободным от прокрустова ложа догм и религий, социальных структур, словом, от всего того, что «потеряло душу и сделалось безжизненной схемой» [2, 55–56].

В контексте декаданса как переходного явления вполне оправданным, на наш взгляд, будет использование таких понятий, как «тьень» и «теневая эпоха». Проф. И. В. Вершинин в своих исследованиях по проблеме предромантизма подробно рассматривает этот принцип, и приходит к выводу, что во время чередования эпох переходные явления (в нашем случае декаданс) долгое время предпочитают держаться в «тени» эпох, которые считаются стабильными (романтизм, реализм).

Но ситуация коренным образом меняется на рубеже веков, и уже переходные явления выходят на первый план и начинают господствовать, в то время, когда будущие стабильные явления образуют «теневую эпоху». И тут же И. В. Вершинин справедливо заключает: «Конечно, «тьень» – это скорее образ, чем термин» [5, 34]. В данном случае использование этой закономерности поможет

расширить применимость концепции переходности, сформулированной в рамках тезаурусного подхода.

В. А. Луков предпринял попытку расширить эту теорию и предположил, что у «тени» есть возможность отбрасываться не только из будущего в прошлое, но этот процесс может происходить и в обратную сторону. Если это применить к нашему случаю, то именно «тьень» романтизма будет доминировать в эстетике декаданса и постоянно о себе напоминать. Ее можно будет отследить на самых различных уровнях, и в первую очередь, на генетическом и типологическом.

Пристальное внимание к самому понятию «декаданс» стало проявляться гораздо раньше, чем сформировалось само декадентское мироощущение на исходе XIX в. Существуют различные мнения по поводу его первоначального вхождения в повседневный оборот. По одной из версий полемика об упадке вкуса возникла еще в XVIII в., и основывалась она на преимуществе древних классических образцов перед новыми авторами. Так, в трактате «Рассуждения о причинах величия и падения римлян» (1734) Ш. Л. Монтескье, установив связь между состоянием законов Римской империи и гибелью гражданских добродетелей римского общества, придал декадансу определенную научную привлекательность. Эта работа наглядно показала, что без знания прошлого невозможно понять современность и обоснованно судить о будущем. Французские просветители (Ж. Ж. Руссо, Ф. Вольтер) заговорили об упадке вкуса, об утрате истинных ценностей, о приоритете античных образцов перед современными авторами. В одном из писем, адресованных Лагарпу, Вольтер советует тому позабыть об утверждении хорошего вкуса: «Мы во всех смыслах, – пишет философ, – живем во время ужасного упадка».

Как только термин «декаданс» прижился в трудах историков, он стал применяться как синоним упадка по отношению к римскому декадансу. Но он не всегда точно характеризует процессы, происходившие на закате Римской империи. Так, А. Ф. Лосев сомневается в целесообразности его использования, полагая, что термин «упадок» скорее носит оценочный характер, чем научно-объективный, и, что он вряд ли полностью характеризует такой огромный период, который простирается от походов Александра Македонского и до распада Римской империи. «Эпоху эту, если угодно, можно назвать периодом разочарования, когда вся цель философии виделась только в ограждении личности от зла, мирового и социального. Дело тут не просто в разочаровании как таковом,

но в отказе от некоторых объективистических установок ради внутренне-личного самосознания»[6, 7], – заключает А. Ф. Лосев.

Популярность декадентского искусства на исходе XIX в. была обусловлена существенными преобразованиями, произошедшими в европейском обществе. После стабильного классического века резко меняется мироощущение европейца, он будет тянуться ко всему иррациональному, мистическому, что не поддается логическому объяснению. Современники отмечали, что это было странное время, когда «ощущение упадка и неизбежности крушения сочеталось с утонченностью вкуса, с обостренным чувством прекрасного» [9, 346 347]. Это действительно была «прекрасная эпоха» (фр. Belle Époque), как ее было принято называть, но декаденты, уверовавшие в то, что они являются новыми калигулами и неронами, будут сопоставлять ее с декадансом Петрония. Что позволит П. Верлену написать сакральную фразу, ставшую поистине эмблемой эпохи: *«Je suis l'Empire à la fin de la decadence»* («Я – римский мир периода упадка» – в переводе Б. Пастернака).

В прошлое уходит старый миропорядок, целесообразная система мироздания, создававшаяся веками, казавшаяся такой незыблемой. «Тени», о которых поведал нам Ф. Ницше, по мнению Л. Г. Андреева, делали очевидным, что «завершается целый период человеческой истории, который определялся безусловными истинами – христианской моралью, просветительской верой в разум и в общественный прогресс. Истины эти не только устарели для Ницше, они произвели на свет «формулу упадка», произвели плоды декаданса – все эти «новейшие идеи», или же «идеи восемнадцатого века», они же «французские идеи», хотя и «английского происхождения», идеи «цивилизации», «гуманизма», «прогресса [1, 241].

Можно говорить о том, что понятие «декаданс» носит универсальный характер. Ни одно общество не застраховано от того, чтобы в один прекрасный момент не оказаться подверженным недугу, имя которому «пресыщение». Декаданс может проявиться совсем неожиданно, в любое время, так как «в известном смысле любой феномен, проявленный во времени, начиная с «золотого века», несет на себе печать упадка» [10, 142]. Однажды У. Эко произнес фразу, суть которой сводится к тому, что «каждая эпоха знает свой постмодернизм». Сегодня можно уже однозначно сказать, что каждая эпоха на исходе своего развития рискует оказаться в объятиях своего декаданса.

Таким образом, прибегнув к тезаурусному подходу, мы сможем наглядно продемонстрировать, какие именно литературные модели были характерны для декаданса, выявить, что является «своим»,

а что «чужим», так сказать приобретенным, осветить и другие аспекты избранной темы с новых позиций.

Литература

1. Андреев, Л. Г. От «заката Европы» к концу истории / Л. Г. Андреев // «На границах». Зарубежная литература от средневековья до современности : сб. работ / отв. ред. Л. Г. Андреев. – М.: ЭКОН, 2000. – С. 240–255.
2. Бальмонт, К. Д. Декадентство и символизм / К. Д. Бальмонт // Литературные манифесты. – М., 2001. – С. 55–56.
3. Бердяев, Н. А. О «Литературном распаде» / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции : сб. статей. – М.: Канон, 1998. – С. 142–148.
4. Божович, В. И. Традиции и взаимодействие искусств. Франция конец XIX – начало XX века / В. И. Божович. – М.: Наука, 1987. – 319 с.
5. Вершинин, И. В. Предромантические тенденции в английской поэзии XVIII века и «поэтизация» культуры: монография / И. В. Вершинин. – Самара: СГПУ, 2003. – 350 с.
6. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / А. Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1979. – Т. 5. – 816 с.
7. Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. Тезаурусы: Субъективная организация гуманитарного знания / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков. – М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. – 784 с.
8. Луков, Вл. А. Эдмон Ростан / Вл. А. Луков. – Самара: СГПУ, 2003. – 268 с.
9. Минц, З. Г. Поэтика русского символизма / З. Г. Минц. СПб.: Искусство-СПб, 2004. – 480 с.
10. Савельев, К. Н. Новые подходы в осмыслении понятия «декаданс» / К. Н. Савельев // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 1. – С. 141–147.
11. Тишунина, Н. В. Театр У. Б. Йейтса и проблема развития западноевропейского символизма / Н. В. Тишунина. СПб.: Образование, 1994.
12. Abramzon T. E., Rudakova S. V. , Zaitseva T. B., Kozko N. A., Tulina E. V. The Consistency Of Lyric Artistic Thinking / T. E. Abramzon, S. V. Rudakova, T. B. Zaitseva, N. A. Kozko, E. V. Tulina // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – Т. 11. – № 17. – С. 10185–10196.

**THE THESAURUS APPROACH AND THE PROBLEM
OF TRANSITIONAL PERIODS**

K. N. Saveliev

Abstract

The article presents the thesaurus concept in relation to transition periods, literature models that are characteristic of decadence, its key concepts and images. The author reveals the core and structural layers – the predicates characteristic of thesaurus of English decadence.

Key words: thesaurus, stable and transitional periods, Lukov, decadence, value orientations, thesaurus organization

ББК 81.1-923
УДК 811.111

А. В. Уланов,
*доктор филологических наук,
Сибирский институт бизнеса и
информационных технологий
ulanov.andrey.2014@mail.ru*

КОРПУСНЫЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена особенностям применения корпусного подхода к исследованию лексики русского языка. Автор останавливается на важности применения корпусного подхода, позволяющего исследовать конкретные единицы русского языка с формально-семантической и количественно-статистической точек зрения. Приводятся мнения ученых на природу лингвистического, или языкового, корпуса, устанавливаются общие особенности корпусного подхода, которые терминологически определяются представителями научной лингвистической мысли. Особую роль в корпусной лингвистике современного русского языка играет исследование лексики русского языка с позиции словесной единицы / словосочетания; производной / непроизводной лексической единицы; словесной единицы в прямом значении / в переносном значении.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, лингвистический корпус, корпусные методы, лексический фонд русского языка

Корпусная лингвистика является относительно новым разделом прикладной лингвистики. В центре внимания корпусной лингвистики – общие принципы и подходы к построению и изучению лингвистических корпусов, иначе в корпусной лингвистике называемых корпусами текста. Превосходством корпусной лингвистики является возможность применения корпусных методов в целях изучения одного лингвистического явления на материале массива (корпуса) языковых единиц. Развитию корпусной лингвистики способствовало интенсивное внедрение корпусных методов обработки текста, а также появление в языкознании компьютерных технологий, которые позволили отобрать большой массив языковых средств разных уровней, а уже впоследствии применить методы лингвистических исследований к отдельным таким единицам.

Корпусная лингвистика обеспечила не только возможность формально-семантического исследования конкретных единиц по различным принципам, но и возможность количественно-статистического исследования, позволившего сделать выводы о широте и объеме представленности языковых единиц в текстах конкретной стилистической природы.

Информационные технологии позволяют различать в корпусной лингвистике, с одной стороны, поиск и обработку ценных в языковом отношении контекстов, с другой стороны, обеспечивать экспериментальные исследования внутри данного корпуса.

Методы корпусной лингвистики активно используются в компьютеризированном языковом обучении [2], в общелингвистических исследованиях – в рамках изучения паремиологии [3]. Особую роль корпусная лингвистика играет в изучении иностранных языков [15].

В научных работах даются разные дефиниции корпуса текстов.

«Корпус текстов – это вид корпуса данных, единицами которого являются тексты или их достаточно значительные фрагменты, включающие, например, определенные отрывки текстов данной проблемной области» (А. Н. Баранов) [1].

«Лингвистический или языковой, корпус – большой, представленный в машиночитаемом формате, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» (В. П. Захаров, С. Ю. Богданова) [4, 5, 6].

«Корпус – репрезентативное собрание текстов, обычно в машиночитаемом формате, включающее информацию о ситуации, в которой текст был произведен, такую, как информация о говорящем, авторе, адресате или аудитории» (Э. Финеган) [22].

«Корпус – это не только мощный инструмент исследования языка, но и новая идеология, ориентирующая исследователя на текст как главный объект теоретической рефлексии. Можно сказать, что корпус в каком-то смысле вернул лингвистам их подлинный объект – тексты на естественном языке в максимально полном объеме, и последствия этого неожиданного приобретения, на наш взгляд, еще скажутся в ближайшем будущем не только на лингвистической практике, но и на лингвистической теории» (В. А. Плунгян) [14].

М. Ю. Колокольникова пишет, что «корпус часто рассматривается как некая уменьшенная модель языка или подъязыка». Автор устанавливает соотношение между корпусным методом и дискурс-анализом. «На первоначальном этапе дискурс-

анализа необходимо, прежде всего, выделить корпус текстов, в котором бы нашли отражение специфические черты изучаемой культурно-речевой сферы. При этом электронная обработка текстов имеет, естественно, неоспоримые преимущества перед ручной, крайне трудоемкой и требующей большой затраты времени, которая далеко не всегда оправдывает себя» [8].

В прикладных исследованиях под корпусом часто понимается электронная база, которая включает два вида электронных ресурсов – корпусы текстов и словарь [8].

Е. А. Нахимова лингвистическим корпусом называет совокупность текстов, прошедших необходимую компьютерную обработку, они размечены «по определенной схеме и обеспечены поисковой системой, которая позволяет выявлять те или иные лингвистические феномены» [11].

Н. В. Козлова указывает, что корпусом считается собрание текстов одного или нескольких языков, связанных между собой определенными параметрами. Н. В. Козлова верно определяет особенности лингвистического корпуса: «множество текстов представлены в электронном виде; языковые данные размечены для анализа в лингвистических целях»; возможно дальнейшее распределение текстового материала по различным параметрам [7]. Таким образом, внимание к дефиниции понятия «корпус» находит отражение в различных направлениях языкознания [7].

Наукометрический анализ корпусной лингвистики, проведенный на сайте НЭБ (elibrary.ru) – Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), позволяет судить о чрезвычайной распространенности данного понятия в современной лингвистике в целом. Путем ввода синтагматически зафиксированных словосочетаний мы обнаружили виды анализа таких видов лингвистических корпусов, как:

а) корпус по материальной форме представления: *электронный корпус, размеченный корпус текстов;*

б) корпус по характеру включенных документов: *корпус аутентичных устных текстов, корпус текстов, лингвистический корпус, Корпус Гиппократа (медицинские тексты), корпус публицистических текстов, электронный корпус публикаций по технической эксплуатации, корпус текстов интервью, корпус параллельных текстов, корпус сказок, корпус PR-текстов, корпус современных церковнославянских богослужебных текстов, корпус текстов Платона.*

в) корпус по языковой принадлежности:

Национальный корпус (калмыцкого языка, русского языка, корпус современного американского английского языка (COCA), корпус английских текстов, электронный корпус текстов тувинского языка, русско-белорусский корпус учебных текстов, корпус прозаических текстов башкирского языка).

Отметим что в «Лингвистическом энциклопедическом словаре русского языка» [9] понятие «корпус» отсутствует, что свидетельствует о развитии данного понятия в лингвистике постсоветского периода.

Появление корпусной лингвистики предопределило и закрепление терминологического аппарата этой прикладной дисциплины: лингвистический корпус, корпусные методы исследования и т. д. Корпусные методы могут быть применены в рамках исследования отдельных областей лексики русского языка, однако их специфика может варьироваться в соответствии с особенностями данных смысловых областей, возможностей языковых единиц, их употребления, синтагматических и парадигматических возможностей и т. п. Особенности словоупотребления лексем военной сферы почерпнуты нами в работах, посвященных русскому военному дискурсу [16–20]. Мы предприняли корпусное исследование военной лексики русского языка и пришли к выводу, что оно возможно в следующих аспектах:

1. С позиции словесной единицы / словосочетания;
2. С позиции производной / непроизводной лексической единицы;
3. С позиции словесной единицы в прямом значении / в переносном значении.

Отметим, что в «Национальном корпусе русского языка» поиск предлагается в акцентологическом / газетном / диалектном / мультимедийном / обучающем / параллельном / поэтическом / синтаксическом / устном корпусах. В исследованиях, построенных на корпусном методе возможно изучение лексем, отличающихся продуктивностью употребления. Корпусное исследование лексем предпринято нами и в работе [21] о присутствии / соотношении в «Национальном корпусе русского языка» (ruscorpora.ru) терминов «предприниматель» и «бизнесмен».

При количественном подсчете использования экономических терминов *предприниматель* и *бизнесмен* в русском медийном дискурсе удалось установить, что термин *предприниматель* зафиксирован в 689 документах 956 раз, а термин *бизнесмен* в 574 документах 886 раз. Таким образом, можно сделать вывод о том, что термин *предприниматель* чаще используется в языке и сфера его

функционирования намного шире. В сфере публицистики нам удалось выявить 745 случаев употребления словоформ термина *предприниматель*, и 540 случаев употребления термина *бизнесмен*. Единственная сфера, в которой нам удалось выявить преимущество в употреблении термина *бизнесмен*, это художественная, здесь количественное соотношение выглядит следующим образом: *предприниматель* – 109 случаев употребления словоформ в 71 документе, и 325 случаев употребления словоформ термина *бизнесмен* в 136 документах. Например, в сфере электронной коммуникации соотношение употребления данных терминов составляет 13 словоформ к 1 в пользу термина *предприниматель*. В таких нехудожественных сферах, как рекламная, церковно-богословская, бытовая и производственно-техническая, использования данного термина не выявлено вообще, в то время, как термин *предприниматель* активно используется в них.

Отметим, что важность корпусного метода предопределяет важность исследования лексического материала в массиве лингвистических единиц.

Литература

1. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие / А. Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
2. Бубнова, Н. В. Оним Смоленск в составе общенациональных фоновых знаний (на материале национального корпуса русского языка) / Н. В. Бубнова [Электронный ресурс] // Язык и культура. – 2014. – № 3 (27). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/onim-smolensk-v-sostave-obschenatsionnykh-fonovykh-znaniy-na-materiale-natsionalnogo-korpusa-russkogo-yazyka>
3. Дюрчо, П. Паремология и корпусная лингвистика / П. Дюрчо [Электронный ресурс] // Вестник НовГУ. – 2014. – № 77. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/paremiologiya-i-korpusnaya-lingvistika>
4. Захаров, В. П. Поисковые системы Интернета как инструмент лингвистических исследований / В. П. Захаров // Русский язык в Интернете. – Казань, 2003.
5. Захаров, В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова: учебник для студентов направления «Лингвистика». 2-е изд., перераб. и дополн. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 148 с.
6. Захаров, В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова: учебник для студентов гуманитарных вузов. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 161 с.

7. Козлова, Н. В. Лингвистические корпуса: Определение основных понятий и типология / Н. В. Козлова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nsu.ru/rs/mw/link/Media/34759>

8. Колокольникова, М. Ю. Дискурс-анализ и корпусный анализ в исследованиях в области исторической лексикологии / М. Ю. Колокольникова [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия Филология. Журналистика. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 3–6. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/kolokolnikova-10.htm>

9. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

10. Нагель, О. В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении / О. В. Нагель [Электронный ресурс] // Язык и культура. 2008. – № 4. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/korpusnaya-lingvistika-i-ee-ispolzovanie-v-kompyuterizirovannom-yazykovom-obuchenii>

11. Нахимова, Е. А. Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – Вып. 3 (45). – Екатеринбург, 2013. – С. 48–56.

12. Некрасова, Г. А. Электронный диалектный корпус как ресурс сохранения и изучения коми диалектов / Г. А. Некрасова // Финно-угорский мир. № 1 (6). – Саранск, 2010. – С. 13–16.

13. Пахолкова, И. А. Применение методов корпусной лингвистики в традиционном языкознании / И. А. Пахолкова [Электронный ресурс] // Вестник МГЛУ. 2012. – №13 (646). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metodov-korpusnoy-lingvistiki-v-traditsionnom-yazykoznanii>

14. Плунгян, В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В. А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 7–20.

15. Сысоев, П. В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам / П. В. Сысоев [Электронный ресурс] // Язык и культура. – 2010. – №1 (9). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-korpus-v-metodike-obucheniya-inostrannym-yazykam>

16. Уланов, А. В. Лексические особенности русского военного дискурса XIX века (региональный аспект) / А. В. Уланов [Электронный ресурс] // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (24). – Режим доступа:

<http://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-osobennosti-russkogo-voennogo-diskursa-xix-veka-regionalnyy-aspekt>

17. Уланов, А. В. Региональные особенности русского военного дискурса XIX начала XX веков / А. В. Уланов [Электронный ресурс] // ОНВ. – 2014. – №3 (129). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-osobennosti-russkogo-voennogo-diskursa-xix-nachala-xx-vekov-1>

18. Уланов, А. В. Диахроническое развитие русского военного дискурса XIX века / А. В. Уланов [Электронный ресурс] // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2014. – № 4. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/diahronicheskoe-razvitiie-russkogo-voennogo-diskursa-hih-veka>

19. Уланов, А. В. Военная структура в рамках русского военного дискурса и военной языковой картине мира XIX в. / А. В. Уланов [Электронный ресурс] // Вестник ОмГУ. – 2013. – №1 (67). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-struktura-v-ramkah-russkogo-voennogo-diskursa-i-voennoy-yazykovoy-kartine-mira-xix-v>

20. Уланов, А. В. Лексема солдат в военном дискурсе русского языка / А. В. Уланов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2016. – № 6 (56). – С. 110–118.

21. Уланов А. В., Просвирнина Л. Г. Предприниматель vs. Businessman в русском медийном дискурсе / А. В. Уланов, Л. Г. Просвирнина // Социально-экономические и правовые системы: современное видение : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 3 марта 2017 г.) / АНОО ВО «СИБИТ»; Северо-Казахстан. гос. ун-т им. М. Козыбаева; Межд-унар. ин-т Ун-та внеш. экон. связей и внеш. торговли; Ун-т «Туран-Астана»; [редкол.: В. А. Ковалев, М. Г. Родионов, А. В. Уланов]. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. – С. 235–239.

22. Finegan E. LANGUAGE: its structure and use / E. Finegan. – N. Y.: Harcourt Brace College Publishers, 2004.

**CORPUS METHOD IN THE STUDY
OF RUSSIAN VOCABULARY**

A.V. Ulanov

Abstract

The article is devoted to peculiarities of application of the corpus approach to the study of military vocabulary of the Russian language. The author dwells on the importance of using corpus approach to the Russian language, which allows you to explore specific units not only from the formal semantic, but also from a quantitative and statistical point of view. Opinions of scientists on the nature of linguistic or language, corpus are presented in the article. The general characteristics of the corpus approach, which define terminology within the linguistic thought, are established. The study of Russian vocabulary from the position of the word units / collocations, derivative / non-derivative lexical units, verbal units in the literal / figurative sense plays an important role in corpus linguistics of the modern Russian language.

Key words: corpus linguistics, linguistic corpus, corpus-based methods, lexical fund of the Russian language

ББК 87.22

УДК 130.2

Н. А. Царева,

*доктор философских наук, доцент,
Тихоокеанское высшее военно-морское училище
им. С. О. Макарова, г. Владивосток,
nadezda58@rambler.ru*

ОСОБЕННОСТИ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ТЕКСТУ В РУССКОМ СИМВОЛИЗМЕ

В статье рассматривается концептуальное значение герменевтики в русском символизме. Обращение к герменевтическому методу теоретиков символизма связано с усилением внимания к сфере сознания субъекта, возможностью сопряжения реальности и сверхреального. Идея о тождестве части и целого лежит в основе понимания Вяч. Ивановым культуры как текста. Понимание текста осуществляется с личностных позиций. Герменевтический метод позволяет осмыслить и объяснить факты сознания.

Ключевые слова: русский символизм, Белый, Иванов, герменевтический метод, внерациональные методы познания

Культура постиндустриального общества – это культура техники, технологий и информации. Все знания материализованы в текстах. Необходимость постижения множества смысловых планов требует от читателя размышлений и интуиции. Герменевтика помогает человеку открывать множественные пласты текста, что в конечном итоге способствует пониманию не только текста, но и самого себя, общественных и исторических процессов. Отсюда внимание современных философов и филологов к проблемам понимания текста. С этой точки зрения, выявление особенностей и роли герменевтического метода в учении символистов представляет особый интерес.

Проблема герменевтического анализа текста в русском символизме, рассматривается в ряде научных работ: О. Астахов, В. Айрапетян, К. Исупов, О. Платоненко, Н. Царева и др. [1]. Исследователи отмечают очевидный интерес русских символистов к модели процесса понимания как к круговой структуре герменевтического познания. Обращение к герменевтическому методу теоретиков символизма связано, прежде всего, с увлечением

вопросами реализации «я» индивида, возможностью сопряжения реальности и сверхреального, проблемой бессознательного и интуиции. Для символистов герменевтический анализ как внерациональный является приоритетным. Интерпретация позволяет полно представить произведение на всех уровнях его структуры, проникнуть в глубинный смысл текста, структурировать неясные, противоречивые формы произведения, понять характер и психологию автора. В настоящей статье мы обратим внимание на специфику восприятия герменевтики, приобретающей в символизме концептуальное значение.

Вопрос понимания текста является одним из центральных в учении символизма. Представители этого культурного феномена в осмыслении культурных традиций обращаются к герменевтическому методу, способному дать полное представление о произведении на всех уровнях его структуры. Проникнуть в глубинный смысл текста, структурировать неясные, противоречивые формы произведения, понять характер и психологию автора позволяет интерпретация – постепенный переход от явного смысла к скрытому. Символизм вносит свою специфику в понимание герменевтики. Следует рассмотреть основные положения в осмыслении герменевтического метода в русском символизме.

Во-первых, теоретики символизма следуют основным положениям герменевтического метода и модель процесса понимания конструируют соответственно принципу герменевтического понимания текста.

Теоретики символизма убеждены, что подход к тексту нужно осуществлять с личностных позиций, и символизированный круг должен открываться через предмет понимания смысла в самом себе. Понимание – есть самопонимание, так как в проявлении чужой индивидуальности не может выступать ничего такого, чего не было бы в познающем субъекте. Интерпретатор может усмотреть в понимаемом материале то, что уже есть в нем самом. Цель понимания состоит в перенесении смысловой связи из другого мира (исторического, личностного) в собственный.

Человеческий опыт истины символисты рассматривают шире, чем область научного познания. Действительно, во всех формах духовно-практического освоения мира человеком (политика, искусство, нравственность, историческая традиция и т.д.) мы имеем дело не только с объективным познанием, но также с субъективным переживанием истины. Истина, по убеждению мыслителей, это не только характеристика познания, но и характеристика бытия. Она

не может быть целиком усвоена при помощи метода, а может лишь приоткрыться для осмысления понимающему. Истина «свершается», и преимущественный способ ее свершения – искусство создания и расшифровки символов (понимание). Так символисты приходят к выводу, что понимание задаётся личностным опытом человеческого «Я», в результате процесса понимания неизбежно создаётся собственный авторский текст.

Символическое искусство Вяч. Иванов связывает с бессознательным творчеством. Метафизические глубины мира открываются посредством интуиции. Основные этапы познания в учении Иванова соответствуют этапам круговой структуры герменевтического познания, определенного Ф. Шлейермахером. Принцип герменевтического понимания текста предполагает: а) выдвижение некоторой гипотезы, в которой содержится предчувствие или предпонимание смысла как целого; б) интерпретацию, исходя из этого смысла, отдельных его фрагментов, т.е. движение от целого к его частям; в) корректировку целостного смысла, исходя из анализа отдельных фрагментов, т.е. обратное движение от частей к целому.

Понимание рассматривается Ивановым как процесс, в котором под внешним покровом явлений, чувственно данных знаков художник раскрывает внутреннее содержание: первым моментом познания в учении Иванова, как в герменевтическом круге, становится предпосылочное, т.е. первичное понимание. Пребывание в некоторой низшей реальности дает художнику, так или иначе, представление о том, что предстоит понять. Каждый субъект имеет познание себя изнутри, имманентное знание о себе и мире. Содержание первичного понимания определяется традицией культуры, к которой принадлежит субъект. Вторым моментом является удаление в сферу сознания, которая находится вне этой реальности. Третий момент представляет собой совмещение имманентного пребывания в познаваемом и его трансцендентное созерцание. Интерпретатор открывает символизированный круг через предмет понимания смысла в самом себе. Речь идет об умении видеть и изучать явление как внутренне соотношенное с человеческой субъективностью. С помощью интерпретации реальность отражается в соответствии с жизненными реалиями, в определенном аспекте.

Интуитивные силы пробуждаются у художника на втором этапе, когда творческий дух в трансцендентной сфере, не связанный с переживаемой действительностью, испытывает состояние «восхождения». Иванов представляет процесс «восхождения»

как пересечение сферы миражей и иллюзий на пути к высшим истинам. Если художник не отказывается от своих страстей и вожделений, он не доберется до подлинной вершины, и тогда в его произведениях отразится только субъективное видение мира. Но если художнику удастся полное восхождение, ему откроются «родники интуиции» и «начертания знаков реальностей как некие первые оболочки мира бесплотных идей» [4, 210]. Тогда, при возвращении из трансцендентного мира, для художника будут безопасны иллюзии, он сможет их оценить объективно. Тот, кто достиг области интуитивного прозрения, приобретает объективное видение мира. Именно поэтому Иванов полагает, что «дионисийское волнение интуитивного мига» всегда завершается аполлинийскими видениями.

Во-вторых, в русском символизме текст рассматривается как история мира, целостная культурная вселенная, в исследовании которой необходим герменевтический метод.

Идея тождества отдельного явления и мира в целом с текстом рассматривается в работах Вяч. Иванова. Истоки этой идеи лежат в учении Вл. Соловьева о существовании абсолютного в единичном явлении: «...истинное поэтическое созерцание видит абсолютное в индивидуальном явлении, не только сохраняя, но и бесконечно усиливая его индивидуальность» [7, 243]. Идеи Соловьева и «Монадология» Лейбница – учение о конкретно-целом, двуединстве в единстве – лежат в теории Иванова о свертывании макрокосма и разворачивании микрокосма. Называя символ монадой, Иванов утверждает идею тождества части и целого, микрокосма и макрокосма, согласно которой монада-микрокосм, отдельная замкнутая целостность, содержит в себе в свернутом виде все ей внеположное – макрокосм. В малейшем фрагменте вмещена вся целостность мира.

Идея о тождестве части и целого лежит в основе понимания Ивановым культуры как текста. Каждый текст и вся их совокупность, полагает Иванов, представляет собой части целостности культурной вселенной, включающей в себя и Евангелие, и Пушкина, и современные произведения. В каждом конкретном тексте, как в микрокосме, отражается макрокосм. Вселенская культура – это гипертекст, содержащий различные смыслы. Герменевтический метод позволяет сформулировать Вяч. Иванову свое понимание культуры, которое основывается на идее тождества части и целого. По словам А. Ф. Лосева, все творчество Иванова «есть умозрение и видение мира в целом» [6, 159].

Герменевтический анализ текста в учении Иванова наделяется онтологическим статусом. Герменевтический анализ текста способен

дать новую картину мира. Желая доказать, что бытие человека заключается в понимании, мыслители обращаются к философской герменевтике. Понимание трактуется не только как способ познания, но способ существования человека. В работах Иванова герменевтика предстает не столько искусством толкования текстов, но онтологическим учением. Понимание входит в структуру самого бытия: от того, как люди понимают друг друга, различные культуры, зависит их жизнь. Кроме того, расширенное понятие текста, которым может быть история, жизнь человека, народа, природы и т.д., дает множество знаков, которые необходимо понять для создания картины мира. Так в учении Иванова интерпретация становится специфическим родом бытия.

В-третьих, герменевтика в символизме становится искусством толкования многозначных символов. С точки зрения символистов, каждая вещь представляет собой материальное, единичное воплощение идеального, общего, поэтому свою задачу мыслители видят в выявлении специфики взаимодействия в символе вещи и смысла. В образном слове, содержащем в себе беспредельную информацию о вселенной, символисты видят средство проникновения в мир явлений для постижения сокровенной связи сущего. По словам М. Бахтина: «Символ для них не только слово, которое характеризует впечатление от вещи, не объект души художника и его случайной судьбы: символ знаменует реальную сущность вещи» [2, 375].

Русские мыслители стремятся обнаружить в слове изначально заложенный творческий потенциал. В слове происходит сближение образа и вещи. Слово и вещь как бы отождествляются, реальность и символика выступают в единстве. Мысль проявляется через слово, причем каждый акт говорения является творческим процессом, в котором не повторяется уже готовая истина, но рождается новая. Слово называет «по именам» еще не освоенные сознанием вещи и тем самым расширяет сферу сознания. Слово символисты понимают как первичный метод познания, поскольку назвать – это уже познать. Символ прикасается к первородному, изначальному, дает «мерцать» несказанному, спланирует в себе мирское и божественное и показывает пути к иному миру. Поэтому для символистов характерно особое культурное отношение к языку, слову, способному преобразовать действительность.

Вяч. Иванов полагает, что памятники слова, язык составляют главнейший материал для исследователя. Одним из основных методов понимания текста Иванов видит герменевтику. Различая «низшую критику» и герменевтику, Иванов отдает предпочтение последней.

«Низшая критика» как точная часть филологии требует научной строгости, соблюдения определенных норм, выработанных наукой. Простейшие способы объяснения важны для обретения связности понимания, поэтому Иванов не отрицает значения археологических открытий. В то же время он считает, что герменевтика как наиболее истинный метод познания позволяет понять, что собственно и как говорят нам в литературных памятниках древние, на что они намекают своим словом.

«Высшая герменевтика» предполагает восхождение «по ступеням обобщения до эмэндации и интерпретации текста к объяснению и оценке всего произведения, далее – всего автора, потом всего представляемого им направления и литературного рода, наконец – к характеристике духа эпохи и даже к философскому истолкованию той или иной стороны античного сознания и творчества в целом» [5, 423]. В герменевтике интуитивный элемент преобладает над позитивным, и поскольку исследователь не в силах доказать свои идеи, то форма выводов бывает чаще всего гипотетической. Иванов убежден, что герменевтика ничем не уступает точным научным методам, так как в любой науке высшая область познания осмысливает преимущественно внерационально.

Иванов не исключает использования в исследовании «нижней критики», привлечение исторических свидетельств и мнений исследователей, несомненно, даст результат. Действительно, герменевтический анализ текстов включает в себя исторический анализ, поскольку понимание словесных памятников возможно при установлении внешней и внутренней причинности явлений, а также их органической связи. На этой исторической почве на первом месте оказываются общие факты, а индивидуальное теряет часть самостоятельного значения, но не исчезает. Как и другие символисты, Иванов полагает, что познание мира требует выхода за пределы индивидуальности, которая становится типическим выражением общего, коллективного. Индивидуальное рассматривается как «такое отклонение от общего, по которому возможно определить направление магистрали <...> чем зорче взгляд наш устремляется на общее, тем индивидуальнее окрашивается в наших глазах источник» [5, 425]. Мы никогда не примем слова Платона за общее мнение, содержание которого открывается в конкретном высказывании философа.

Итак, в теории символизма, в связи с особым пониманием слова, символа, герменевтика понимается как искусство толкования иносказаний, многозначных символов. Следовательно, герменевтика как интерпретация языка является действенным способом познания бытия.

В-четвертых, герменевтический метод может быть рассмотрен как наиболее действенный в осмыслении проблем, связанных с пониманием экзистенции человека, отношений между людьми в различных сферах жизни: духовной, социальной, экономической.

О механизмах интуитивного постижения сущности слова размышляли виднейшие представители символизма. Обнаружение истины, проявляющейся в символах, доступно творческой личности. Интуиция есть внерациональный процесс осознания бессознательного. Переход в сферу сознания элементов из бессознательного достигается посредством языка. Сознание есть раздвоение субъективного на «Я» и «не-Я», которое достигается посредством вербализации. Субъект выделяет себя из окружающей среды и противопоставляет себя ей. Человек благодаря своему субъективному сознанию, отрешившись от себя, может вернуться к себе и воспроизвести свой внутренний мир с помощью языка.

В связи с этим проблемы подсознания, интуиции, предвосхищения являются ключевыми в теории символизма. Если истина, скрытая в глубине сознания, проявляется через конкретные слова, символы, события, значит, истина может быть обнаружена в рамках определенного контекста. Сущность человеческого сознания выражается в словах, интерпретация которых способна открыть глубину внутреннего мира.

Если объектом интерпретации становится человеческий дух, то герменевтический метод позволяет осмыслить и объяснить факты сознания. В герменевтическом анализе текста, считает Вяч. Иванов, необходимо весь фактический материал разделить на факты сознания и факты материальные, при этом первые будут иметь приоритетное значение. Для доказательства этой идеи, Иванов обращается к античности и рассматривает религию Диониса. По мнению философа, культ Диониса связан с идеями жизни и смерти, представленными в вечных общечеловеческих символах. Поэтому обряд поклонения Дионису, выражающий сознание, дух человека, устойчив по своей природе, и его символика имеет непреходящий характер. Сверхчеловеческие существа, испытывающие страдания, переживающие смерть и воскрешение, представлены в мифах различных народов. Поэтому миф принимается Ивановым как живая летопись духовной жизни народа. В мифе вопрос о примате материи над сознанием отступает на второй план. Проблемы социально-экономического характера становятся принципиальными уже в последующем этапе развития, когда сформировано ядро сознания. Основным, первичным фактом сознания Иванов считает идею

дионисийства как идею умирания и воскрешения. Это простейшее и конкретное содержание находится в глубине нашего сознания под оболочкой новейших культурных образований. Обнаружить его сложно, поскольку, когда снимаешь позднейшие культурные наслоения, необходимо понимать, что они также содержат в себе «это ядро истари живой и жизненной правды душевного состояния» [5, 427].

Согласно символистской концепции традиции, в разные эпохи человеческая деятельность проявляется по-разному, и, тем не менее, ее проявления имеют тесную органическую связь. Через понимание сознания можно обнаружить тесную связь различных культур и эпох. Параллельность развития культурных форм обусловлена, по Белому, глубинными соответствиями человеческого духа.

Произведение искусства остается реальным и через столетия, поскольку сознание читателя переживает одновременно прошедшее и настоящее. Когда читатель погружается в сознание прошлых эпох, он извлекает из него нечто единичное, то, что необходимо только ему. В процессе осмысления фактов сознания происходит не только понимание интерпретируемого, но и понимание себя как интерпретатора.

Переработка текста прошлых культур, полагает Белый, требует освобождения от образов старого текста, как от преград в сознании. Возможность нового видения культурного наследия Белый связывает не с осознанием исторической эпохи, не с усвоением традиционных понятий, но с осознанием других культур через призму индивидуального сознания.

«Расширение сознания» Белый понимает как сопереживание индивидуальным сознанием различных культур, пересечение личным «Я» всех других «Я» не только своего времени, но и прошедшего. Для такого «Я» время расширяется, оно становится множественным, пространственные границы разрушаются, и создается новое видение всей предшествующей культуры. Переосмысление текста возможно через свое личное сознание и индивидуальное сознание автора.

Модель расширения сознания «Я» Белого напоминает герменевтический круг, в котором при движении «...каждая точка в развертываемой спирали есть миг осознания в новом себя; это новое осознание, или сознание в собственном смысле; оно настоящее; и оно – в постоянной текучести, в неповторяемости любого момента; и – в новом всегда» [3, с. 219]. Когда душа человека соприкасается с прошедшим, то сознание способно переработать всю сумму прошедшего. Закономерность поступательного движения по спирали необходимо предполагает сосуществование прошлого, настоящего

и будущего. Осознание всех уже бывших моментов сознания очерчивает перспективу движения вперед.

Таким образом, интерес к герменевтическому методу символизма показывает, что в социокультурной сфере этот метод является для них приоритетным по отношению к рациональным методам. Задачи философской герменевтики с ее трактовкой понимания как способа существования человека, наиболее близки замыслам теоретиков русского символизма.

Современная духовная ситуация заставляет по-новому прочитывать уже знакомые тексты. Через раскрытие многозначности текста познается духовная жизнь человека и общества. Размышления о значении герменевтического метода в русском символизме позволяют рассматривать его как наиболее значимый метод современного анализа человека и мира.

Литература

1. Астахов, О. А. Идеи русского символизма конца XIX–нач. XX века в русской культурно-исторической типологии П. Сорокина / О. А. Астахов // *Обсерватория культуры*. – 2015. – № 6. – С. 62–66; Исупов, К. Символизм и герменевтика / К. Исупов. – Sicdlee. – 2012. – 47 с.; Платоненко, О. М. Истина и образ. Символизм и философская герменевтика / О. М. Платоненко. – Барнаул, АГПУ, 2005. – С. 148–154.; Царева, Н. А. Философия культуры русского символизма и европейского постмодернизма (компаративистский подход) / Н. Царева. – СПб., 2011. – 493 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 375 с.
3. Белый А. История становления самосознающей души / А. Белый // *Душа самосознающая*. – М.: Канон+, 1999. – С. 87–438.
4. Иванов, Вяч. Мысли о символизме / Вяч. Иванов // *Родное и вселенское*. – М.: Республика, 1994. – С. 162–230.
5. Иванов, В. Дионис и прадиионисийство / В. Иванов // *Эсхил. Трагедии*. – М.: Наука, 1989. – С. 6–21.
6. Лосев, Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев – М.: Искусство, 1976. – 367 с.
7. Соловьев, В. С. Чтения о Богочеловечестве / В. С. Соловьев // *Собр. соч.*: В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – С. 243.

**PECULIARITIES OF THE HERMENEUTICAL APPROACH
TO THE TEXT IN RUSSIAN SYMBOLISM**

N. A. Tsareva

Abstract

The article deals with the conceptual significance of hermeneutics in Russian symbolism. The use of the hermeneutic method by the theorists of symbolism is associated with increased attention to the sphere of consciousness of the subject, the possibility of conjugation of reality and the superreal. The idea of the identity of the part and the whole underlies the understanding of culture as a text by Vyach. Ivanov. Understanding of the text is carried out from personal positions. The hermeneutical method allows us to comprehend and explain the facts of consciousness.

Key words: Russian symbolism, Belyi, Ivanov, hermeneutical method, non-rational methods of cognition

**РАЗДЕЛ II. Филологический анализ текста:
традиции, типы, конкретные разборы**

ББК 83.3(2):60.55.57

УДК 82-563:82-92

Т. Е. Абрамзон,

*доктор филологических наук, профессор,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
ate71@mail.ru*

А. В. Петров,

*доктор филологических наук, профессор,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
alexpetrov72@mail.ru*

**«О ПРОСВЕЩЕННАЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ!..»:
ЗАГАДКА ПОСВЯЩЕНИЯ ЖУРНАЛА
«ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА» А. П. СУМАРОВОВА
(К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)**

Стихотворное посвящение великой княгине Екатерине Алексеевне журнала «Трудолюбивая Пчела» рассматривается в двух контекстах. Первый – социологический научный миф о том, что А. П. Сумароков был оппозиционно настроен по отношению к придворной «партии» императрицы Елизаветы Петровны и участвовал в дворцовых интригах в пользу великой княгини. Второй – античная и русская жанровая традиция «дедикаций».

Ключевые слова: А. П. Сумароков, журнал «Трудолюбивая Пчела», жанр дедикации (посвящения), великая княгиня Екатерина Алексеевна; научный миф

«Трудолюбивая Пчела» (1759) (далее – *ТП*) – первый и единственный журнал, издававшийся А. П. Сумароковым, – открывалась посвящением «Ея Императорскому Высочеству Государыне Великой Княгине, Екатерине Алексеевне»:

Умом, и красотой, и милостью богиня,
О просвещенная великая княгиня!
Великий Петр отверз к наукам россам дверь,
И вводит в ону нас его премудра дочь,

С Екатериною Петру подобясь ныне,
И образец дая с Петром Екатерине.
Возвысь сей низкий труд примерами ея
И покровительством Минерва будь моя!
[20, 3 нenum.]

По всем признакам это обычный панегирический текст, упрочившийся в русской книгоиздательской практике еще в петровскую эпоху (в прозаической форме). По жанровой классификации, предложенной Н. Д. Кочетковой, перед нами так называемое «посвящение государю и члену царской фамилии», наиболее устойчивое и традиционное в русской литературе вплоть до начала XIX в. [см.: 8; 9]. Сумароков, по его позднейшему выражению, «препоручает» себя покровительству великой княгини, сохраняя при этом главный топос этого рода посвящений – прославление Петра I [8, 25–26].

Сумароков первым из издателей русских периодических сочинений посвящает журнал конкретному лицу. До этого январские номера газет и журналов в Российской империи могли начинаться с «предупреждений», обращений к читателю, эпитафий, «поздравлений» с Новым годом и новогодних од, адресованных монарху [об одах см.: 12].

Можно было бы просто констатировать первенство Сумарокова и закрыть тему, если бы несколько поколений исследователей не выстроили на этих восьми вторичных по отношению к ломоносовским одам и надписям строчках целую концепцию о Сумарокове... оппозиционере, а другие поколения этой концепции слепо доверились. В целом этот тезис, во-первых, обязывает, поскольку ставит бригадира, директора театра, поэта в один ряд с государственными преступниками Н. И. Новиковым и А. Н. Радищевым; во-вторых, с ним напрямую связано объяснение причин закрытия *ТТТ*. Ведь не может же «первый русский частный журнал» закрыться по каким-то банальным причинам – нужно что-то серьезное, а в России это всегда – политическая составляющая.

Первым данную идею высказал, по-видимому, П. Н. Полевой в 1870-е гг. Разделив читателей конца 1750-х – начала 1760-х гг. на поклонников «лиры Ломоносова» и «лиры Сумарокова», он отождествил их с придворными «партиями», во главе первой, соответственно, «являлись Шуваловы, Воронцовы и сама Императрица Елисавета», во главе второй – Екатерина и «ея приверженцы». В рассказываемой учёным «истории» Сумароков оказывается «горячо предан» великой княгине, «замешан в опасном деле канцлера

Бестужева», а посвящение *ТП* Екатерине расценивается как «доказательство уважения и преданности», грозившее «нерасположением Елисаветы» [15, 330]. Через четверть века исследователь дополнит свой миф, усилив социологическую и политическую риторику. Теперь уже литераторы тех лет «обязательно» должны были «принадлежать к какой-нибудь придворной партии», Сумароков становится «одним из самых горячих приверженцев молодой и обаятельной великой княгини», по делу канцлера Бестужева он «едва ускользает от тяжелой опалы», а *ТП* посвящает Екатерине Алексеевне, когда она была «в подозрении у императрицы Елисаветы» [16, 579]. Здесь уже чувствуется опыт писания П. Н. Полевым исторических романов: накал страстей, увлекательные и опасные интриги и т. п. Да, и разумеется, никаких ссылок на источники учёный-романист не делает. Ведь этих источников, как мы попытаемся показать, просто не существует.

Параллельно этот же миф разрабатывается историком русской цензуры А. М. Скабичевским. Разрешение графа А. Г. Разумовского на печатание *ТП* в обход отказа Академической канцелярии он объяснил принадлежностью Сумарокова «к партии графов Разумовских, сторонников великой княгини Екатерины и противников елизаветинского фаворита гр. Шувалова». По его мнению, посвящение журнала Екатерине Алексеевне, находившейся в то время в «немилости императрицы Елизаветы и почти в открытом разладе с великим князем», «было своего рода мужеством со стороны Сумарокова. Это одно придавало журналу «Трудолюбивой Пчеле» оппозиционный характер и помимо всяких личных счетов делало его ненавистным в глазах всех приверженцев графов Шуваловых, в том числе и Ломоносова» [19, 27–28]. Как видим, в «историю» вводится слово «оппозиция», а ничего не подозревавший писатель становится единственным в 1758 г. российским дворянином, мужественно боровшимся с фаворитизмом.

И наконец советские исследователи Г. А. Гуковский и П. Н. Берков увидели в восьми сумароковских строчках уже не личное «мужество» издателя, а большую политику – некую совершенно фантастическую «борьбу против придворной знати и за «исконное», старинное, родовитое дворянство» [1, 117; 5, 380–381].

Итак, за 60 приблизительно лет научный миф оказывается сотворен, зафиксирован в многотиражных государственных изданиях и... благополучно продолжает существовать в современном информационном пространстве.

Но насколько обоснована эта точка зрения? Что, помимо эстетической привлекательности, делает её достоверной?

Полагаем, что для решения данной задачи необходимо отделить друг от друга два блока вопросов:

1) Что можно считать политической оппозицией в XVIII веке? Находилась ли великая княгиня Екатерина Алексеевна в это время «на подозрении» у императрицы Елизаветы Петровны и каковы были их взаимоотношения в 1758 году?

2) Насколько Сумароков был вовлечён в придворные интриги? Как отнеслись к крамольному посвящению его современники? Существовали ли аналоги сумароковскому посвящению в русской литературе?

Начнём с последнего вопроса. Судя по всему, посвящение периодического и любого другого издания *жене наследника престола* действительно является уникальным для елизаветинского времени. Во всяком случае, Н. Д. Кочеткова, детально рассмотревшая жанр «дедикации», таких изданий не называет. Впрочем, литературные дедикации *великим князьям* тоже были единичными: Ломоносов посвятил Петру Феодоровичу «Краткое руководство к риторике» (1744), а годовалому Павлу Петровичу – «Российскую грамматику» (1755) [8, 28–29]. Условная, но традиция все-таки имелась. Тем более, что был и другой прецедент: тот же Ломоносов в эпитафийной оде 1745 г. сделал комплимент Екатерине Алексеевне, написав, что в ней «натура истощила / Богатство всех красот своих» и что ее «щедрота» удивит целый свет [см.: 13, 84–100]. Если следовать логике П. Н. Беркова, посчитавшего сумароковское посвящение 1759 г. «личным вызовом Елизавете, не терпевшей похвал красоте какой-либо женщины, кроме нее самой» [1, 117], то Ломоносова едва ли не должны были заключить в тюрьму, но в итоге назначили профессором химии. Что касается Сумарокова, то по его прошению «оскорбленная» императрица решает спорные вопросы с цензорами *ТТ* в его пользу [21, 403].

Более показательные аналоги можно найти уже в царствование самой Екатерины II. Так, немало российских авторов посвятили свои труды княгине Екатерине Романовне Дашковой, а не императрице, причём в те годы, когда Екатерина «малая» находилась вдали от трона. Но нигде в научной литературе это не считается «личным вызовом» монархине. Мало того, два автора, М. В. Цветихин и П. А. Плавильщиков, в своих посвящениях 1783 г. уподобили Дашкову богине Минерве, «в то время как этот образ обычно возникал в панегириках, обращенных к Екатерине II». Н. Д. Кочеткова называет

это «смелым приёмом» [10, 132]. Почему же у Сумарокова точно такое же наименование – не «приём», а «вызов»?

Итак, с точки зрения литературной традиции перед нами обычное, типичное для русской книжной культуры XVIII в., т. е. комплиментарное и «сервильное», посвящение возможной покровительнице. Причём в нём есть и Петр I, и Екатерина I, и их «премудра дочь». К ним Сумароков будет неоднократно апеллировать во многих статьях *ТП*, ни разу больше не упомянув великую княгиню Екатерину Алексеевну.

Памятуя о многочисленных денежных просьбах Сумарокова к Елизавете Петровне, а затем и к Екатерине II, зная о его долгах перед типографией Академии Наук и перед займодавцами, почему бы не увидеть и здесь «ласкательство»? В. К. Третьяковский, к слову, совершенно не стеснялся в своих похвалах и благодарности за щедрость князю А. Б. Куракину в «приписанной» тому «Езде в остров Любви» (1730). Г. Р. Державин также обращался к помощи своего таланта, преследуя личные цели, в одах Екатерине II («Изображение Фелицы») и Павлу I («На новый 1797 год»). Подобная практика была самой обыкновенной в XVIII в., и Сумароков, быть может, проявил здесь политическое чутье. С 1755 г., т. е. после рождения нового возможного наследника престола – Павла Петровича и в связи с участвовавшими у Елизаветы Петровны разрушительными для её здоровья припадками, многие придворные стали смотреть в сторону «малого двора».

Наше предположение отчасти подтверждается тем, что в царствование Екатерины II Сумароков не единожды сумеет извлечь дивиденды из давнего своего издания. В письмах к императрице с просьбами о всепоможении он несколько раз напомним о «приписании» ей *ТП*:

1. «<...> А вы меня еще и до царствования своего жаловать изволили в рассуждении моих ради отечества небесполезных упражнений. А «Пчела» моя Российской Минерве, еще не бывшей тогда на Российском престоле, приписана.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Марта 12 дня 767» [14, 103].

2. «15 августа 1768

Всемиловитейшая государыня!

До владения в. и. в. многие препятствия остановили журнал мой «Трудолюбивую Пчелу», приписанную к вашей особе <...>» [14, 110].

3. «<...> Но по несчастью канцелярские служители их не забывают, а особливо меня, яко неприятеля подъяческого рода, чем им меня «Трудолюбивая Пчела» рекомендовала, приписанная государыне великой княгине и препорученная ее покровительству. Сия моя покровительница ныне царствует; следовательно, и моя надежда умножается и толико расширяется, колико мое стремление описывать расширяющиеся великия монархини моими описаниями преславные дела, наполняющие вселенную.

В. и. в. всенижайший и всепреданнейший раб

Александр Сумароков.

23 сентября 1770 г., Москва» [14, 144].

Всё это совершенно не помешает Сумарокову в 1773 г. написать оды наследнику престола Павлу Петровичу и его первой жене, Наталии Алексеевне [см.: 12, 125–129], и безо всяких преследований со стороны Екатерины II. Опыт «оппозиции» у обоих уже имелся. Неужели 50-летняя Елизавета была более ревнива и мстительна, чем 44-летняя Екатерина?

Далее. При негативном отношении к Сумарокову Академической канцелярии и типографии следовало бы ожидать особого их внимания к «крамольному» посвящению. Так, в 1751 г. Ломоносов и другие академики не пропустили в печать «дедикацию» Елизавете Петровне, сочиненную В. К. Тредиаковским для его перевода «Аргениды», найдя в ней «ложные мысли» и «излишнее ласкательство» [8, 27]. В октябре 1759 г. цензор III С. К. Котельников не рискнет одобрить к печати даже похвальное слово Петру II! Однако известий о какой-либо реакции цензоров, Елизаветы Петровны, самой Екатерины Алексеевны и др. на интересующую нас титульную «дедикацию» нет никаких.

Почти так же обстоит дело и с информацией о возможной близости Сумарокова к «малому двору» и о его причастности к известному процессу канцлера А. П. Бестужева в 1758–1759 гг.

О первой мы знаем только, что жена Сумарокова была фрейлиной (камер-юнгферой) великой княгини и что Екатерина поэта «жаловать изволила» (см. выше письмо от 12 марта 1767 г.). Предположительно, это великокняжеское расположение могло быть связано с театральной деятельностью Сумарокова: для постановки трагедий требовалось «римское платье», «особливо женское», которое и было «пожаловано» Екатериной Алексеевной (письмо И. И. Шувалову от 9 января 1758 г.).

О второй ничего не узнали даже императрица Елизавета Петровна и глава Тайной канцелярии А. И. Шувалов. Существует

расплывчатое свидетельство самого Сумарокова о том, что Шуваловы пытались склонить его на какие-то действия против его бывшего начальника А. Г. Разумовского (см. письмо Екатерине II от 25 февраля 1770 г.: «<...> они хотели меня сделать себе противу графа Разумовского злодеем и не сделали <...>»), и мнение, что Сумарокова допрашивали в этой связи. Исследователи предполагают, что проявленная им преданность графу Разумовскому, а значит, и Екатерине Алексеевне и была причиной последующего её покровительства поэту [3, 549].

Это одно из самых темных мест в биографии Сумарокова. Его имя не упоминается ни в одном из главных источников сведений о «партии» Бестужева и Екатерины в 1755–1758 гг.: «Записках Екатерины II» [6], переписке великой княгини с английским посланником сэром Чарльзом Хэнбери Уильямсом [см.: 18] и мемуарах польского посланника и любовника Екатерины Станислава Понятовского [17]. Имена самых близких и верных великой княгине людей известны: это И. П. Елагин, В. Е. Адодуров, Бернарди, Владиславова; все они были в 1758–1759 гг. арестованы и сосланы. Сумароков же благополучно продолжал заниматься театром, издавать журнал и испрашивать на эту деятельность немалые суммы у казны. Таким образом, нет никаких оснований говорить об участии писателя в дворцовых интригах тех лет.

У самой великой княгини Екатерины Алексеевны действительно сложилась непростая жизненная ситуация в связи с арестом графа Бестужева 14 февраля 1758 г., и свобода её висела на волоске [6, 435–461]. Но самые разные историки – дореволюционные, советские, российские, западные – все пишут о том, что ни о каком перевороте Екатерина при жизни Елизаветы Петровны не помышляла и что после разговора с императрицей 23 мая 1758 г. великая княгиня вернула себе её расположение [2, 387–389; 7, 355; 11, 30; 18, 176; 22]. (Нужно учитывать, конечно, что все компрометирующие великую княгиню сведения были ею же и её сторонниками уничтожены, так что утверждения о полной её «невинности» и «невиновности» мы не можем проверить и должны принимать на веру.) С мужем, Петром Феодоровичем, отношения также на время были улажены. Последующие несколько лет Екатерина Алексеевна живёт уединённо, и информация о её жизни в 1759–1761 гг. очень отрывочная.

Завершая разговор о Сумарокове-«оппозиционере», сошлёмся на известного американского исследователя политической жизни России XVIII века Дэвида М. Гриффитса и его статью «Екатерина II

и меланхолия, или Анатомия политической оппозиции». Скептически относясь к самой историографической аксиоме о том, что последний период царствования императрицы Екатерины II стал «временем возникновения политической оппозиции в ее современном смысле», он определяет «традиционные формы протеста», предшествовавшие публикации «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Таковы: «религиозное инакомыслие, попытки дворцовых переворотов и казацкие/крестьянские восстания» [4, 102–104]. Кажется, рассуждать дальше об оппозиционности Сумарокова нет смысла.

Резюмируем. С одной стороны, мы имеем многовековую литературную традицию «дедикаций», восходящую к античности, и немалый опыт самих российских литераторов в оказании почтения к покровителям и «ласкательстве». С другой – очень невинные свидетельства об участии Сумарокова в дворцовых интригах, вовлечённости его в придворные «партии» и т. п. Следуя описанному выше научному *мифу*, мы можем только предположить, что Сумароков знал нечто такое, о чем не осталось никаких свидетельств. Собирая же воедино описанные выше *контексты* и *факты*, мы также можем предположить, что посвящение журнала великой княгине, фактически находившейся в изоляции, могло быть моральной её поддержкой и... новаторским пиар-ходом, рассчитанным на привлечение внимания публики к *ТП*, о чём на материале других «дедикаций» пишет Н. Д. Кочеткова [10, 160].

Литература

1. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века / П. Н. Берков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 572 с.
2. Бильбасов, В. А. История Екатерины Второй. Т. 1 / В. А. Бильбасов. – Берлин: Изд-е Фридриха Готтгейнера, 1900. – 670 с.
3. Васильчиков, А. А. Семейство Разумовских. Графы Алексей и Кирила Григорьевичи / А. А. Васильчиков // Оснадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. – М.: Тип. Т. Рис, 1869. – Кн. 2. – С. 377–630.
4. Гриффитс, Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет / Д. Гриффитс; пер. с англ. Е. Леменовой и А. Митрофанова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 536 с.
5. Гуковский, Г. А. Сумароков и его литературно-общественное окружение / Г. А. Гуковский // История русской литературы: В 10 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. – 1941. – С. 349–420.

6. Екатерина, П. Сочинения / Екатерина II; сост., вступ. ст. и примеч. В. К. Былиннина и М. П. Одесского. – М.: Современник, 1990. – 557 с.
7. Елисеева, О. И. Молодая Екатерина / О. И. Елисеева. – М.: Вече, 2010. – 384 с.
8. Кочеткова, Н. Д. Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая. Посвящения государю / Н. Д. Кочеткова // XVIII век. – СПб.: Наука, 2004. – Сб. 23. – С. 20–46.
9. Кочеткова, Н. Д. Литературные посвящения в русских изданиях XVIII – начала XIX века. Статья 1. Особенности жанра / Н. Д. Кочеткова // XVIII век. – СПб.: Наука, 2002. – Сб. 22. – С. 66–84.
10. Кочеткова, Н. Д. Посвящения в русских изданиях XVIII века, адресованные женщинам / Н. Д. Кочеткова // XVIII век. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. – Сб. 28. – С. 126–160.
11. Павленко, Н. И. Екатерина Великая / Н. И. Павленко. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 495 с.
12. Петров, А. В. Новогодняя поэзия в России: от Тредиаковского до Бенедиктова: монография / А. В. Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2009. – 267 с.
13. Петров, А. В. Эпиталама в русской литературе XVIII века: Очерки по исторической поэтике жанра: монография / А. В. Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2012. – 218 с.
14. Письма русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – 471 с.
15. [Полевой, П. Н.] История русской литературы в очерках и биографиях. Сочинение П. Полевого / П. Н. Полевой. – СПб.: Тип. (б.) А. М. Котомина, 1878. – 632 с.
16. Полевой, П. Н. История русской словесности с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т. 1 / П. Н. Полевой. – СПб.: Изд-е А. Ф. Маркса, 1903. – 652 с.
17. Понятовский, С. Мемуары / С. Понятовский; пер. с фр. В. Савицкого. – М.: ТЕРРА, 1995. – 367 с.
18. Роундинг, В. Екатерина Великая / В. Роундинг; пер. с англ. Н. Тартаковской. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 730 с.
19. Скабичевский, А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863 г.) / А. М. Скабичевский. – СПб.: Тип. Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», 1892. – 496 с.
20. Трудолюбивая пчела. – СПб.: При Императорской Академии Наук, 1780. – 768 с.
21. Шамрай, Д. Д., Берков, П. Н. К цензурной истории «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова / Д. Д. Шамрай,

П. Н. Берков // XVIII век. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Сб. 5. – С. 399–406.

22. Abramzon, T. E., Zaitseva, T. B., Kozko, N. A., Rudakova, S. V. Cultural Mythology in the 18th Century Russia: Definition, Typology, Ways of Functioning / T. E. Abramzon, T. B. Zaitseva, N. A. Kozko, S. V. Rudakova // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2016Conference Proceedings. – 2016. – С. 651–658.

**«OH, THE ENLIGHTENED GRAND DUCHESS!..»:
A MISTERY OF DEDICATION OF THE MAGAZINE
«THE INDUSTRIOUS BEE» OF A. P. SUMAROKOV
(TO THE 300-TH ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF THE WRITER)**

T. Ye. Abramzon, A. V. Petrov

Abstract

Poetic dedication to the Grand Duchess Ekaterina Alekseevna of the «The Industrious Bee» magazine is considered in two contexts. The first is the sociological scientific myth that A. P. Sumarokov was oppositional in relation to court «party» of the Empress Elizaveta Petrovna and participated in palace intrigues in favour of the Grand Duchess. The second is antique and Russian tradition of a genre of dedication.

Key words: A. P. Sumarokov, «The Industrious Bee» magazine, a genre of dedication, Grand Duchess Ekaterina Alekseevna; scientific myth

ББК 83.3(7Coe)
УДК 82.-312.1(73)

А. К. Никулина,
*кандидат филологических наук, доцент,
Бакирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы
alla_nikoulina@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АЛЛЮЗИИ В РОМАНЕ Д. МАРКСОНА «ЛЮБОВНИЦА ВИТГЕНШТЕЙНА»

Литературные аллюзии в романе Марксона выступают художественным средством демонстрации разорванности сознания современного человека, создавая ощущение исчерпанности и завершенности современного этапа развития культуры. Однако в то время как «высокая» литература вырождается в популярные клише, лишенные внутреннего содержания, и теряет способность говорить с человеком на его языке, «докнижная» мифологическая традиция, напротив, обретает новую жизнь.

Ключевые слова: Дэвид Марксон, «Любовница Витгенштейна», аллюзия, постмодернизм, интертекст, философский роман

Дэвид Марксон (1927–2010) выступает одним из знаковых писателей рубежа XX–XXI веков в американской литературе. Используя многие достижения современной ему экспериментальной прозы, он всегда оставался писателем интеллектуальной, философской направленности. Он много читал; его большая домашняя библиотека включала издания разных жанров и авторов, но предпочтение писатель отдавал философии и классической литературе, что наложило отпечаток на все его творчество. В одном из интервью Д. Марксон признавался: «...я бы предпочел писать прозу, которая что-то значит, пусть при этом меня обвиняют в заимствовании у классиков; это лучше, чем, когда тебя ни в чем не обвиняют, поскольку твоя проза ничего не говорит» [5]. Он подчеркивал, что скрытые аллюзии должны оставаться доступными для расшифровки обычным читателем. Именно за склонность к темному и труднопостигаемому он критиковал, например, произведения Т. Пинчона: «Я всегда полагал, – утверждал Марксон, – что в задачи серьезного читателя обязательно входит умение подхватывать практически любую литературную аллюзию – даже когда проницательный романист, разумеется,

стремится спрятать подобные отсылки, чтобы текст имел смысл даже в том случае, когда намеки не срабатывают. Но, с другой стороны, читатель не должен обладать докторской степенью в области квантовой физики, чтобы понять, что имелось в виду. Выбор Пинчона, конечно, высоко его характеризует. Но я считаю, что этот путь ошибочен» [5].

Сам Д. Марксон предпочитал обращаться к произведениям культуры и литературы, известным достаточно широко, к знаковым фигурам прошлого и современности. При этом показательно, что среди любимых авторов он называл писателей, стремившихся к глубоким размышлениям о жизни и культуре: Дж. Джойса, Г. Мелвилла, Т.С. Элиота, А. Камю, М. Лаури и др. [5].

Роман «Любовница Витгенштейна» (1988) считается вершиной художественного творчества Марксона. П. О'Доннелл, анализируя постмодернистскую природу романа, называет произведение «интертекстуальным палимпсестом» [3, 64]. Однако роман представляет собой не просто коллаж из аллюзий: Марксон призывает обратить внимание на тот факт, что, хотя его героиня в романе занимается тем, что «разбирает на части» (dismantle) некоторые предметы, она их, тем не менее, не «деконструирует» (deconstruct); а на вопрос, оказали ли на концепцию романа влияние такие авторитеты как Барт или Деррида, ответил вполне определенно: «Я считаю, что нет» [5]. С помощью скрытых аллюзий и прямых цитат, отсылающих к самым разным литературным, музыкальным, живописным произведениям, автор стремится привлечь внимание читателя к насущным духовным и интеллектуальным проблемам современности.

Э. Хемпел, характеризуя роман, героиня которого оказывается последним оставшимся в живых человеком на земле, констатировала, что в произведении нет «ничего от жанра научной фантастики, но все от Сэмюэля Беккета» [1]. Марксон на это, тем не менее, возражал, что «такое заявление вызвано очень поверхностным взглядом». «Я ужасно люблю Беккета, но не думаю, что всерьез брал его в расчет, когда писал этот роман», – утверждал он [5]. Главное отличие виделось Марксону в том, что одинокие персонажи Беккета существуют практически вне «культуры», в то время как его героиня «несет весь этот груз» [5].

Главная героиня романа Кейт, в прошлом – художник, невольно демонстрирует свою культурную эрудицию на протяжении всего повествования, поскольку практически каждое ее утверждение обнаруживает отсылку к какому-либо общеизвестному факту или

авторитету. Даже после гибели цивилизации она остается внутренне погружена в культуру как естественное ее наследие. Однако проблема заключается в том, что, как и распадающаяся цивилизация, культура в том виде, в каком она представлена в размышлениях Кейт, тоже необратимо распадается на отдельные бессвязные цитаты и факты, теряя органичность и смысл.

Кейт признается, что много читала в своей прежней жизни [2, 16]. Эту привычку она сохраняла некоторое время и после постигшей мир катастрофы, но к моменту начала повествования книг в ее доме больше нет: «Книги тоже были багажом, от которого я освободилась», – сообщает она [2, 15]. Однако освобождение от багажа «физического», материального не означает освобождения от памяти, т.е. багажа, остающегося у человека в подсознании, избавиться от которого, как позже понимает Кейт, невозможно [2, 97]. Тот факт, что культурный багаж, будучи частью облика современного человека, составляет часть его внутреннего мира помимо его воли, нередко принимает в романе гротескные формы, как, например, в неоднократно присутствующих в тексте заявлениях Кейт о том, что она способна вспомнить то, чего никогда не знала, и процитировать авторов, которых никогда не читала: «Как выясняется, значительная часть твоего багажа тебе даже не принадлежит», – с удивлением обнаруживает она [2, 81]. Тем самым автор стремится подчеркнуть естественную укорененность культуры в сознании современника, но одновременно и поверхностность, игровой характер пост-современной цивилизации, легко оперирующей фактами и цитатами, но теряющей духовную глубину и не задумывающейся над смыслом и значением произносимого.

Как следствие, на протяжении большей части романа литературные реминисценции в речи Кейт служат, главным образом, демонстрации разорванности сознания современного человека, ощущению распада связи времен, утраты гармоничного сосуществования с окружающим. Ф. Палло-Папен в монографии о творчестве Марксона посвящает большой раздел подробному изучению воздействия на образную систему романа творчества У. Уитмена, в частности его «Листьев травы». По мнению исследователя, трава выступает лейтмотивом в романе Марксона, указывая на глубокое искажение современной действительности: если у Уитмена речь шла о живой траве как символе естественной человеческой мощи, то у Марксона героиня оказывается озабочена проблемой искусственности синтетического травяного покрытия,

на философские размышления о которой ее наталкивает заголовок книги «Бейсбол на настоящей траве» [4, 218–223].

Но, разумеется, не только образы, заимствованные из поэзии У. Уитмена, определяют литературный интертекст романа Марксона. Будучи частью мира современного культурного человека, литература произвольно входит в жизнь Кейт. Героиня воспринимает многие бытовые ситуации сквозь призму литературных образов и цитат: так, вид неба постоянно оценивается ей по принципу схожести с гомеровским описанием, в Петербурге она ожидает встречи с Раскольниковым, а в испанском отеле – с Дон-Кихотом. Путешествуя по обезлюдившей Европе, она невольно повторяет «литературные» ситуации, причем раньше, чем сама оказывается способна это осознать, и тогда типичный испанский замок времен средневековья оборачивается замком Кафки, к которому невозможно приблизиться никакими путями [2, 34]. Поход за водой к роднику в Новой Англии оказывается аллюзией на известные тексты, когда героиня сначала «останавливается у леса», как персонаж одноименного стихотворения Р. Фроста, а затем идет к источнику зачерпнуть воды, повторяя путь персонажа «Игры в бисер» Г. Гессе, но характерно, что дух «высокой» литературы практически сразу же уничтожается внезапным переходом к «низкому» и физиологическому: рассуждениям об опорожнении кишечника [2, 13]. Сходную функцию разрушения культурного канона выполняет и травестирование ситуаций, заимствованных из классических греческих трагедий: например, пародийная сценка, в которой Клитемнестра после убийства Агамемнона отправляется с родственным визитом к Менелая и Елене, где за обеденным столом происходит разговор, низводящий высокую трагедию до тривиальной и сентиментальной «мыльной оперы», по выражению Ф. Палло-Папен [4, 170].

В результате многократного повторения «высокая» литература предстает настолько обесцененной, низведенной современной действительностью до роли клишированной массовой продукции, что оказывается практически неспособна продолжать свое существование. Неслучайно Кейт многократно возвращается к описанию того, как она страница за страницей сжигала собрание сочинений греческих трагиков, завершая декламацию каждого отрывка. Предавая страницы огню, она искренне надеялась, что они будут способны взлететь, как птицы, но вместо этого они лишь бессильно падали у ее ног [2, 40], превращаясь, таким образом, в груды пепла как знаковый символ конца прежней культуры.

Ощущения завершенности, пустоты, одиночества призваны развить и другие литературные аллюзии, лейтмотивно проходящие

сквозь роман. Так, например, Кейт на протяжении повествования много раз вспоминает роман Э. Бронте «Грозовой перевал», но, по ее собственному признанию, основное, что осталось у нее в памяти после его прочтения – «это то, что люди постоянно то выглядывают из окон, то заглядывают в них» [2, 58]. Мотив окна с угадывающейся в нем одинокой фигурой, неоднократно возникающий в романе, становится художественным символом пустоты и безнадежности существования в мире, установить контакт с которым человеку оказывается не по силам.

«Путь сквозь бесконечное ничто» [2, 58] – цитата, заимствованная героиней из текста Ницше, – используется ей для описания мироощущения, в котором не осталось более места надежде и одухотворенности. Оно характеризует состояние Кейт, пережившей личную трагедию потери всех близких одного за другим и оказавшейся на земле в полном одиночестве – и в прямом, и в метафорическом смысле. Душевное состояние героини определяет и многократное возвращение к известной фразе Паскаля о «вечном молчании бесконечных пространств» [2, 33], в которой глагол «пугает» (frighten) вскоре трансформируется в «печалит» (sadden), после чего Кейт применяет его к описанию самых разных впечатлений и образов прошлого. Печалят ее не только кровавые события, описанные в «Илиаде» [2, 142], или обстоятельства личной жизни Эмили Бронте, так и не познавшей любви [2, 108], но также и книжный магазин у греческого Акрополя, наполненный книгами, ни одну из которых Кейт не может прочесть, поскольку не владеет греческим языком [2, 49]. Характерно, что не обезлюдевшие в результате катастрофы Афины или материальные памятники древности заставляют Кейт испытывать печаль, а именно книжные полки, на которых, как она подозревает, находятся книги, которые она читала по-английски, но теперь не имеет никакого шанса их узнать за греческими буквами на обложках. Она словно в прямом смысле, следуя известному англоязычному фразеологизму «it is Greek to me» («это мне совершенно непонятно», переводимое дословно как «это для меня все равно, что по-гречески») больше не способна установить личностно значимый контакт с канонизированной книжной культурой, присутствующей рядом, но не «говорящей» с ней на ее языке.

Таким образом, вместе с концом цивилизации заканчивается время книжной культуры. Письмо остается в жизни Кейт несколько дольше, чем чтение: перестав читать книги, она садится за печатную машинку и набирает на ней текст в форме то ли дневника, то ли самопроизвольно изливающегося потока сознания: произведение,

которое читатель, в результате, и держит в руках. В какой-то момент Кейт задумывается над тем, не написать ли ей вместо этого художественное произведение – автобиографический роман, который позволил бы представить факты ее одинокого существования в безлюдном мире в неожиданном и захватывающем ракурсе, но она практически сразу же отбрасывает эту мысль: с ее точки зрения, «люди, пишущие романы, пишут их только потому, что им больше нечего писать» [2, 259]. Отказ от намеренного искажения действительности путем описания искусственно отобранных ситуаций и гиперболизированных чувств становится первым шагом на пути освобождения героини от неестественности изжившей себя цивилизации. Вторым шагом выступает отказ от самого письма, поскольку бессмысленность и искусственность его результата также проступает во всем: «едва ли можно записать все, что существует у человека в голове» [2, 176]. Однако важно, что, в понимании автора, конец книжной культуры вовсе не означает конец человеческой культуры как таковой. Изживает себя вырождающаяся в абсурд растиражированная массовая культура, как пустая оболочка, оперирующая известными клише, но лишенная внутреннего содержания, в то время как культура подлинная, лично значимая, говорящая с человеком на языке древних «докнижных» образов мифологической традиции, обретает новую жизнь. Главная героиня в финале произведения принимает решение прекратить ведение записей и погружается в молчание, но это молчание все же не следует рассматривать как знак полного угасания человеческой цивилизации, заканчивающейся в духе Т.С. Элиота «не взрывом, но всхлипом», а лишь как завершение современного этапа развития исключительно «высоколобой» культуры, с которой человек утерял органическую связь. С этой точки зрения, возвращение к естественности тишины в финале произведения становится залогом потенциального обновления и возрождения.

Литература

1. Hempel, A. Home is where the art is [Электронный ресурс] / A. Hempel // New York Times. – 1988. – May 22. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/1988/05/22/books/home-is-where-the-art-is.html>
2. Markson, D. Wittgenstein's mistress / D. Markson. – Normal, IL: Dalkey Archive Press, 2005. – 279 p.

3. O'Donnell, P. The American novel now. Reading contemporary American fiction since 1980 / P. O'Donnell. – UK: John Wiley & Sons Ltd, 2010. – 248 p.
4. Palleau-Papin, F. This is not a tragedy: The works of David Markson / trans. by the author / F. Palleau-Papin. – Champaign & London: Dalkey Archive Press, 2011. – 319 p.
5. Tabbi, J. A conversation with David Markson [Электронный ресурс] / J. Tabbi. – Режим доступа: <http://www.dalkeyarchive.com/a-conversation-with-david-markson-by-joseph-tabbi>

**LITERARY ALLUSIONS IN D. MARKSON'S
“WITTGENSTEIN'S MISTRESS”**

A. K. Nikulina

Abstract

Literary allusions in Markson's novel help to demonstrate disintegration of reality in modern human conscience and create the feeling of finality and exhaustion as the global civilization seems to reach its finishing line. But while the highbrow literary tradition degenerates into popular clichés losing its emotional impact and communicative power, the preliterate mythological tradition resumes its importance.

Key words: David Markson, “Wittgenstein's Mistress”, allusion, postmodernism, intertext, philosophical novel

ББК Ш5(2=Р)5–4
УДК 821.161.1

С. В. Рудакова,
доктор филологических наук, профессор,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
rudakovamasu@mail.ru

МОТИВ ОГНЯ В ЛИРИКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Статья посвящена вопросу о своеобразии трактовки мотива огня в лирике М. Ю. Лермонтова. Анализируется многоплановый мотивно-образный комплекс огня, при этом анализ образной системы ведется в аспекте художественной онтологии с учетом эстетических и философско-художественных контекстов.

Ключевые слова: Лермонтов, мотив огня, мифология, природа, чувства, вдохновение, любовь, судьба, смерть, божественное, демоническое

Человеческое сознание, изначально постигающее мир путем сопоставления и выявления сходств и различий, рождает ряды образов, объединенных по принципу сходства, смежности и противоположности. Эта диалектичность или антиномичность человеческого разума и приводит к тому, что все основные явления бытия образуют пары (реже триады). Тем самым обеспечивается, во-первых, их понятность и доступность, а во-вторых, взаимозаменяемость в рамках мировосприятия. Так, компоненты пар «жизнь – смерть», «добро – зло», «свет – тьма» могут быть легко заменены один на другой: например, зло есть тьма, добро есть свет и т. д. И многое в жизни человека транспонируется через образы, так или иначе связанные со светом или огнем [6, 153].

В истории мировой религии и философия образ огня выступает в качестве одной из фундаментальных категорий. Так, еще в античности Гераклит считал стихию огня первоосновой всего сущего. Если говорить о христианстве, то огонь здесь ассоциируется прежде всего с Богом (поэтому значимые библейские образы так или иначе связаны с огнем – нимб святых, небесный огонь, Неопалимая купина, пылающее сердце как символ добродетели и веры таких святых, как святой Августин и святой Антоний Падуанский, адский пламень...). Не стоит забывать, что огонь – это и природное явление.

Символика огня и в языческой, и в христианской культуре имела двойственный характер. С одной стороны, это грозное, яростное, мстительное пламя, грозящее смертью и уничтожением. С другой – стихия огня несет очищение, дарует свет, тепло, создает домашний уют, в ней воплощается творческое, активное начало. Важным для понимания мотива огня является этимология слова «огонь»: *agni*– подвижный. А значит, огонь – это символ вечного движения.

Д. С. Мережковский в своей книге «В тихом омуте» (в главе «М. Ю. Лермонтов – поэт сверхчеловечества») писал: «В Лермонтове два человека» – говорят близко знавшие его люди», и цитировал Вл. Соловьева: «Самое тяжелое, роковое в судьбе Лермонтова не окончательное торжество зла над добром, а бесконечное раздвоение, колебание воли, смешение добра и зла, света и тьмы» [4, 398]. Это высказывание очень точно характеризует две главные особенности поэзии Лермонтова. В ней, во-первых, отражены представления автора о мире и природе человека, в котором идет вечная борьба противоположных начал, и, во-вторых, ее отличает позиционирование лирического героя как активной личности, деятельность которой при этом направлена на познание своего внутреннего мира и последующее «примеивание» окружающей действительности к полученным результатам.

Еще будучи ребенком, Лермонтов учится рефлексии: ранняя болезнь лишает его возможности двигаться, активно проявлять себя и заставляет погрузиться в мир фантазий и раздумий, довольствоваться созерцанием окружающего мира, а не его освоением, формируя некое романтическое восприятие мира [3]. Болезнь позже преодолевается, возраст совершеннолетия достигается, но и тут Лермонтова ждут разочарования: неудавшаяся любовь, презрительно-снисходительное отношение света и даже такой факт, как далеко не изящная («армейская», по собственному признанию поэта) внешность, вынуждают поэта закрыться от мира твердой «скорлупой» насмешек и сатиры, дабы не выставлять на всеобщее обозрение свой внутренний мир, в котором идет вечная борьба и поиск духовного идеала.

В лирическом мире М. Ю. Лермонтова мотив огня – один из ключевых, к нему художник обращается на протяжении всей своей творческой жизни. Следует сказать, что образ огня в поэтическом мире данного автора выполняет не столько изобразительные, сколько выразительные функции, выступая прежде всего в качестве духовного символа.

Поэтический мир – некое идеальное образование, органичное «сцепление» универсальных духовных отношений, заключенных в тексте, продукт творческого воображения художника слова, воплощённый в произведениях лирического рода и представляющий более или менее условную модель мира реального [5]. В поэтическом мире отражается личность автора, особенность его судьбы, его философия [7].

В поэзии Лермонтова природа достаточно редко изображается с помощью «огненных» образов. Чаще всего это касается описания восхода («И снится ей все, что в пустыне далекой, / В том крае, где солнца восход, / Одна и грустна на утесе горячем Прекрасная пальма растет.» [2, 512]), заката («... гаснет небосклон, / [...] / И мрачных туч огнистые края / Рисуются на небе, как змея» [2, 102], «закат горит огнистой полосой» [2, 179], «На западе вечерний луч / Еще горит на ребрах туч» [2, 334]), бури («Как после бури облака стоят / И странные верхи в лучах горят» [2, 189]), звезды («Вверху одна / Горит звезда; / Мой взор она / Манит всегда» [;]; «Как в ночь звезды падучей пламень, / Не нужен в мире я» [2, 347]).

Огненная стихия у Лермонтова проявляет себя не только и не столько в природном пространстве, прежде всего сам человек оказывается охваченным пламенем. Размышляя о личности, Лермонтов видит её в единстве рационального и эмоционального начал. Эти человеческие проявления благотворны в совокупности, причем автор уточняет, что эмоции относятся им к категории огня, позитивно окрашенными они оказываются, если проявляются не как страсти, а как «спокойный пламень», разум же соотносится с антагонистическим явлением бытия – с холодом. Однако именно эта установка на единство противоположного обрекает лирического героя на мучения. Будучи вечно одиноким, погруженным в свои «печальные думы», он стремится разумом познать тайны мироздания, которые воплощены, в его понимании, в ночных сводах и толпе звезд. «Но пылкий, но суровый нрав / Меня грызет от колыбели...» [2, 80], то есть порывы эмоционально-чувственного характера, выраженные через категорию огня, мешают, как представляется лирическому герою Лермонтова, сохраняя холодность духа, постичь тайны бытия. Вселенная, как говорит Лермонтов, вечно пребывает в гармоническом покое, для нее не существует ни яркого, ослепительного света, ни жаркого пламени, она находится в постоянном мерцании и свечении: «Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, / И звезда с звездою говорит» [2, 543].

Лермонтов соотносит образ огня и с проявлением высоких человеческих чувств, таких, как любовь («огонь любви

первоначальной» [2, 271] – *это явная реминисценция Боратынского*; «любить пламенно, чистосердечно» [2, 179]; «пламенно любил я» [2, 197]; «очи любовью горят» [2, 545]; «в груди огонь, слеза в очах» [2, 311]; «пылко я люблю» [5, 549]), доброта («пламень добра» [2, 49]), отвага («отвагою пылая» [2, 440]), восторг («пламенный восторг» [2, 58]), свобода («пылкая любовь свободы» [2, 65])...

Для Лермонтова образ огня воспринимается символом приобщенности человеческой души миру божественному: «Хранится пламень неземной / Со дней младенчества во мне» [2, 114], «люди угасить в душе моей хотели / Огонь божественный, от самой колыбели / Горевший в ней, оправданный творцом?» [2, 243]; а также символом ЖИЗНИ. Потому утрата огня в поэтическом мире Лермонтова оборачивается для его лирического героя гибелью: «Мой дух погас и состарился» [2, 36], «в глазах нет жизни и огня» [2, 260].

Лермонтов очень ценит в людских глазах, душах огонь, который становится в его поэтической системе символом сильных чувств, а значит, и символом живой, способной к состраданию и любви души: «Ищу в глазах твоих огня, / Ищу в душе твоей волненья» [2, 64], «И нежный, пылающий взгляд – / Недального счастья заклад» [2, 71], «чудным взор огнем светился» [2, 133], «В толпе людской и средь пустынь безлюдных / В нем тихий пламень чувства не угас: / Он сохранил и блеск лазурных глаз, / И звонкий детский смех, и речь живую, / И веру гордую в людей и жизнь иную» [2, 461], «И только что землю родную / Завидит во мраке ночном, / Опять его сердце трепещет / И очи пылают огнем» [2, 483]...

Полной противоположностью личности с таким внутренним миром Лермонтов представляет своего лирического героя. Одиночество, чувство непонятости, отверженности, невозможности найти себя в мире становится определяющим. Так, в стихотворении «Солнце осени» Лермонтов сравнивает сердце своего лирического героя с осенним солнцем, не дающим тепла. Трагедия человека в том, что, заключая в себе «огонь», он не может отдать людям частицу себя. Окружающие воспринимают его как холодный камень, а на самом деле в нем скрыта ранимая огненная душа, которая не хочет больше раскрываться перед людьми, познав «насмешки» и «сомненья». Из-за этого лирический герой Лермонтова постоянно демонстрирует свою закрытость от мира, даже глаза, которые обычно поэты называют зеркалом души, оказываются стеклом, причем омраченным дикими волнениями, то есть не только не отражающим внутреннее состояние героя, но и вообще непроницаемым.

Ощущение собственной ненужности, тщетности творческих усилий, пожалуй, наиболее ярко выражено в таких строках: «Как в ночь звезды падучей пламень, / Не нужен в мире я...» [2, 347].

Ощущение горечи мировосприятия Лермонтова проявляется в особой трактовке мотива душевного огня лирического героя. Это уже не «небесный пламень» жизни человека, а ядовитый, губительный огонь: «И то, что было б яд другим, / Его живит, его питает / Огнем язвительным своим [2, 208]».

Но лирический герой стремится к тому, чтобы жить полнокровно, с душой, открытой сильным чувствам (венцом которых становится любовь). Более того, поэту, по мнению Лермонтова, это просто необходимо, поскольку любовь и вдохновение для него являются категориями одного порядка.

Лермонтов рассматривает образ «небесного огня» как символ божественного озарения, необходимый для творчества. Но художник уже мыслится Лермонтовым как демиург, созидающий свои собственные миры, то есть поэт уже не просто проводник божественной идеи [8]. Мысли зарождаются именно в его голове, т.е. начальный этап творческого озарения представляет собой вполне осознанный процесс: «Таков поэт: чуть мысль блеснет, / Как он пером своим прольет / Всю душу...» [2, 12]. Только после этого наступает период «райского сна», когда поэт изливает в художественном творении свою душу. Истинное произведение искусства живо и создается в единстве рационального («Но долго, долго ум хранит...» [2, 12]) и иррационального восприятия («первоначальны впечатленья» [2, 12]).

Вдохновение Лермонтов воспринимает как «чудный пламень», возожженный в сердце поэта творцом, однако этот божественный огонь порождает отнюдь не псалмы всевышнему, а «грешные песни», обращенные к неизвестному адресату. Способность творить не делает поэта избранным, посланником божьим, а наоборот, отстраняет его от сферы небесного, заставляя погрязнуть в греховном земном мире. В связи с этим и жанр молитвы приобретает у Лермонтова новое звучание: это не просьба смиренного грешного, это разговор почти на равных, когда земной творец художественного мира может ставить свои условия творцу небесному. Именно огонь творчества дает такое право его обладателю, поскольку приобретен он им не по собственной воле, а по воле вышних сил. Этот мотив, называемый исследователями Лермонтова богоборческим, пронизывает все его творчество, порой развиваясь до вселенских масштабов. Лермонтов открыто заявляет о своей зависти к звездному небу и его творцу, пребывающим в гармонии, и подчеркивает, что не чувствует никакой привязанности к небесам.

Более того, зачастую муза Лермонтова приобретает очень необычный вид: это «чертенок из подземного огня», «взъерошенный остряк», «попугай» [2, 145], который все должен повторять за поэтом, высмеивающим пороки высшего света. В этом случае происходит удивительное: муза, которая обычно ведет поэта, оказывается ему подчиненной, а сам поэт – саркастическим сплетником. И основа всего этого лежит в своеобразии отражения небесного огня: не на землю, а уже из-под нее он отражается. Возникает подобие адского пламени, правда, это не ад загробной жизни, изображенное есть ад земного бытия человека, в котором сгорают все светлые чувства и порыва, искренность и безыскусность. В этом мире все оказывается покрытым чадом («Средь юных дев как будто бы в чаду...» [2, 148]), сквозь который невозможно разглядеть внутреннюю, духовную сущность человека и без того оскудевшую в пустом блеске и пороках света.

Понятие «огонь» в поэтическом мире Лермонтова включает в себя не только явление свечения, но и тепла, а также, что самое важное, стихийность и неуправляемость, потому часто приобретает схожесть с понятием судьбы, или фатума, как следствие, довольно часто огонь или пламень наделяются эпитетами «роковой»: «Темна проходит туча в небесах, / И в ней таится пламень роковой... [2, 186]. Этот эпитет придает мотиву огня в поэтической системе Лермонтова и еще одно важнейшее значение – значение разрушительной силы: «...Он, вырываясь, обращает в прах / Все, что ни встретит» [2, 186].

Стихия огня для Лермонтова может быть опасна и непредсказуема, так как являет собой неконтролируемую порывистую активность, а это привносит и негативные оттенки во все, что с этой стихией соприкасается. Это либо проявление негативных, разрушающих личность сильных чувств: «огонь отчаяния» [2, 84]; досады («Но, досады жестокой пылая в огне, / Перчатку в лицо он ей кинул» [2, 70], либо убийства: «Изрублены были тела их потом, / медленно жгли их до утра огнем [2, 455], либо войны: «зажглась, друзья мои, война» [2, 33], «среди пожаров ограбленных стран» [2, 207], «в дыму огонь блестел» [5, 410]...

Мотив огня оказывается соотносим в поэтическом мире Лермонтова и с похоронным обрядом, а, значит, неразрывно связан со смертью: «Его земле не отдадут, / Крест его не осенит; / И пламень, где его сожгут, / Навек мне сердце охладит» [2, 156], «Холодный труп, к высокой груде тел / Они без сожаленья повлекли, / И подложили бревен, и зажгли...» [2, 164].

Огонь у Лермонтова обладает столь огромной силой, что именно ему подчиняется любимая поэтом мощнейшая стихия

моря, преобразившись в ужасную морскую бездну. Следует помнить, что лирика Лермонтова эмоциональна, экспрессивна, и кажется, будто художник сам горит, столь обнажены, ярки его чувства, они как будто выплескиваются на бумагу. Поэтому поэт так широко использует разнообразные, иногда весьма необычные метафоры. Так, Лермонтов, желая подчеркнуть, что огонь – это динамичное явление, необыкновенно живое, находящееся в постоянном движении, перемещении, создает метафору огонь – молния – змея: «Вкруг скал огнистой лентой вьется / Печальной молнии змея, / [...] / Как вкруг скалы остроконечной, / Губитель-пламень, вьешься ты» [2, 98]. Что также объясняет, почему в поэтическом мире Лермонтова с молнией (огнем) связан эпитет «роковой»: «Темна проходит туча в небесах, / И в ней таится пламень роковой» [2, 186].

Сочетание водной и огненной стихии может давать у Лермонтова самый неожиданный результат: мы можем увидеть преображение мира – от ужасной бури, разрушительной и опасной, до капельки росы, блистающей на траве, и слезы «из пламенных очей» [2, 102]. В этом случае речь идет не о двух мировых стихиях, а о противоположных явлениях, не могущих быть слитыми воедино, поэтому такое сочетание ведет либо к уничтожению одного из явлений (затушенный пламень на сырой скале), либо к невыносимым страданиям человека (одна слеза от мучительного жара и пламени, охвативших героя; залитый огонь в груди).

Соотносится мотив огня в мире Лермонтова и с миром человеческого дома. Однако, в отличие от его старших современников, Е. А. Боратынского (см., например, «Где сладкий шепот») или А. С. Пушкина (см., «Зимнее утро»), у которых этот смысловой подтекст приобретал в какой-то степени бытовой характер, у Лермонтова это имеет прежде всего сакральный характер, потому оказывается часто связан с образами свечи и лампы («Могу заметить я, в окне / Блестит огонь» [2, 327], «Но их слова соседа не понудят / Лампаду ранее или позже зажигать» [2, 327], «дрожащие они печальных деревень» [2, 509], «Прозрачный сумрак, луч лампы. / Кивот и крест, символ святой» [2, 416]), правда, стоит оговорить, что иногда эти образы привносят дополнительный смысл, подчеркивая одиночество лирического героя («Свеча горит, забыта на столе» [2, 121], «Один я в тишине ночной; / Свеча сгоревшая горит» [2, 169], «Тускло светит луч лампы / Умирающим огнем» [2, 418]).

Таким образом, огонь у Лермонтова имеет две основные сферы реализации: как воплощение божественного (или демонического) огня и как изобразительно-выразительное средство. Во втором случае он

лишен способностей к внутреннему развитию, приобретая вид яркого образа, что обеспечивается зачастую сочетанием с цветовыми прилагательными («радужный», «багровый») и глаголами, обозначающими интенсивность или стадию горения («горит», «пылает», «гаснет»). Наиболее часто встречающаяся тематическая область использования этих образов – описания (довольно лаконичные) природных явлений, битвы или оружия: «Вам не видать таких сражений!.. / Носились знамена, как тени, / В дыму огонь блестел» [2, 408].

Все, что волнует и беспокоит лирического героя Лермонтова, все, что смущает его душу, выражается прежде всего с помощью мотива огня, поскольку именно в ответе на вопросы о том, что же преобладает в душе человека – светлое или темное начало, какова его природа, заключена одна из основных целей поэтических размышлений Лермонтова.

Наличие особой божественной искры ни у кого из поэтов не вызывает сомнений. Но в решении этого вопроса каждый проявляет свою индивидуальность. Для Лермонтова, так до конца и не определившегося, порождением какого начала (светлого или темного) стала эта искра, важнее всего оказывается сохранение этого внутреннего огня, во-первых, в качестве возможности вернуться к богу, а во-вторых, как залог способности к глубоким и искренним чувствам.

Образ огня в лирике Лермонтова связан прежде всего с духовным пространством. Свет, что своим происхождением изначально связан с миром Божественным, но заполняет собою не только Вселенную, его лучи проникают и в микрокосм человеческой души, и именно она привлекает к себе основное внимание Лермонтова-поэта. Несмотря на довольно сильное влияние традиций на поэта, в раскрытии мотива огня в своём творчестве он в большей мере ориентируется на установки собственной философской системы, выделяя несколько сторон рассматриваемого явления.

Литература

1. Абрамзон, Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // Libri Magistri. – Вып. 1. – Магнитогорск, 2015. – С. 116–133.
2. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений в 4 томах. – Т. 1. – Стихотворения 1828–1841. – М., Л.: АН Наука, 1958. – 756 с.
3. Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика: моногр. / Т. В. Федосеева, А. В. Моторин, А. И. Разживин, А. Н. Пашкуров, А. В. Петров, В. В. Биткинова,

Н. И. Недашковская, Ю. Г. Дорофеева; под ред. Т.В. Федосеевой. – Рязань: РязГУ, 2012. – 492 с.

4. Мережковский, Д. С. М. Ю. Лермонтов – поэт сверхчеловечества // Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. – М., 1991. – С. 378–416.

5. Рудакова, С. В. Системность художественного мышления Е. А. Боратынского-лирика: автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01. – Екатеринбург, 2014. – 44 с.

6. Савельев К.Н. Декаданс и теории циклической истории // Libri Magistri. – Вып.1. Литературный процесс: историческое и современное измерения. – 2015. – С. 150–156.

7. Abramzon, T. E., Rudakova, S. V., Zaitseva, T. B., Koz'ko, N. A., Tulina, E. V. The Consistency Of Lyric Artistic Thinking // International Journal of Environmental and Science Education. –2016. – Т. 11. – № 17. – С. 10185–10196.

8. Abramzon, T. E., Zaitseva, T. B., Kozko, N. A., Rudakova, S. V. Cultural Mythology in the 18th Century Russia: Definition, Typology, Ways of Functioning / T. E. Abramzon, T. B. Zaitseva, N. A. Kozko, S. V. Rudakova // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2016Conference Proceedings. – 2016. – С. 651–658.

MOTIVE OF FIRE IN M. YU. LERMONTOV'S LYRICS

S. V. Rudakova

Abstract

The article is devoted to the question of originality of interpretation of the motif of fire in M. Yu. Lermontov's lyrics, dependent not only from the existing in the Russian and world culture of traditions, but many from installations and philosophy of the poet. The motive of fire at Lermontov is implemented first of all in two spheres: as embodiment divine (or demonic) fire and as visual means of expression.

Key words: Lermontov, motive of fire, mythology, nature, feelings, inspiration, creative, destructive

РАЗДЕЛ III. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

ББК 72.4 (2 Рос. Баш)

УДК 001 (092) (470.57)

М. Х. Надергулов,
*доктор филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального
исследовательского центра РАН
nadergul@mail.ru*

ВОСПОМИНАНИЯ БАШКИРСКОГО КАЗАКА

В статье вкратце раскрывается содержание и приводится сокращенный перевод на русский язык текста арабографичной рукописи башкирского казака, участника военного похода в Польшу в 1830–1835 годах Усмана сына Ишмухамета, написанного в середине XIX века.

Ключевые слова: рукописный памятник XIX века, воспоминания о подавлении восстания польских конфедератов

Одним из условий вхождения Башкирии в состав Российского государства было несение башкирами воинской службы. Она выступала залогом сохранения их вотчинного права на свои земли. Основной задачей военной службы башкир была охрана юго-восточной границы России. В то же время башкирские полки в составе русских войск систематически участвовали в различных войнах и военных походах. К примеру, в 1612 году в составе ополчения К. Минина и Д. М. Пожарского освобождали Москву, были в Крымском (1675 г.) и Азовских (1695, 1696 гг.) походах, дважды (в 1701–1705 и 1709–1710 гг.) участвовали в т.н. Северной и (начиная с 1756 г.) Семилетней войнах. В 1771–1773 годах 3100 башкир во главе старшины Кулуга Балтачева были командированы в Польский корпус А.И.Бибикова для борьбы с Барской конфедерацией. 4 пятисотенных башкирских полка находились в Финдлянской армии во время русско-шведской войны 1788–1790 годов. В начале XIX века башкиры участвовали в наполеоновских войнах, 10 тысяч человек было направлено в Пруссию в 1807 году. В Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813–1814 годов участвовали 20 башкирских полков [1, 101–102].

Многие из этих событий нашли отражение в народных песнях, легендах и преданиях, а некоторые зафиксированы в письменных памятниках. В этом плане большой интерес представляет арабографичная рукопись, хранящаяся ныне в Фонде рукописей и старопечатных книг Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН [2].

Эту рукописную книгу в январе 2003 года заведующий отделом этнографии института Ринат Мухаметович Юсупов (1951–2011) передал автору этих строк. Она до этого хранилась в личном фонде бывшего заведующего этим же отделом известного ученого-этнографа Наиля Валиевича Бикбулатова (1931–1996).

Книга состоит из 24 рукописных листов, скрепленных между собой толстой черной ниткой. На ее картонном переплете от руки порусски написаны следующие слова: «Приобретено историко-этнографической экспедицией филиала от гр-на дер. Елимбетово Стерлитамакского района Исламгулова Лутфуллы. 15/IX–52 г.».

По современному административно-территориальному делению деревня Елимбетово входит в состав Стерлибашевского района Башкортостана. Значит, 15 сентября 1952 года житель этой деревни Лутфулла Исламгулов передал хранившуюся у него данную рукописную книгу членам историко-этнографической экспедиции Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР.

Из листочка бумаги, приклеенной к внутренней стороне обложки, видно, что кто-то пытался транслитировать из арабской на современную башкирскую графику начальные строки первого листа данной рукописной книги. Однако некоторые слова им прочитаны неверно, а некоторые заменены многоточием. Таким образом, письменный памятник оставался неизученным в течение более чем полувека.

Общее ознакомление показало, что рукопись является весьма ценным историко-литературным источником. Она написана в конце 60-х годов XIX столетия башкиром из юрматинского рода, зауряд-хорунжием Усманом сыном Ишмухамета.

Вначале автор сообщает о том, что он родился в 1809 году и живет в деревне Шакар Юрматинской волости Стерлитамакского уезда. Здесь же приводит довольно интересные сведения из жизни и быта башкирского народа в начале XIX века. В остальной части рукописной книги он последовательно и подробно описывает все то, что видел и пережил в своей полной тяготами и драматизмом жизни.

Оказывается, детские и юношеские годы Усмана сына Ишмухамета прошли в деревне Алимгуза, которая ныне

не сохранилась. В 1820 году внезапно умер отец, и жизнь их семьи стала невыносимо тяжелой. Несмотря на это, Усман отправился на учебу и 4 года проучился в Четырмановском медресе. У него было огромное желание продолжить учебу, однако из-за нехватки денег вынужден был до 1829 года батрачить у местных богачей. В 1830 году он вместо своего недавно женившегося брата Абубакира добровольцем (в тексте документа – «желающим») в составе башкирского казачьего полка идет на так называемую «молдавскую службу». Башкирские казаки, присоединившись к оренбургским казакам, отправляются на западные окраины Российской империи и спустя 4 месяца прибывают в Одессу, затем в Тирасполь. Некоторое время ведут охранную службу в Херсонской губернии, чтобы не допустить распространения тифа, затем их отправляют в Польшу для подавления восстания польских конфедератов. После усмирения поляков они служат на западных границах империи вдоль рек Днестр, Дунай и Прут. Домой возвращаются лишь в феврале 1835 года, когда вместо них прибывают и вступают на службу другие башкирские полки.

После возвращения с военной службы Усман женится и начинает семейную жизнь. Однако спокойно жить ему не дают: в 1839, 1841 и 1845 годах он проходит «линейную» службу в юго-восточных границах России. В 1846 году после смерти жены он снова женится, с 1849 по 1866 год в разных селениях работает писарем, помощником старшины и юртовой старшиной.

В конце рукописи автор, опираясь на какие-то письменные источники, перечисляет некоторые исторически события, происходившие в 1837–1867 годах. Называет также имена российских царей и башкирских кантонных начальников.

Весьма вероятно, что Усман сын Ишмухамета вел дневниковые записи еще с юношеских лет. К этому выводу приводит тот факт, что текст рукописи изобилует конкретными датами и именами. Свои записи, видимо, он переписал в виде данной рукописи в 1867–1868 годах, ибо последними датами указаны именно эти годы.

Рукопись Усмана сына Ишмухамета может служить ценным источником для историков, этнографов, языковедов, литературоведов и всех тех, кто интересуется историей Башкирии и башкирского народа. Она написана богатым, сочным языком и хранит в себе весьма важные сведения об одежде, пище башкир в начале XIX века, данные о башкирских казачьих войсках и военном походе 1830–1835 годов.

Ниже приводим перевод на русский язык той части текста рукописи, в которой описывается военная служба автора:

«...В 1830 году нашему кантонному начальнику Лукману предписали приказ о подготовке к военной службе 75-и здоровых парней с лучшими лошадьми-скакунами, которых должны были обеспечить всеми необходимыми девятнадцать душ из каждой команды. На эту службу был назначен и мой брат Абубакир. Он должен был отправиться в синем чекмене, в синих брюках, в белой шапке, имея при себе седло с суконной подкладкой, ружье, саблю и пику. В других местах народ обеспечивался и конем. Однако у нас из-за бедности коня не смогли дать. Пришлось взять голубого скакуна Узяная-ага, взамен предоставив ему трех кобыл.

До назначения на службу мой покойный брат Абубакир был женат. Для того, чтобы не отправлять его, «желающим» отправился я. Сказал ему: «Чем плакать четырьмя глазами, ты заплачешь только двумя!». Это решение поддержали и родственники.

В том году Алимгулжа-агай написал рапорт об отставке. Исполняя его старшинскую должность, Алтынбай-агай сам занимался отправкой «молдавских» казаков. 5 мая 1830 года отправились в Оренбург. По пути остановились в долине реки Билли Кылыч возле Уршака. В течение 15 дней нашей подготовкой занимался кантонный начальник Лукман Ибрагимов, затем он передал нас в распоряжение полкового командира Негашова. Вышли в поход 20 мая. За каждым из двух человек были закреплены 3 коня.

На месте сбора в деревне Мурадым¹ супруги женатых казаков решили отстать от команды. Но долго не могли разлучиться, плакали.

Затем через крепость Бузулук прибыли в Самару. В те времена Самара не была губернским городом, была лишь уездным. Стояли в Самаре десять дней. Там к нашему полку присоединились Оренбургские конные казаки, и назвалось наше подразделение «одиннадцатым полком». Затем отправились в направлении города Одессы. Через Сызрань и Кузнецк прибыли в Пензенскую губернию. Оттуда попали в Харьковскую губернию, затем – в Воронежскую и Полтавскую губернии. Там нас смешали с русскими воинами. Начальниками сотен были лишь русские. Говорили, якобы башкирские чиновники не знают порядка. В пятисотенном полку на каждую сотню были назначены три офицера, т. е. чиновника, четыре урядника, а в сотне было по сто десять казаков. Русские чиновники ежедневно поочередно командовали полками. Башкирские же чиновники каждую ночь пасли коней.

¹ Мурадым — предположительно речь идет о деревне Мурадымово, которая ныне входит в состав Кугарчинского района Республики Башкортостан.

В походном строю вначале ехали четыре русских казака, затем во втором ряду – четыре башкирских казака, в третьем ряду – опять четыре русских казака и так далее. Садилась и спрыгивали с коней только по команде. За четыре месяца езды наши кони сильно устали, у многих кони умерли, и казаки вынуждены были идти пешком.

В первые дни октября доехали до города Одесса. Встретились с графом Воронцовым¹ и по его приказу стали служить в городе Тирасполь. Началась настоящая армейская служба. Было приказано продать также лишнюю одежду, выкидывать пух из подушек и вместо него засовывать туда одежду. Служба была очень тяжелая. Приказали вместо домашней надеть русскую одежду. Белые наши шапки, которые надевали у себя на родине, износились. Надев на головы картузы, мы стали похожи на русских, т. е. на конных казаков.

Прослужив там один месяц, мы были отправлены в Херсонскую губернию. Мы должны были стоять в карантине, т. е. препятствовать распространению холеры, построили шатер площадью в двести сажень² и стояли в карауле, должны были никого не выпускать и не впускать на территорию губернии. В течение двух месяцев охраняли по вечерам и в дневное время. Ежедневно умирали двести человек. Русские кладбища были в трех местах. Во время каждой утренней молитвы хоронили по пятьдесят – шестьдесят человек. Однако нашим казакам не пришлось заниматься этим (делом). Мой пост был недалеко от одного из кладбищ.

После того, как прекратилось распространение холеры в этой губернии, мы отправились на север, в сторону страны поляков. Должны были вступить в бой с ними за то, что они не повиновались нашему царю. Была зима. В течение полутора месяцев шли походом в сторону польского города Житомир. Когда осталось до города расстояние длиною в 15 дней поездки, триста человек включили в состав 9-го, 8-го полков Оренбургского округа и отправили в сторону города Варшава. Полковой командир Негашов с двумя сотнями сытых и хорошо одетых людей с конями остался в Житомирской губернии. Там же мы и перезимовали.

В первых числах марта польский народ начал воевать. Услышали мы о том, что хозяева поубивали два батальона солдат в их квартирах. Нам было приказано, как казакам, так и солдатам из любого полка, не ночевать в квартирах, а собираться вечерами

¹ Воронцов — М. С. Воронцов, князь, в 1828–1844 годах был новороссийским и бессарабским генерал-губернатором.

² Сажень — устар.: равна 2,134 метру.

в одном месте и там же ночевать. Полякам было запрещено (в оригинале – отказано) иметь ружья, сабли и пики.

Как-то весной, в начале апреля начали обходить и обыскивать безработных в округе. И тех, у кого находили оружие, стали отдавать в под суд. Такими людьми были заполнены баструки и казенные дома, позднее даже их стали запирают в конюшни евреев.

После этого мы слышали вест о том, что в 15-х числах мая поляки, собравшись в несколько команд, ограбили на большой дороге едущую в Житомир почту, отобрали деньги и убили почтальонов. В 20-х же числах мая и до нас дошла вест о том, что польская армия взяла штурмом город Абросов, вооружила и взяла в свои ряды семьсот рекрутов, в этом же городе удерживались направлявшиеся в Варшаву около пятисот обозов с провиантом. Затем полторы тысячи солдат-пехотинцев, из нашего полка двести казаков, а также представители из других полков – в целом более трех тысяч воинов – были отправлены на штурм этого города.

После того, как мы прошли одну станцию, навстречу нам выехала польская почта на тройке, где сидели три человека. Увидев их, наш полковой командир Негашов скомандовал: «Отстанись, дорогу давай!». И мы пропустили их, отстранившись на две стороны. Те внезапно пальнули из палетки в сторону полкового командира. Командир приказал догнать и взять в плен эту тройку. Несколько казаков поскакали за ними, однако вернулись ни с чем.

После этого, миновав еще одну станцию, мы дошли до деревни и встретили пикеты польской армии. Разогнали их пиками с алыми лентами, некоторых из них взяли в плен, а некоторых убили. После чего служба стала очень строгой. Каждый казак и солдат не должен был дремать, ночевать на польской территории только в сосновом лесу, подложив под себя саблю, ружье и подсумку. Утром снова были на ногах, в походном строю. Выступавших против нас войска противника уничтожали, часть их спаслась бегством в лес. Нас никак не могли одолеть.

И днем, и ночью осторожничали, около десяти дней вовсе не могли спать. Офицеры и сам полковой командир обходили дозоры и ударяли плетками спавших людей. Если бы они утром сказали: «Этим вечером вам спокойно можно будет спать», – мы так остались бы довольными! До чего мы нуждались во сне!

27-го дня мая-месяца, не дойдя до города Абросов шесть километров, мы столкнулись с польской армией, которая, заранее заняв нашу дорогу, стала теснить нас. Стреляя из ружей, после полудня поляки заставили нас отступить на километр,

а после заката солнца перешли в наступление. Ночь просидели мы в поле спелой ржи. Ружейные ядра падали на нас как капли моросящего дождя. Тем не менее в тот день никто из нас не пострадал.

До истечения одной трети ночи кормили своих коней. В пикете на стороне расположения нашей армии стояли мы трое – один конный казак и два башкирских казака.

В середине ночи от командующего поступил приказ собраться в поход. Мы тронулись с большой осторожностью, не гремя ружьями и саблями. Поскольку большак был перекрыт польской армией, оставили эту дорогу и, сделав круг в двенадцать километров, решили по-хитрому подойти к городу с другой дороги. Когда мы стояли в замешательстве, подошел урядник Ишбулды Кудакеев и сказал: «Чего вы стоите? Армия ведь двинулась!». Пройдя с ним несколько километров, присоединились к армии и очень обрадовались этому.

Когда мы совершили круг в двенадцать километров и подошли к городу на расстояние в полтора километра, стало светать. Польская армия узнала о нашем приближении и, выйдя за пределы города в конном и пешем порядке, открыла стрельбу. Наша армия под барабанным боем два-три раза пальнула из пушек и, построившись так, что солдаты были посередине, а казаки – с двух сторон, мы, мусульмане, со словами «Аллах велик!», пошли в наступление.

В этот день мы потеряли надежду остаться в живых. Думали, что вот-вот погибнем. Польская армия в пять раз превосходила нас в численности. Командовал нами один гусарский офицер. «Матри, ребята, не бежи, не бежай!» – говорил он (это значит, «не убегайте»); «Дорожи, не стреляй!» – говорил (т. е. «все залпом не стреляйте»); «Заряжай!» – говорил (т. е. «ружья заряжайте»).

Мы, надеясь на Аллаха, распрощавшись с жизнью, со слезами на глазах и с криком «ура» пошли вперед. Офицеры, вытащив сабли из ножен, ударяли тыльной стороной сабли и кричали: «Вперед, да вперед!». «Кто отступит на десять сажень, будет расстрелян из ружья, а кто – на двадцать сажень, будет расстрелян из пушки!» – говорили они. Их слова «вперед, да вперед» означали «идите вперед, идите вперед, не отступайте».

Полки стреляли в сторону тех, которые шли по два-три человека. Их ядра попадали и по коням, и по нам самим. В конце концов с божьей помощью мы победили поляков и заставляли их бежать с поля боя. Многих из них уничтожили. Присоединившиеся к ним рекруты и некоторые из шляхты побросали оружия и, «давая пардон», стали перебегать на сторону нашей армии. Мы, подавив их, в обеденное время ворвались

в город. За пределами города люди, называемые «меленек», лежали без рук и ног словно отары овец, утопая в крови...

29 мая взяли город Абросов, и там воцарилось правление нашего шаха Николая Павловича. Заново назначили градоначальника, завоевали также другие города и селения. После этого в первые дни августа состоялось подписание мирного договора.

Этот год мы перезимовали в городе Абросове. В начале мая 1832 года совершили поход в направлении прусской границы. В течение полутора месяцев. В то время граница была в три линии. Первая – по реке Днестр, 2-ая – по реке Прут, третья – по реке Дунай. Наш 11-й полк в конце июня сменил 9-й пост по реке Прут.

В ходе похода на прусскую границу старший урядник Черняев назначил меня ефрейтором последнего отделения и дал мне в руки список людей в количестве 25-и человек. Внизу этих имен я написал (имена) по нашему татарскому письму и, сравнивая их, начал понимать некоторые русские слова и то, что (уже) знал, переписал по-русски. Полковой командир записал всех, кто знает русское письмо, и на границе назначил их приказными по каждому кордону. Я был приказным на Нижнем Эрзацском, командуя четырьмя русскими и тремя бакирскими казаками.

На 33-й год стоящие ниже нас (по реке) донские казаки отправились на турецкую войну. По причине того, что из бакирских полков, стоящих по дунайской границе, были перебежчики в заграничу, нас не отправили на турецкую войну, а оставили на месте донских полков.

Я попал в почтовый кордон под названием Таюб Эзкирди, расположенный ниже того места, где раньше мы стояли. В то время приказным, который принимал и отправлял почтовые бумаги, был (казак) по фамилии Тибликов. Он заболел какой-то болезнью и был отправлен в госпиталь города Кишинев. Вместо него я был назначен почтмейстером и занялся отправкой почты.

В 1834 году снова стал командиром пятнадцати казаков, т.е. восьми русских и семи бакирских казаков.

В конце августа 1834 года с родины прибыла нам смена, из них половина были уральские, половина – бакирские (казаки). И они остались на границе. Мы же с приподнятым настроением отправились на родину. В походе находились в течение сентября, октября, ноября, декабря и января месяцев. В начале февраля прибыли в город Самара. Там нас встречал один полковник из Петербурга и расспрашивал о наших трудностях. Спрашивал об одежде, о том, кто еще не получил положенные материальные вознаграждения, и о других трудностях. После этого русские казаки разъехались

по своим селениям, а нас вместе с Тихоновым из Троицка (полковник) отправил до Стерлитамака.

18-го дня февраля 1835 года прибыли в Стерлитамак. Нас встречал генерал Циолковский¹ с кантонным начальником Лукманом Ибрагимовым. Состоялся наш смотр в казачьей форме. В это время проходила Стерлитамакская ярмарка. (Генералу Циолковскому) понравилась форма нашей одежды, потом он начал одевать в эту же форму всех башкирских казаков (в оригинале: башкирский народ).

В то время стариной был Губейдулла сын Биккены. Во время смотра Андрей Игнатьевич Тихонов показал меня генералу Циолковскому и в похвалу сказал: «Этот казак знает русский и татарский языки, пользуется доверием в народе, не пьет. (Он) достоин награждения орденом». Генерал спросил меня: «Откуда ты родом?». По молодости я внятно ответить не смог. Во время моего ухода в армию такого (волостного) деления селений не было.

20 февраля 1835 года возвратились на родину. Мы были в казачьей форме, т.е. в мундире, брюках с красными лампасами и кибуром на голове, сидели на конях в седле с суконной подкладкой, которая была синего цвета с красной кармазиновой лентой по краям...» [2].

Литература

1. Башкиры / Отв. ред. Р. Г. Кузеев, Е. С. Данилко. – М.: Наука, 2016. – 664 с.
2. Фонд рукописей и старопечатных книг ИИЯЛ УФИЦ РАН. Шифр: 1а – 185.

MEMOIRS OF BASHKIR KAZAK

M. Kh. Nadergulov

Abstract

The article briefly expands content and provides an abridged translation in Russian of the text of the arabografichnoj manuscripts of the Bashkir , Ousmane, Ishmuhameta's son, who took part in a military campaign in Poland in 1830–1835, written in the mid-19th century.

Key words: monument of the XIX century manuscript, memoirs about quelling the rebellion of Polish confederates

¹ Циолковский – С. Т. Циолковский, генерал-майор (1788–1842), командующий Башкирским войском.

**ББК 83.3 (2РОС-РУС)+83.3(4Вел)
УДК 8Р13**

Е. Г. Постникова,
*доктор филологических наук, доцент,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
ekaterinapost@mail*

**ДОСТОЕВСКИЙ И ГРЭМ ГРИН:
ИДЕАЛЬНЫЕ ГЕРОИ И АРХЕТИП ГРЕХОПАДЕНИЯ
(ПО РОМАНАМ «ИДИОТ» И «СУТЬ ДЕЛА»)**

Художественный мир, созданный Грэмом Грином в романе «The heart of the matter» («Суть дела»), очень близок к миру романов Достоевского. Героев Достоевского и Грэма Грина роднит христианское миропонимание и мироотношение: гипертрофированное чувство ответственности и вины за мир, безмерное сострадание слабым и падшим, неуспокоенность в вере. Трагические истории взаимоотношений героев с женщинами ориентированы на библейскую историю грехопадения.

Ключевые слова: Достоевский, Грэм Грин, тип идеального человека, архетип грехопадения, мотив искушения, гендер

Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» был опубликован в 1868 г. Роман Грэма Грина «The heart of the matter» (в русском переводе «Суть дела») – в 1948 г. Между ними 80 лет. Первый написан в XIX веке русским православным писателем; второй – в XX англичанином-католиком. Поэтому прежде всего необходимо оговорить, на каком основании мы их сближаем.

Ю. М. Лотман в статье «О русской литературе классического периода. Вводные замечания», рассуждая о русской культуре, заметил, что внутри себя она делится на два модуса: бинарную и тернарную системы. Бинарная структура самоописания предполагает деление всего сущего в мире на положительное и отрицательное, на греховное и святое, и т. д. «Представление о том, что «средний» пласт – «не горячий и не холодный» – есть фактически греховный пласт, глубоко лежащее в исторических корнях русской культуры, активно реализуется в интересующий нас период. С этим связаны такие крупные литературные явления эпохи, как традиция Лермонтова, Гоголя, Достоевского», – пишет исследователь [8, 383]. По мысли

Лотмана, все это приводит к специфическому типу развития сюжета, когда путь к добру лежит через предельную степень зла. Известно, что разные варианты истории о великом грешнике очень интересовали Достоевского. Для такого типа мышления характерна и еще одна особенность – представление о том, что мир зла ближе к добру, чем мир пошлости. Неслучайно в «Бесах» Достоевский дважды цитирует слова из Апокалипсиса: «И ангелу Лаодикийской церкви напиши: сие глаголет Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ни холоден, ни горяч; о если бы ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то я изблюю тебя из уст моих» (Откр. 3; 14-15).

О такой системе Ю. М. Лотман сказал: «Жизнь есть испытание, и в нее избранный герой погружается, как в сферу ада» [8, 384]. Это справедливо не только для героев Достоевского, но и для героев Грэма Грина. Жизнь есть испытание и для избранного героя Грэма Грина Скоби. Художественный мир, созданный в «Сути дела», действительно очень близок к миру романов Достоевского. Известно, что Грэм Грин в свое время серьезно увлекался Достоевским. Он дважды перечитывал «Преступление и наказание» и «Братьев Карамазовых», кроме того, исследователи находят в его творчестве много параллелей с «Идиотом», что указывает на знакомство и с этим романом [5, 187].

Эпиграфом к этому роману Грэм Грин выбрал слова Шарля Пегги: «Грешник постигает самую душу христианства.... Никто так не понимает христианства, как грешник. Разве что святой». Главный герой романа – лучший из людей, рыцарь Справедливости, глубоко верующий человек, майор Скоби к пятидесяти годам ощущает некую опустошенность, усталость от жизни и даже от веры. «У меня такое чувство, словно я... устал от моей веры», – признается он на исповеди отцу Ранку [4, 344]. Скоби мучается тем, что потерял ощущение сопричастности страданиям Христа. В душу его начинает проникать равнодушие: «Он чувствовал себя *случайным зрителем* – одним из тех в толпе вокруг креста, на чьем лице взгляд Распятого, искавший либо друга, либо врага, наверное, даже не остановился бы. А иногда ему казалось, что его профессия и мундир неумолимо ставят его в *один ряд с безымянными римскими стражниками*, которые блюли порядок на городских улицах во время крестного пути на Голгофу» [4, 343]. Праведник Скоби болезненно осознает свою позицию в бытии как позицию стороннего наблюдателя, позицию невмешательства, неучастности. Когда отец Ранк начинает произносить слова отпущения грехов, Скоби думает: «Беда в том, что нечего отпускать» [4, 344]. Может быть, он начинает ощущать себя

ни другом, ни врагом Христа, а только посторонним именно потому, что на нем даже нет грехов. Скоби мучается осознанием того, что он «не холоден и не горяч, а только тёпл». Он привык во всем предъявлять к себе максимальные требования. И, как это ни парадоксально звучит, решаясь пройти через грех, он чувствует, что становится ближе к Богу.

Самое страшное искушение для Скоби – это искушение покоем. Ему просто стоит поймать Элен на слове и отказаться от нее. И здесь в романе появляется странная фраза: «Добродетель, праведная жизнь искушали его в темноте, как смертный грех» [4, 374]. Смертный грех для Скоби – вернуться в состояние безгрешности, а значит равнодушия. Такой отказ от покоя и равнодушия свойственен любимейшим героям Достоевского. По разному, но все они отказываются от пассивной позиции в бытии ради активного действия, даже если это действие идет через своеволие, грех, отпадение от Бога. Может быть, история Скоби поможет нам ответить на вопрос: почему безгрешный Мышкин по какому-то фатальному закону обязательно должен был «втянуться» в этот мир?

Действительно, между этими героями мировой литературы есть нечто общее. И Мышкину, и Скоби свойственно покаянное сознание, неизбежное чувство вины за мир. Суть покаянного сознания старец Зосима в «Братьях Карамазовых» выразил так: «Каждый единый из нас виновен за всех и вся на земле несомненно...» [6, 14, 149]. Глубокое убеждение Мышкина, чувство, постоянно сопровождающее его на всем протяжении романа: «Как же я виноват!» [6, 8, 192]. И лишь один раз в мгновение бессилия уставший князь подпадает под соблазн стать пассивным. Он мечтает об уединении: «Ему хотелось быть одному и *отдаться всему этому страдательному напряжению совершенно пассивно*, не ища ни малейшего выхода. Он с отвращением не хотел разрешать нахлынувших в его душу и сердце вопросов. «Что же, разве же я виноват во всем этом?» – бормотал он про себя, почти не сознавая своих слов» [6, 8, 186].

Для Достоевского именно за вопросом: «Разве я виноват?» – скрыта позиция пассивного отношения к миру, позиция «моего алиби – в-бытии» (по определению М. Бахтина), непростительная позиция стороннего наблюдателя, проходящего мимо жизни. Равнодушный отстраняется от чужой беды. «Я-то в чем тут? В чем я перед ним виноват?» – возражает Евгений Павлович Радомский на требование Мышкина повиниться перед Ипполитом («Надо чтоб и вы согласились принять от него прощение» [6, 8, 282].

Невинными и счастливыми ни Мышкин, ни Скоби не могут быть никогда. «Покажите мне счастливого человека, и я покажу вам либо самовлюбленность, эгоизм и злобу, либо полнейшую духовную пустоту», – говорит Скоби [4, 314]. Невинными могут быть только такие люди, как Уилсон, о котором сказано: «...они увидели розового, *невинного*, не верящего даже самому себе Уилсона» [4, 379]. Грешница Настасья Филипповна пишет Аглае: «Вы *невинны*, и в вашей невинности все совершенство ваше» [6, 8, 380]. В этой невинности есть какая-то недоделанность. Невинные еще не знают, что такое страдание, сострадание, бремя ответственности. Отсюда жестокость их поступков (поступка Аглаи во время свидания с Настасьей Филипповной и поступка Уилсона, замечающего, что записи о болезни в дневнике умершего Скоби вписаны позднее и другими чернилами, и сообщающего это Луизе). В отличие от невинных Аглаи и Уилсона, Мышкин и Скоби задавлены бременем вины.

Тема страдания и сострадания находится под пристальным взглядом обоих художников. Для героя Достоевского Мышкина сострадание «есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» [6, 8, 192]. Для героя Грэма Грина «сострадание – это страшная, необузданная страсть, которую испытывают немногие» [4, 350]. Страстные души обоих героев не в силах выносить страданий ближнего, особенно страданий женщины. В варианте Мышкина это звучит так: «Лицо это еще с портрета вызывало из его сердца целое *страдание жалости*; это впечатление сострадания и даже страдания за это существо не оставляло никогда его сердца» [6, 8, 289]. Страдание женщины – то слабое место, которое враг человечества использует, чтобы отвернуть Скоби от Христа. «Я предпочел причинить боль тебе, а не Элен или жене, потому что твоих страданий я не вижу», – говорит он Христу [4, 442].

Интересно, что и у Мышкина, и у Скоби сострадание к женщине невольно эротизируется, становится страстью. Мышкин, пытаясь спасти Настасью Филипповну, не задумываясь, предлагает ей замужество. У Скоби чувство «жалости и ответственности достигало накала страсти», в те минуты, когда его жена Луиза была особенно некрасива и жалка [4, 224]. Сострадание к Элен неизбежно приводит к любовной связи. С Элен связан образ подстреленной птицы: «Элен лежала, скорчившись в неестественной позе, как человек, которого смерть настигла на бегу. Даже тогда, до того, как в нем проснулась нежность и чувство благодарности, ему на миг почудилось, будто он глядит на подстреленную птицу» [4, 351]. И в Настасье Филипповне

чувствуется смертельный надлом. Скоби, как и Мышкин до него, пытается на лету подхватить подстреленную птицу. Но спасти птицу-душу-женщину героям не удается.

Мы видим, что у героев Достоевского и Грэма Грина много общего. Их роднит христианское миропонимание и мироотношение: гипертрофированное чувство ответственности и вины за мир, за все происходящее, безмерное сострадание слабым и падшим, страстная любовь к людям, неуспокоенность в вере. Общее у них и некое идеальное состояние. Это, безусловно, лучшие люди. Сострадательная любовь к слабым и падшим – их общий крест. При этом Мышкин и Скоби соотносятся между собой как ребенок, открытый миру, новым впечатлениям, вере, и старик, опустошенный, уставший от веры, сгорбленный под тяжестью ответственности, которую он взвалил на свои плечи, точно мешок с камнями. Один приезжает в зимнюю Россию с жаждой узнать свою родину, свой народ, свою веру. Другой, устав от своей веры, не хочет возвращаться на родину, мечтает об одном, чтобы Бог даровал ему покой. Один мчится спасать «гибнущую красоту», не подозревая подвоха, другой прекрасно понимает, что сделать другого (другую) счастливым невозможно, любые отношения с женщиной – ловушка. Мышкин «по прирожденной болезни своей» женщин совсем не знает [6, 8, 14]. Скоби знает их слишком хорошо.

Сюжетный узел обоих романов – отношения одного идеального мужчины и двух реальных женщин. И словно оправдываясь за Мышкина и отвечая Евгению Павловичу («Ха-Ха! И как это любить двух? Двумя разными любовью какими-нибудь? Это интересно... бедный идиот!» [6, 8, 485]), Скоби думает: «Говорят, невозможно любить двух женщин сразу, но что же это тогда, если не любовь?» [4, 448].

В том, как Достоевский и Грэм Грин рисуют женщин и отношения полов, есть определенные переклички, но есть и принципиальная разница. У Достоевского в «Идиоте» женщина явно романтизируется. Женщина – это загадка, которую пытаются разгадать герои-мужчины [3, 106]. С первых страниц романа «Идиот» утверждается, что «красота загадка» [6, 8, 66]. О взгляде красавицы Настасьи Филипповны говорится: «этот взгляд глядел – точно задавал загадку» [6, 8, 38]. Для Достоевского женщина и женская красота являются мистической тайной, мифологизируются. В «Идиоте» главные героини – красавицы. «Избранные» герои Достоевского стремятся к женской красоте.

Герой Грэма Грина любит за некрасивость, за то, за что можно пожалеть. «Вот в такие минуты, когда она была совсем *некрасивой*, он ее

любил...» – это сказано о Луизе [4, 224]. И Элен он полюбил за некрасивость: «Когда она поворачивалась и свет падал ей прямо в лицо, она выглядела очень *некрасивой*, – такими некрасивыми порой бывают детские лица с еще не определившимися чертами. Ее некрасивость сковывала его, как наручники» [4, 349]. Некрасивость героиня для Скоби как крик о помощи, как приказ любить, защищать, служить. При этом слово «красота» в восприятии Скоби несет в себе негатив. «Красота – это сильный враг, с которым можно вести беспощадную борьбу», – считает Скоби [4, 349]. Красота – это сила, наглость, это знак «этого мира», мира лжи, фальши, масок, мира, к которому так мечтает приспособиться его жена Луиза. И только пока ей это не удастся, Скоби согласен любить ее и нести за нее ответственность.

Общей чертой героев Достоевского и Грэма Грина является их рыцарство. Но если Бедный рыцарь до последнего вздоха служит «гибнущей красоте» и умирает как безумец («Все безмолвный, все печальный / Как безумец умер он» [6, 8, 209]), то рыцарь Справедливости [4, 223] Скоби кончает жизнь самоубийством, раздавленный любовью-жалостью к некрасивым.

Если у Достоевского женщина мифологизируется и романтизируется, то в романе Грэма Грина происходит обратное. Можно говорить даже о демифологизации и деромантизации образа женщины. В «Сути дела» борьба полов изображена как борьба индивидуальности с Персоной, маской, причем индивидуальность – это мужское качество (хотя и не всякому мужчине оно присуще), а Персона – женское. Скоби сопротивляется попытке жены хоть как-то приспособиться самой к миру данности и приспособить к нему своего мужа («Он подумал: бедная Луиза, если бы я предоставил решать тебе, где бы мы с тобой были? И ему пришлось признать, что тут бы их не было, они бы давно уехали в другое место, где им бы лучше жилось, и климат был бы лучше, и жалование лучше, и лучше положение. Она бы пользовалась всякой возможностью, чтобы поправить их дела, проворно подталкивала бы его вверх по ступенькам должностной лестницы и зря не дразнила бы гусей» [4, 219]).

Женская активность, как ее понимает Скоби, направлена на то, чтобы самой сделаться значимой и самодовольной и сделать таким же «своего» мужчину. Поэтому женщина окружает себя знаками Персоны – это вещи и фотографии, которыми заставлен туалетный столик: «Она словно собирала *вещественные улики*, что и у нее есть друзья *не хуже, чем у других людей*» [4, 224]. В их общем доме Скоби чувствует себя «разведчиком в тылу врага» [4, 223]. Он ведет негласную войну за право быть собой, избавляясь от лишних вещей. И единственное,

что ему удастся отвоевать, – это ванная, которую Луизе никак не удастся облагородить, и его кабинет в полицейском управлении, на голых стенах которого висят одни наручники – необходимый минимум. Скоби, как настоящий мужчина, не поддается стремлению женщины сделать из него Персону, Значимое Лицо. Он не отдает женщине право решать, и потому чувствует свою вину и ответственность за ее горе.

Здесь следует отметить, что, несмотря на общую тенденцию романтизации женщины и женской красоты, у Достоевского тоже встречается понимание женщины как Персоны, хотя это характерно только для второстепенных персонажей. Таковы, например, отношения супругов Лембеке, а также Варвары Петровны Ставрогиной и Степена Трофимовича Верховенского в «Бесах». Достоевский показывает, как женщины-матери пытаются «оберечь», приспособить к миру, сделать приличным и выставить напоказ «дружости» активно творимых ими мужчин. В «Идиоте» нет того, свойственного Скоби олицетворения женщины с Персоной, а женской активности с приспособлением. Настасья Филипповна – это не Луиза. В ее письмах к Аглае, которые вызывают в Мышкине впечатление дурного сна, содержится «что-то такое, что было мучительно-действительное и страдальчески-справедливое» [6, 8, 378]. Даже в Аглае, которая все-таки стремится хоть как-то скорректировать Мышкина (сцена, когда она учит его заряжать пистолет перед дуэлью, история с китайской вазой), живет вненормативная активность. Она не хочет быть только «генеральской дочкой», она готова связать жизнь с таким непутевым «идиотиком».

Проблема взаимоотношения полов и у Достоевского, и у Грэма Грина связана с проблемой личности и личностной ответственности.

В отношениях Скоби с женой не все так просто. Характерно, что Скоби, понимающий любовь как ответственность («Он всегда нес ответственность за счастье тех, кого любил» [4, 227]), при этом снимает всякую ответственность с любимого человека. И только однажды он вдруг понимает о жене, что «она его любит; да любит его, бедняжка». И далее: «Она вдруг стала в его глазах самостоятельным человеческим существом со своим чувством ответственности, не просто объектом его заботы и внимания» [4, 290]. Подумав об этом однажды, он тут же забывает свои выводы и снова начинает относиться к жене только как к объекту заботы и внимания, а не как к самостоятельному человеку. Отсюда одна особенность в его восприятии жены: отказывая ей в человечности, он низводит ее до уровня животного. В его восприятии она становится зверьком: «Доброта и жалость ею не владеют: она никогда не симулирует чувств, которых не испытывает; она как зверек,

не умеет сопротивляться даже легкому приступу болезни и так же легко выздоравливает. Когда Скоби нашел ее в спальне под mosquito net, она ему напомнила собаку или кошку, так крепко она спала» [4, 223]. Или еще красноречивее: «Его жена сидела под mosquito net, и ему вдруг почудилось, что это *кусочек сырой говядины*, покрытый марлей от мух. Но жалость догнала жестокую мысль и быстро ее спровадила» [4, 225]. Ассоциации со зверьком вызывает у него и Уилсон: «Он был похож на собаку. Никто еще не нанес на его лицо тех черт, которые сделают его человеком» [4, 232]. Человек – это тот, кто тащит на себе бремя ответственности и сострадания. В Луизе этих черт, по мнению Скоби, нет. А может, он их просто не замечает? Вспомним один эпизод: Скоби рассказывает Элен о том, как в далекой Англии умерла его дочь. Его не было рядом. С умирающей дочерью была жена. Луиза посылает мужу две телеграммы с разницей в час, чтобы подготовить его. В одной она сообщает о болезни, в другой о смерти ребенка, обращаясь к мужу: «Храни тебя Господь». Разве это не ответственность?

Главная причина самоубийства Скоби, на наш взгляд, в том, что он не в силах причинить ни одной из женщин страдания. Уходя из их жизни, он тем самым надеется спасти их от себя, от боли, от страданий. Но в результате одна из них остается с «недочеловеком» Уилсоном, другая с Багстером, который «не из тех, кто любит нести ответственность за других» [4, 348].

Великая христианская идея ответственности становится ловушкой для Скоби. Он запутывается в ее сетях. Вваливая всю ответственность за женщин и за мир (который им понимается как пассивная женственная данность) только на одного себя и отказывая в праве на ответственность, а значит, человечность любимым, не поступает ли Скоби как самозванец? Неслучайно возникает ассоциация с мешком, наполненным камнями. Скоби говорит Богу: «Если ты меня создал, ты создал и то чувство ответственности, которое я таскаю на себе, как мешок с камнями» [4, 443]. Он напоминает тех активных героев-идеологов Достоевского, которые самозванно вваливают на себя груз идеи, а потом, раздавленные, корчатся под ней, как под камнем. Напомним, о Шатове в «Бесах» говорится: «Это было одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит собой, иногда даже навеки. Справиться с нею они никогда не в силах, а веруют страстно, и вот вся жизнь их проходит потом как бы в последних корчах под свалившимся на них и раздавившем их камнем» [6, 10, 32].

Горькие истории Мышкина и Скоби есть истории о том, как самые лучшие, прекрасные, добрые и сострадательные люди взваливают на себя непосильное бремя ответственности за мир и гибнут, раздавленные состраданием. Утешая Настасью Филипповну, Мышкин все время утверждает: «А вы ни в чем не виноваты» [6, 8, 142]. С той поспешностью, с которой Лев Николаевич берет на себя вину, с той же поспешностью он снимает ее с женщины. Может быть, в этом заключается главная его ошибка, как и ошибка Скоби. «Вот что наделала любовь к людям – она отняла у него любовь к вечности» [4, 442], – сказано о Скоби. Может быть, нельзя взваливать все только на себя, может быть, нужно и тех, самых близких и любимых, ради которых совершается жертва, учить ответственности и состраданию. Вот что говорит Луизе отец Ранк после смерти Скоби: «Вас слишком много утешали в жизни, миссис Скоби. Если то, что думает Уилсон, правда, тогда *он* нуждается в утешении» [4, 455].

Н. Бердяев сказал когда-то: «Мир поймал Адама и владеет им через пол, в точке сексуальности прикован Адам к природной необходимости» [2, 410]. Продолжая эту мысль Н. Бердяева, можно было бы утверждать, что мир поймал рыцаря Справедливости, майора Скоби, через его любовь-жалость к некрасивым Луизе и Элен, так же, как когда-то он поймал Бедного рыцаря Мышкина через женскую любовь: любовь его к Аглае и любовь-сострадание к Настасье Филипповне.

Мы видим, что трагические истории взаимоотношений героев с женщинами так или иначе сориентированы на библейскую историю грехопадения. Общее качество героев: идеальность, безгрешие – роднит их с райским Адамом. Это очень хорошо прочувствовал К. Мочульский: «Князь не чувствует зла, потому что к нему не причастен: он невинный. <...> Князь – существо другой зона – до грехопадения» [9, 406]. Мышкин решается вырваться из тишины болезни в мир, чтобы познать его. Познавая мир, невинный Мышкин повторяет историю Адама, в которой содержится криптограмма человеческой судьбы: невинность – падение – искупление. Мы видели, что Скоби понимает свою безгрешность как равнодушие и намеренно выбирает грех, соглашаясь лучше быть крестом, на который прибавляют тело Христа, чем просто равнодушным посторонним римским стражником («Я – крест его, думал Скоби ...» [4, 411]).

Грехопадение Мышкина начинается в сцене скандала у Настасьи Филипповны, когда Мышкин, который «по прирожденной болезни своей совсем женщин не знает» и воспринимается другими как юродивый [6, 8, 14] предлагает Настасье Филипповне как единственный выход из ее ужасного положения не слова утешения

и молитвы, а руку и сердце. В. В. Дудкин в докладе на Старорусских чтениях 2004 г. проницательно заметил, что вся сцена скандала у Настасьи Филипповны сориентирована на библейскую историю грехопадения, ведь грехопадение и есть первый скандал в истории человечества [7, 81].

На вечере у Настасьи Филипповны устраивается «пяти-же», своеобразная игра, по условию которой каждый участник должен рассказать о своем самом дурном в жизни поступке. Князь вынимает жребии. Свой жребий он вытягивает пятым. Перед ним в грехах должен исповедоваться Афанасий Иванович Тоцкий. Когда заканчивается его рассказ и наступает очередь исповеди Мышкина, в квартиру врывается Рогожин и происходит знаменитый скандал. Неужели же безупречное, с точки зрения рыцарского кодекса, поведение Мышкина в сцене скандала и есть его «самый дурной в продолжении всей жизни поступок»?

Рыцарский, на первый взгляд, поступок князя (имеется в виду предложение «руки и сердца») на самом деле становится началом конца. Доказательством такого нашего предположения является реакция Настасьи Филипповны: «Все утверждали потом, что с этого-то мгновения Настасья Филипповна и помешалась» [6, 8, 140]. В попытке спасти гибнущую красоту юродивый князь предлагает не просто законный брак, но и брак выгодный (услышав хихиканье Фердыщенка и Лебедева, князь спохватывается: «Но мы, может быть, будем не бедны, а *очень богаты...*» [6, 8, 138], то есть, по сути дела, вступает в торги (ср. поведение Рогожина во время скандала). Наверное, поэтому поступок Мышкина и встраивается в ситуацию «пяти-же» как самый дурной его поступок. Все дальнейшие описанные в романе события – продолжение игры, затеянной Настасьей Филипповной, – рассказ о грехопадении «невинного».

В романе Грэма Грина суть произошедшего («Суть дела») называется своим именем: «Настроение у Скоби было подавленное, может быть, от духоты, а может быть, ему тяжело было вернуться на место своего *грехопадения*» [4, 339]. Место грехопадения Скоби – комната Юсефа с оранжевыми занавесками, в которой Скоби «потерял свою неподкупность», как невинность, неслучайно вызывает у героя ассоциации с адом: «Скоби снова оглядел комнату [...]; а здесь с тех пор ничего не изменилось [...]; все это казалось вечным и неизменным, как наше представление о том, что такое *ад*» [4, 340]. Юсеф, исполняющий роль змея-искусителя, дважды использует любовь-сострадание Скоби к женщинам. Первый раз Скоби занимает деньги на поездку жены и теряет свой титул рыцаря Справедливости.

Второй раз Юсеф использует против Скоби письмо, которое тот пишет Элен. Последствия непоправимы: смерть Али, самоубийство Скоби.

Роль змея-искусителя в «Сути дела» достается Юсефу. В «Идиоте» никто из героев не совпадает с этой ролью полностью, однако отчасти ее берет на себя Лебедев. Характерная деталь его образа – ползучий голос («Я должен заметить, – с лихорадочным нетерпением и каким-то ползучим голосом перебил его Лебедев...» [6, 8, 242]) дает нам основание для такого предположения. Присмотримся к его образу повнимательнее. Лебедев так же, как Юсеф, прекрасно понимает, кто перед ним. Он безошибочно угадывает в Мышкине невиннейшего божьего младенца; Юсеф – в праведнике Скоби «премудрого Соломона» [4, 286]. Характерно сходство их поведения: Лебедев изображает подобострастие. При этом он подслушивает разговоры Мышкина, интригует против него. Преувеличенной заботой окружает Скоби Юсеф. Они предлагают «избранным» героям службу и дружбу. Лебедев князю: «теперь опять ваш, весь ваш, с головы до сердца, *слуга-с...*» [6, 8, 439]). Смердяков Ивану: «я только вашим приспешником был, *служой Личардой верным...*» [6, 15, 59]. Юсеф Скоби: «... в душе всегда *считаю вас другом*» [4, 286]. В какой-то момент Лебедев и Юсеф становятся доверенными лицами Мышкина и Скоби. Только они могут понять, помочь и окончательно погубить своей помощью.

«Вы точно меня себе присвоили», – воскликнет Мышкин в попытке вырваться из атмосферы вечного шепота, крадущихся шагов, суеты подслушивающего Лебедева [6, 8, 198]. Попытка «присвоения» князя Лебедевым происходит не только во внешнем, реальном мире, но и в мире внутреннем. С помощью своего шпионства, шепота и анонимок Лебедев пытается скомпрометировать князя, устраивает ему бесконечные проверки, «ловит» его. «Как бы и тут уловить человека» – мечта Лебедева [6, 8, 259]. Это нечаянно оброненное словечко выводит нас на образ главного беса – Петрушу Верховенского («Бесы»), который так же ловил Ставрогина: «Я вас ловил» [6, 10, 177]. Так открывается бесовское в скромном чиновнике Лебедеве.

Мотив ловушки в интересной интерпретации встречается у Грэма Грина, где о главном герое Скоби сказано: «Он поймал Юсефа в ловушку так же обдуманно и так же ловко, как Юсеф поймал его». И далее: «Брачный союз был заключен с согласия обеих сторон» [4, 341]. Юсеф не просто претендует на роль самого близкого друга Скоби, но и втягивает его в некое подобие любовных отношений: «Вся сцена казалась ему неправдоподобной: она походила на размолвку влюбленных» [4, 343]. Почему так – стоит подумать.

Первый человек вкусил плод с дерева познания добра и зла. Невинные и безгрешные до того Мышкин и Скоби осознают присутствие добра и зла в себе, знакомятся с теневой стороной собственной личности. Тенью Мышкина является не только Рогожин, что очевидно в романе и бросается в глаза с момента их встречи в вагоне (ср. портреты героев), но и «низкий» Лебедев. Тварная природа Лебедева особенно ярко проявляется в его взаимоотношениях с Рогожиным. Будучи тварью (Рогожин о нем: «И какая ты наглая, я тебе скажу, *тварь!* Ну, вот так я и знал, что какая-нибудь вот *этакая тварь* так тот час же и повиснет!» [6, 8, 11]), он повисает почему-то *над* хозяином («Что же касается до чиновника, так тот так и повис *над* Рогожиным» [6, 8, 10]).

Приживальщик пытается втянуть каждого своего нового хозяина в некое подобие любовных отношений: «А я буду плясать. *Жену, детей малых брошу*, а перед тобой буду плясать. Польсти, польсти!»- привязывается он к Рогожину [6, 8, 10]. «Повисшая тварь», по определению Рогожина, незаметно для своего новоизбранного хозяина начинает планировать совместную будущую славу, появляется «мы» и «нас»: «Ну-с, ну-с, теперь запоем у *нас* Настасья Филипповна! – потирая руки, хихикал чиновник, – теперь, сударь, что подвески! <...> Теперь *мы* такие подвески вознаградим...» [6, 8, 13]. Таким образом, активная сторона втягивается в некий садо-мазохистический симбиоз и отдает часть силы своему приживальщику, даже против собственной воли (такой тип межличностных отношений характерен для двойников Верховенского и Ставрогина в «Бесах»). Сначала Лебедев претендует на роль Тени при Рогожине («За ним прошел Лебедев, не отстававший от него, *как тень*» [6, 8, 96]). Затем ему интереснее становится Мышкин.

Тенью Скоби является Юсеф. Тень несет в себе функцию двойника: «Ошибаетесь, майор Скоби, я плохой парень. [...] Моя симпатия к вам – вот единственное, что есть *светлого в моем черном сердце*» [4, 342]. Можно сказать, что симпатия Скоби к Юсефу – это то единственное, что есть черного в сердце Скоби. Отсюда их притяжение и отталкивание. Отсюда их почти любовные взаимоотношения. Интересно, что герои Грэма Грина в их взаимном влечении начинают меняться полами. В сильном мужчине Скоби появляется что-то податливое, женское («*Как женищина*, вышедшая замуж без любви, он остро ощущал в этой комнате, безликой, как номер гостиницы, запах измены» [4, 339]). В последней встрече с Юсефом, которая привела к смерти Али и окончательному грехопадению героя, Скоби, который всегда считал главным мужским

качеством ответственность, впервые поддается искушению переложить ответственность на плечи заботливого другого. «Я о вас позабочусь», – заявляет Юсеф. Скоби отдает ответственность и отдается сам. Вот и он «пойман». В этих странных любовных отношениях Юсеф берет на себя роль активной стороны, и Скоби позволяет это ему в минуту слабости и навсегда теряет себя. Забота влюбленного Юсефа, как поцелуй Иуды, губит героя.

С мотивом искушения связан мотив денег. Деньги – это знак «этого мира». Лебедев проповедует на даче: «Я вас всех вызываю теперь, всех атеистов: чем вы спасете мир и нормальную дорогу ему в чем отыскиали, – вы, люди науки, промышленности, ассоциаций, платы заработной и прочего? Чем? *Кредитом*? Что такое кредит? К чему приведет вас кредит?» [6, 8, 309]. Лебедев, толкующий Апокалипсис и в толковании сем становящийся равным вельможе («Тут же, в толковании сем, я равен вельможе» [6, 8, 168]), лучше других героев понимает, что пришли «последние времена», времена, где есть только один царь-идол – деньги. И в эти «последние времена» Лебедев не растерялся, а очень искусно научился торговать Богом и людьми. Неслучайно князь спрашивает с него отчет о Настасье Филипповне: «Успели вы ее *продать* ему, как в тогдашний раз, или нет?» [6, 8, 166]. Последним этапом грехопадения князя становится подстроенная Лебедевым история кражи генералом Иволгиным кошелек с четырьмястами рублями. Эта ситуация используется героем для того, чтобы заставить князя засомневаться в человеке, предпринять действия по разоблачению вора, что является для Мышкина невозможной миссией. Задуманная интрига удастся Лебедеву. Князь впервые произносит фразу, совершенно нехарактерную для него: «Так, мне *шепнули*» [6, 8, 379]. Вот он и «пойман». Мечта Лебедева достигнута, князь берется «содействовать», что вызывает у Лебедева решительное вдохновение: «Тихими стопами-с, *вместе!*» [6, 8, 377]. «Ничтожный» Лебедев для князя является оружием того мира, в который он так боялся быть «затянутым безвозвратно» («Он почувствовал, что если только останется здесь хоть на несколько дней, то непременно втянется в этот мир безвозвратно, и этот же мир и выпадет ему впредь на долю» [6, 8, 256]).

Тема кредита (займа) денег звучит и в «Сути дела» Грэма Грина. Получая займ от Юсефа, Скоби теряет свою неподкупность [4, 339]. Именно с этого момента начинается его грехопадение.

Принципиальное отличие историй Мышкина и Скоби от истории Адама в том, что они не стали, подобно Адаму, сваливать

всю вину на Еву («И сказал Адам: жена, которую Ты дал мне, она дала мне от дерева, и я ел» – Бытие, Гл. 3:12), а взвалили ее только на себя, в полной уверенности, что женщина такого бремени вынести не сможет. Возможно, это и стало причиной такой «безнадежности» их судеб. Один безвозвратно уходит в болезнь, другой – в самоубийство.

У Грэма Грина, на наш взгляд, все заканчивается еще трагичнее, чем у Ф. М. Достоевского. Скоби словно забывает, зачем приходил в мир Иисус. Он игнорирует идею «спасения», искупления Иисусом первородного греха, греха Адама. Христос у Скоби не спасает и не спасается, он совершает новое грехопадение, он вешается на кресте: «Христа не убили – какой же он Бог, если его можно убить, *Христос сам покончил с собой; он повесился на кресте*, так же как Пембертон на крюке для картины» [4, 377]. Взваливая на себя одного всю ответственность за несправедливость «падшего» мира, идеальный герой Грэма Грина приходит к тому же, к чему приходят своевольники Достоевского – к идее самоубийства. Вспомним, что причиной самоубийства Кириллова в «Бесах» является неверие в идею воскресения Христа. «Слушай большую идею, обращается он к Верховенскому перед самоубийством, – был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли *ни рая, ни воскресения*. Не оправдалось сказанное. <...> А если так, если законы природы не пожалели и Этого, даже чудо свое не пожалели, а заставили и его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и дьяволов водевиль. *Для чего же жить*, отвечай, если ты человек» (6, 10, 471]. Идеологи Достоевского и идеалист Грэм Грин не верят в возможность возвращения в потерянный рай. Для них кровь Иисуса была пролита зря, она не смыла грех с черепа Адама, зарытого под крестом на Голгофе.

Ни один из положительно-прекрасных героев Достоевского не совершает такого бесповоротного превращения, такого окончательного падения, как Скоби. Никто из них, веруя и любя, не убивает себя, разве что загадочная Кроткая из одноименного рассказа, но ее и не назовешь идеальной героиней. Поэтому мы рискуем утверждать, что мир «Сути дела» намного катастрофичнее мира Достоевского. Во всяком случае, у Достоевского никто из своевольников не додумывается до идеи самоубийства Христа. Ведь если принять предположение Скоби, тогда его поступок становится просто архетипическим подражанием действию, совершенному сыном Божиим (не Спасителем, а неудачником), то есть практически получает

оправдание. Цитированные выше мысли Скоби: «Христа не убили – какой же он Бог, если его можно убить» – парадоксальным образом перекликаются с библейской историей искушения Христа. Дьявол ставит Иисуса на крыле храма и говорит: «Если Ты Сын Божий, бросься вниз». И мы, слава Богу, еще помним, что ему ответил Иисус: «Не искушай Господа Бога твоего» (Матф. Гл 4; 5–7).

Потомки древнего Адама снова и снова повторяют его историю. Лучшие произведения мировой литературы снова и снова воспроизводят архетип Грехопадения. Почему? Может быть, здесь срабатывает закон: объяснить суть явления значит рассказать о его происхождении. История грехопадения объясняет людям их природу, суть их взаимоотношений с окружающим миром и Богом. Русская религиозная философия начала XX века пыталась осмыслить эту древнейшую историю, опираясь на идеи Достоевского (статью «Социализм и христианство, рассказ «Сон смешного человека» и др.). Согласно Бердяеву, грехопадение – первый свободный акт человека, а именно свобода делает человека «образом и подобием Божиим». Райский Адам, теряя свою невинность, обретает свободу в выборе добра и зла, чтобы, пройдя через стадию своеволия, вновь свободно прийти к Богу [1, 56–80]. Таким образом, история человечества есть история потери, поиска и обретения рая. В этом смысле грехопадение есть необходимая стадия развития человека и человечества, не только акт отпадения от Бога, но и начало пути к более полной, свободной и осознанной связи с Ним.

Литература

1. Бердяев, Н. А. О русской философии / Н. А. Бердяев. – Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та. – 432 с.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 516 с.
3. Власкин, А. П., Савельев, К. Н. Женские центры внимания в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / А. П. Власкин, К. Н. Савельев // Научные исследования и образовательные практики в XXI веке: состояние и перспективы развития Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. М.: ООО «НОВАЛЕНСО», 2015. – С. 106–107.
4. Грин, Г. Суть дела / перевод Е. Голышевой и Б. Измакова / Г. Грин // Собр. соч.: в 6 тт. Т. 2. – М.: Худ. лит», 1993. – С. 213–459.
5. Генри, П. Творчество Достоевского и Грэма Грина: сходство и противоречия / П. Генри // Толстой или Достоевский? Философско-

эстетические искания в культурах Востока и Запада: Материалы Международной конференции. – СПб.: Наука, 2003. – С. 183–242.

6. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1974.

7. Дудкин, В. В. Протосюжет у Достоевского и Кафки / В. В. Дудкин // Достоевский и современность. Материалы XIX Международных Старорусских чтений 2004 года. – Великий Новгород, 2005. – С. 80–87.

8. Лотман, Ю. М. О русской литературе классического периода. Вводные замечания / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С. 380–393.

9. Мочульский, К. Гоголь. Соловьев. Достоевский / К. Мочульский. – М.: Изд-во «Республика», 1995. – 539 с.

**DOSTOEVSKY AND GRAHAM GREENE:
THE IDEAL CHARACTERS AND THE ARCHETYPE
OF THE FALL FROM GRACE (BASED ON THE NOVELS
“THE IDIOT” AND “THE HEART OF THE MATTER”)**

Y. G. Postnikova

Abstract

The fictional world created by Graham Greene in the novel “The Heart of the Matter” is very close to the world of Dostoyevsky’s novels. What brings together the characters of Dostoyevsky and Graham Greene is their Christian world outlook and philosophy of life: exaggerated sense of responsibility and guilt for the world, infinite compassion for the weak and fallen, discontent in faith. The tragic stories of relations of the main characters with women are focused on the biblical story of the fall from grace.

Key words: Dostoyevsky, Graham Greene, type of an ideal person, the archetype of the fall from grace, the theme of temptation, gender

УДК 398.21
ББК 82.3

Мурадгелди Соегов,
*доктор филологических наук, профессор,
действительный член (академик)
Академии наук Туркменистана,
Национальный институт рукописей АН Туркменистана
msoyegov@gmail.com*

ОБ ИСТОКАХ ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРАЗА СТАРУХ-ЗЛОДЕЕК НА ФОНЕ ИСТОРИИ ТУРКМЕНСКИХ БАХШИ-СКАЗИТЕЛЕЙ

В статье предпринята попытка связать истоки возникновения фольклорных образов старух-злодеек с доисторической эпохой, когда в первобытном обществе происходила замена матриархата на патриархат, и люди при помощи своих жрецов-камов стали демонизировать прежних женских божеств (богинь). Эти образы в последующем перешли в произведения фольклора, в частности в сказки и героические эпосы.

Ключевые слова: амазонки, женские божества, кам-сказитель, демонизировать, бахши-сказитель, эпос, сказка, фольклорный образ

Амазонки, о которых имеются сведения в трудах Геродота (в связи с савроматами) и других античных авторов, очевидно, были женщинами, не принявшими патриархат как таковой и создавшими свои сравнительно долговечные и жизнеспособные общины без участия мужчин. У Геродота, в частности, читаем: «скифы называют амазонок «эорпата», что по-эллински означает «мужеубийцы»; «эор» ведь значит муж, а «пата» – убивать» [3, 214]. Можно без всякого сомнения утверждать, что скифское слово «эор» – это несколько искаженное древними греками тюркское имя существительное «эр» ‘муж’, ‘мужчина’; тем более в современном туркменском языке его начальный гласный звук произносится долго [ээ], то есть «эр» [ээр] ‘в том же значении’. Ср. еще: туркм. «эркек» ‘мужчина’, ‘самец’. Что касается глагола «пата» ‘убивать’, скорее всего, он тоже является тюркским, а именно многозначным глаголом «бат» ‘утонуть’; ‘погружаться’; ‘разориться’; ‘исчезать’, использованным в сакральном значении: туркм. Гүн батды ‘Солнце зашло (село, исчезло)’. Ай батды ‘Луна зашла (села, исчезла)’. Ср.: туркм. гүнбатар ‘запад’. Таким образом, скифское (древнетюркское) название амазонок «эорпата» первоначально

выглядело как «эр [ээр] батды». Не исключено, что второй компонент скифского словосочетания «эор(+)пата» этимологически может быть связан с современным туркменским звукоподражанием «пат», т. е. 'звуком, возникающим при ударе'. После такого попутного, но важного для нашей темы замечания продолжим освещать ниже другие вводные вопросы.

Из существующей справочной литературы узнаем, что патриархат является периодом в первобытнообщинном строе, следующим за матриархатом, характеризующимся господством мужчин в хозяйственных и общественных отношениях. Из этой литературы также явствует, что матриархат представлял собой форму первобытного общества, в которой родовые группы создавались на основе родства по женской линии с господствующим положением в них женщины. В этой связи от себя добавим, что божества для поклонения в матриархате тоже представлялись не богами, а богинями.

Процесс замены матриархата на патриархат происходил постепенно и ускорился по мере возникновения новых, отличных от прежних условий в том далеком обществе, а остатки первого сохранялись во втором долго, некоторые из них, можно предположить, дошли и до наших дней в обществах африканских туземцев, а также в новом качестве возобновились в западных обществах.

Пережитки матриархата с началом перехода к полному господству патриархата стали препятствием для дальнейшего прогресса в тогдашнем общественном развитии. В последующем камы-сказители в своих заклинаниях создавали образы старух-злодеек, описывая их злодеяния, которые они совершали против богатырей-мужчин – героев, создаваемых самими же сказителями новых мифов (эпосов) на основе реальных событий, происходивших уже в период патриархата.

Некоторые замечания о камах и заменивших их в последующем у туркмен-бахши. Согласно древнему поверью, камы у современных алтайцев, тувинцев и некоторых других народов служат проводниками между миром живых и миром мертвых, а также между миром людей и миром природы. От тюркского слова «кам» происходит русскоязычное название основного обряда (камлание), во время которого кам общается с духами. Из этого следует, что наряду именем «кам» существовал производный от него глагол «камла» (кам+ла-), ибо камлание – это обрядовое действие кама, которое осмысливается как путешествие по мирам Вселенной [см.: 1].

По нашему мнению, в отличие от нетюркского термина «шаман», придуманного западными учеными и используемого в исследованиях по шаманизму, термин «кам» является по своей

сущности термином древнего тенгризма (тенгрианства) – первичной религии народов Евразии [см.: 7]. Шаманизм возник в пределах тенгризма как его внутренняя разновидность, занимающаяся врачеванием с использованием основных законов и категорий этой религии. Со временем шаманизм стал занимать ведущее положение в жизни ряда народов, особенно у тех, которые в отдельные периоды своей истории по тем или иным причинам (климатическим, гигиеническим и т. п.) подвергались в повседневной жизни опасности заболеть разными болезнями, в том числе психическими.

Первая достоверная письменная регистрация термина «кам» в указанном выше смысле относится к XI в. и принадлежит Махмуду Кашгарскому. Ученый-энциклопедист пишет о камах в четырех местах своего толкового словаря. Вот одно из них: ‘Кам ырклады’ [10, 443]. ‘Кам исполнял религиозный обряд’. В современном туркменском языке от глагольной основы ыр- (ыр+к+ла+ды) ‘уговаривать на что-либо’, ‘склонять кого-либо на свою сторону’ образовался при помощи аффикса -ым термин «ырым» ‘предзнаменование’, ‘суеверие’. Поэтому древнетюркский памятник манихейского содержания «Ырк битиг» (предположительно IX или X век) переводятся на русский язык как «Книга гаданий» или «Книга предзнаменований» [см.: 6, 195–198]. Когда мы работали над древнетюркскими текстами доисламского периода и перевели эту «Книгу» на современный туркменский язык, ее название передали в виде «Ырымлар китабы» («Книга предзнаменований»).

Небезынтересно будет узнать, что термин «кам» встречается в своем основном значении в стихах великого туркменского поэта-классика Махтумкули Фраги, который жил в XVIII в. и был крупным мусульманским мыслителем. Тем не менее лирический герой поэта-мыслителя ищет утешения для преодоления своих духовных потрясений и недугов именно у кама: ‘Жам-у мей сундугын гөрмесин аяр, / Гелменем аклыма гөрмейин камым’ [9, 40]. ‘Пусть не увидят недруги, как мне наливает (он, т.е. кам) бокал вина (разумения) / Не разумею, пока не увижу кама своего’. Или другой пример из того же сборника стихов: ‘Ики камы тутмагыл, бир яна назар эйле’. ‘Не держись за двумя камами, смотри только в одну сторону (т. е. выбери одного из них)’ <Дословный перевод наш – М. С.>.

Рис. 1. Группа бойцов отряда туркменской милиции на отдыхе после обеда. Среди них боец-бахши (первый справа) с музыкальным инструментом «дутар» в руках. Сидящие в центре курят чилим-кальян, а другие пьют зеленый чай (фоторафия конца XIX века)

Замена в туркменском языке древнего слова «кам» современным термином «бахши» (багшы) происходила, скорее всего, еще до сочинения Махтумкули Фраги, строки из которого мы цитировали. В настоящее время бахши-сказители называются в народе «дессанчы багшы» (от слова «дестан/дастан»), которые рассказывают народные эпические произведения и одновременно исполняют в сопровождении музыки своего дутара (национальный двухструнный инструмент) песни на слова, присутствующие в устном тексте этих произведений. Данное направление искусства бахши получило особенно большое развитие у туркмен-ёмудов и туркмен-човдулов, которые проживают в нынешнем Дашогузском вилайете.

Туркменские бахши, как и древние камы, при исполнении своих песен и рассказов оказывали сильное воздействие на слушателей. Об этом писал венгерский ученый, академик А. Вамбери, путешествовавший по туркменской земле в 1862 г.: «В Этреке кибитка одного из таких трубадуров (т. е. бахши. – М. С.) стояла рядом с нашей, и когда он приходил к нам со своим инструментом, вокруг него вскоре собирались молодые люди, и он пел им героические песни. Его песни состояли из сиплых гортанных звуков, которые мы сочли бы скорее хрипом, чем пением. Он сопровождал их ударами по струнам, сначала тихими, а затем, по мере того как он воодушевлялся, все более

неистовыми. Чем горячее становилась битва, тем более нарастало возбуждение певца и воодушевление молодых слушателей; зрелище в самом деле было романтическое. Юные кочевники, испуская тяжелые стоны, бросали шапки на землю и с неподдельным бешенством хватали себя за волосы, словно хотели сразиться сами с собою. И пусть это не покажется нам странным. Воспитание, получаемое молодым туркменом, как раз на то и направлено, чтобы создать у него подобное настроение» [2, 152].

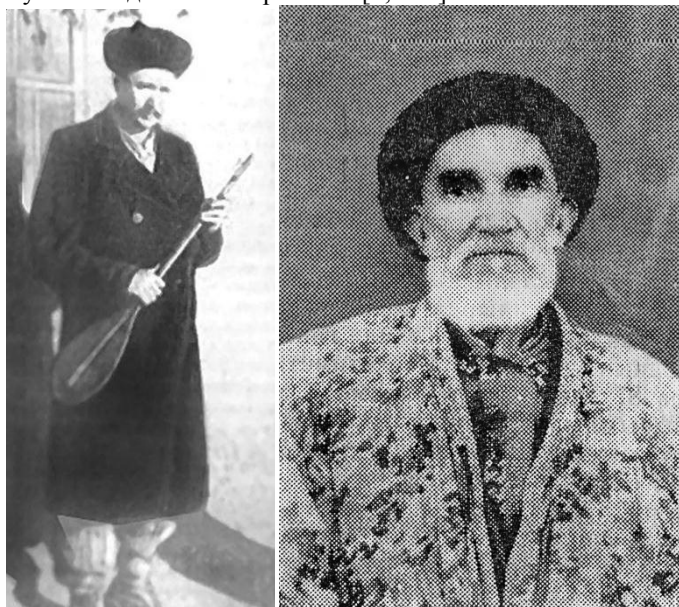

Рис. 2, 3. Пальван-бахши (1890–1938) (слева), со слов которого в 1937 году было записано 12 дестанов «Гёр-оглы», и Овлякули-бахши Гоч-оглы (1872 (?)–1970) (справа) – певец-исполнитель того же эпоса в национальном костюме (пагталы дон и пындылыяк курте) и папахетельпек, характерном для туркмен-эрсаринцев

Как отмечает специалист по истории туркменской музыки, профессор Ш. Гуллыев, большая заслуга в становлении и развитии ёмутского стиля бахши принадлежит семейной школе ходжинских бахши. У ее истоков стоял Ходжа-бахши, прославившийся во второй половине XVIII в. как исполнитель эпоса «Гёр-оглы». Традиции этого мастера в XIX и начале XX в. продолжили его потомки: Гоч-бахши (сын), Атаназар-бахши (внук), Ата-бахши (правнук), каждый из которых знал и исполнял около сорока дестанов из «Гёр-оглы» и ряд других дестанов [5]. Самостоятельный стиль выработался у бахши туркмен

(Назар-бахши Хаджимурзаев и др.) Ставропольского края Российской Федерации, которые, кроме народных песен, исполняли еще дестан о национальном поэте-классике Махтумкули (XVIII век).

Рис. 4. Чувал-бахши (Махтумкули Карлиев, 1881–1957) – певец-исполнитель эпоса «Гёр-оглы» (второй слева) в черной национальной папахе «силкме тельпек». В руках держит дутар – двухструнный музыкальный инструмент

Наряду с дессанчы-бахши (‘певец-сказитель’) в XVIII–XIX столетиях среди туркмен широкую популярность получили тирмечи бахши (певец-музыкант), которые исполняли только песни на слова из эпоса о Гёр-оглы и других дестанов, а также на стихи туркменских поэтов-классиков, при этом опуская всю прозаическую часть дестанов.

Со слов Пальван-бахши (1890–1938), сына упомянутого выше Ата-бахши, была осуществлена в 1937 г. запись научным сотрудником тогдашнего Института языка и литературы Ата Чеповым (Чапау) 12 дестанов эпоса «Гёр-оглы», тексты которых с переводом на русский язык усилиями одного из наставников автора настоящих строк в студенческие годы, академика Баймухамеда Аталиевича Каррыева, были изданы отдельной книгой в 1983 г. в знаменитой серии «Эпос народов СССР» (к сожалению, подготовленная к изданию книга вышла уже после смерти уважаемого академика, настигшей его в 1981 году). В дальнейшем при раскрытии основной темы статьи мы будем обращаться к этой книге [4], хотя стоит упомянуть, что неоднократно были изданы в оригинале и другие тексты (в том числе восьмитомное издание в Турции) эпоса «Гёр-оглы», записанные со слов туркменских

бахши-сказителей разных стилей и направлений. В настоящее время эти записи наряду с другими многочисленными и ценными манускриптами бережно хранятся в фондах Национального института рукописей, который является одним из структурных подразделений в системе Академии наук Туркменистана.

В древности при исполнении религиозных обрядов (заклинаний) камы выражали благодарность (алкыш) Богу (Тенгри) и осыпали проклятиями (гаргыш) демонов (ек йигренмек, ек гөрмек). В начальном периоде патриархата камы в образе демонов (ведьм, вампиров и т. п.) представляли бывших опытных и пожилых женщин, руководивших общинами людей, а также бывших богинь (ювха) матриархата. В последующем женские образы из демонологии превратили в образы коварных старух-злодеек (которые, как сами камы-сказители, владели еще и заклинаниями). В этом качестве они вошли в отдельные дестаны эпоса «Гёр-оглы». Так, например, в дестане «Кемпир» («Старуха») читаем (цитируем с выдержками):

«Был в Нишапуре падишах Балы-бек. Созвал он как-то своих приближенных и держал совет. / – Дайте совет, игиды, как быть. Этот ослиный вор, зангар, разбойник тревожит страну!..

У падишаха был старый везир. Призвал он его и спросил совета...

– Какой же твой совет, везир? / – Я дам такой совет, тагсир: говорят, что есть у него конь Гыр-ат, призванный Меджнун-Дяли. Вот и говорят, что стал он знаменитым лишь из-за коня... / – Но как же завладеем мы Гыр-атом, везир?..

В этой крепости жили двое – муж и жена; было им по сто восемьдесят лет. Старика звали дед Ленгер, а жену его – Шахмама-и-Зулман. Называли ее также Хирс-Биби... Отправилась она к падишаху. Приветствовала его и встала, почтительно сложив руки на груди...

– Никто из смертных конем не завладеет, тагсир! Сможет привести его только такая старуха, как я, – искусная в хитростях и заклинаниях. Старуху эту знали все. Везиры тут же подтвердили: «Тагсир, коль суждено смертному привести коня, то это сделает старуха. Нет равного ей в хитрости и заклинаниях, тагсир! Она слышит даже, как шуршит змея под землей».

После этого присоединилась она к каравану, идущему в Гурджистан, и пустилась в путь... Услыхала старуха имя Гёр-оглы из Чандыбия и стала придерживать осла, отставать начала от каравана. Оторвалась от них... сошла с осла, сняла платье и стала ползти задом по земле...

Гёр-оглы и сам поехал проверить караванный путь. Заметив след большого каравана, он поехал, преследуя караван. Недолго ехал

он, как вдруг увидел, что в сторону свернули следы осла. А рядом с этим следом были еще какие-то странные следы. Двинулся он по этим следам. То поднимался в гору, то спускался вниз. Поднялся он на холм и видит: стоит осел, а около него старуха лежит.

Рот у старухи словно очаг, зубы – лопаты, жилы на шее, как каркас кибитки, вся она в складках и морщинах, словно старый кузнечный мех.

– Эй, милая бабушка! Что ты тут делаешь? / – Ехала я в одну страну вместе с караваном, сынок, да не выдюжила, отстала я от каравана, они и бросили меня... Умру я скоро, Похорони меня, сынок, брось одну-две лопаты пуску! / – Эй, милая бабушка! Умереть мы тебе не дадим. Садись-ка на своего осла, я отвезу тебя в крепость» [4, 639–641].

Старуха продолжает притворяться, сказав, что она не в силах даже сесть на своего осла, тогда Гёр-оглы, посадив ее на своего коня Гыр-ат позади себя, привозит в родную крепость Чандыбиль. Несмотря на предупреждения и возражения своей жены-пери Ага-Юнус, которая сразу распознала в старухе неладное, Гёр-оглы оставляет ее жить в соседстве со своими игидами (т. е. йигитами – ‘молодцами’). Спустя несколько дней после этого, старуха тайком начинает приближаться к Гыр-ату, кормить его. Прошло три месяца, и Гыр-ат привык к старухе как к хозяйке. Дальше начинается повествование, как старуха угоняет Гыр-ата:

«Как-то занемог Гёр-оглы, а с ними и игиды его. Болезнь не прошла и в три и в четыре дня. / – Эй, игиды! Позовите ту старуху. Сдается, что разбирается она в знахарстве...

Оказывается, отправляясь в путь, старуху запаслась склянкой сонного зелья и спрятала ее в своей одежде. Этого-то зелья полпиалы налила она и подала Гёр-оглы, потом Овезу и сорока игидам во главе с апар-Косе. Глотнув зелья, каждый валился без чувств. И вот все уже лежали на полу. Тогда подошла старуха к Ага-Юнус... Поверила Ага-Юнус, выпила зелья и лишилась чувств. Без боязни сняла она с Ага-Юнус золотой султан и нацепила себе на голову, надела на Гыр-ата золоченую сбрую, оседлала его, села на него верхом и подъехала к мейхане. / – Эй, Гёр-оглы! Как говорят: «Взял одно – отдай другое, кто не даст, тому позор» – оставляю тебе осла за коня! – сказала она и направила коня в Нишапур.

О ком теперь рассказ? – О Гёр-оглы. Сонное зелье старухи действовало три дня, Три дня пролежал Гёр-оглы, на четвертый день в чувство пришел. Чай попил, кальян покурил, [приказал]: / – Эй, Мятел! Приведи Гыр-ата. Поедем на охоту, за дичью. Полегче голове.

Прибежал Мятел в конюшню – нет Гыр-ата. Побежал он обратно.

– Ой, Гёр-оглы, Гыр-ата нет. /– А сбруи? /– И сбруи нет.

Как сказал Мятел, что сбруи нет, вспомнил Гёр-оглы предупреждение Ага-юнуса. Непокойно ему стало. / – Поищи, на месте ли старуха.

Пришел тот в коморку старухи, а той и след простыл» [4, 642–643].

Остальная часть дестана «Кемпир» («Старуха») посвящена тому, как Гёр-оглы возвращает своего угнанного старухой коня Гыр-ат из Нишапура домой. В другом дестане под названием «Безирген» содержится рассказ о событиях, связанных с другой старухой-злодейкой:

«Коли описывать старуху, так вот: на спине горб, шея короткая, колени выше ушей торчат – противная рожа, страшилище, нечестивица. Было бы зло, о добре она и не поминала. Звали ее старуха Зейнель. Прискакал Гёр-оглы к ее обиталищу. Привязал коня, поздоровался и вошел в её шалаш. Обменялись они приветствиями. / – Эй, сынок, счастливого пути! / – Даст Бог, да будет он таков! / – Откуда едешь? / – От Безиргена еду. / – Что за дело было у тебя с Безиргеном, сынок? / – Получил я с него пятьсот туманов золотых, побратался с ним.

Как только он сказал об этом, старуха начала щипать себя: / – Сынок, скажи лучше, что закатилось твое счастье, загублено дело твое, погибла твоя страна. / – Что случилось, матушка? / – Коли не одолеешь, сынок, не успокоишься! – сказала та. Взяла свой дутар, сделанный из восемнадцати прялок, положила дутар на старую свою грудь и обратилась к Гёр-оглы [с песней]:

Ненадежно слово нечестных людей, / Придет, страну твою разрушит Безирген. / Слову его доверять нельзя. / Придет, страну твою разрушит Безирген.

В один из дней явился он, / За глаза влюбилась [в него] пери твоя. / Не отпускай его в Гурджистан. Придет, / страну твою разрушит Безирген.

Догоняй его на хрипящем коне, / Судьбу-долю свою затем испытай, / Убей самого, а добро его заberi. / Придет, страну твою разрушит Безирген.

Старухой Зейнель величают меня, / Пусть не достигнет нечестливец радости сердца. / Пусть достигнет [цели] стрела, пусть завопит о пощаде он. / Придет и пери твою заберет Безирген» [4, 754–755].

Гёр-оглы поверил этим словам старухи-злодейки и, догнав Безиргена на полпути к родине, коварно убил его, хотя затем одумался, пожалел о содеянном, похоронил Безиргена, торговца-купца из Гурджистана (Грузии), с почестями, как родного брата; соорудил

над его могилой купол и оказал помощь младшей сестре Безиргена Айсолтан, уничтожив ее врага Кара-хана [см.: 8].

Девушка-воительница, неистовая Харман-Дяли в одноименном дестане из этой серии с целью соревнования с Гёр-оглы отправляет за ним с приглашением старуху-волшебницу, которая выбирает для себя в далекий путь коня-турпара:

«Старуха пришла в табун, прочла заклинание и осмотрелась. Видит: тулпар ходит. Прочла молитву «исми-агзам», [шепотку] земли кинула – тулпар к ней и прибежал, Села она на тулпар и предстала перед Харман-Дяли. Как следует оседлала она коня, сама принарядилась, легкое покрывало покинула на лицо и поскакала по направлению к Чандибиллю, Тулпара ведь сами знаете: путь в пять-шесть месяцев он преодолевает за пять-шесть дней. Ехала [старуха] и подъехала к Чардыбилю» [4, 700].

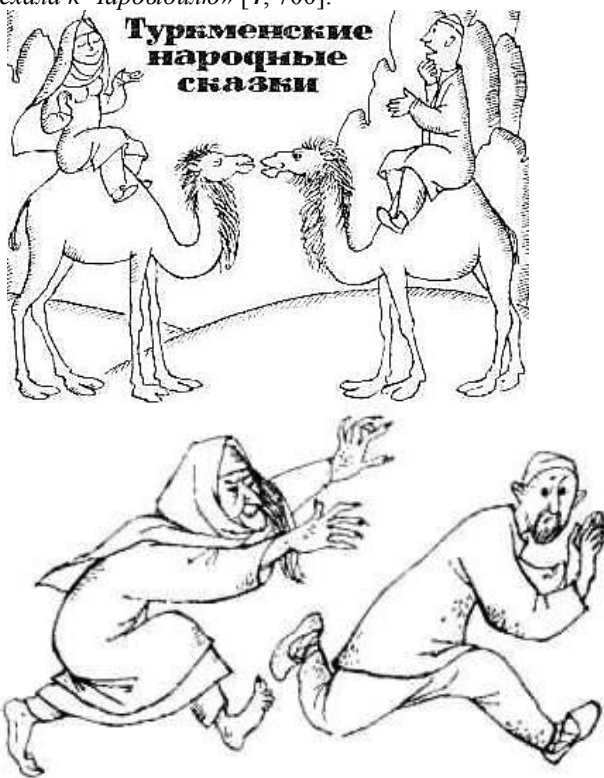

Рис. 5, 6. Иллюстрации из сборника сказок «Проданный сон»

Сказитель Пальван-бахши не сгущал краски в отношении этой старухи, хотя в вариантах других сказителей-бахши из Дашогуского вилайета она выглядит ужасной.

В противовес злым старухам в эпосе о Гёр-оглы созданы положительные образы стариков-мужчин: в этом плане показательным является идеальный образ Джигали-бека – деда самого Гёр-оглы, а также эпизодические образы пожилых мужчин, услугами которых пользуется главный герой эпоса при совершении разных достойных его поступков*.

В образной системе туркменских волшебных (фантастических) сказок присутствует персонаж Ялмавуз-кемпир (Старуха-ненасытная), имя которой образовано от глагола «ялма» ‘жрать все подряд’, ‘глотать все, что попадает’. Она сравнима с Ювдарха (от глагола «ювут» ‘глотать’) – другим туркменским фольклорным персонажем этого порядка. Образ Ялмавуз-кемпир аналогичен образам Жалмауыз-кемпир в казахском и Желмогуз-кемпир в киргизском фольклоре. Это демоническое существо является промежуточным звеном при переходе от более древних образов к образам старух-злодеек в эпосе «Гёр-оглы».

Доказано, что великий русский поэт А. С. Пушкин при создании своих произведений-сказок использовал сюжеты сказок, рассказанных ему в детстве его няней Ариной Родионовной. Она в свою очередь эти сказки услышала когда-то от своих соседей-татар. Следовательно, известная пушкинская старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке» имеет общие корни с образами, охарактеризованными нами в данной статье. По нашему мнению, это утверждение можно отнести и к этимологии образа Бабы-Яги из русского фольклора.

*** ПРИМЕЧАНИЕ:**

Некоторые положения из этой статьи были ранее изложены в докладе автора по теме «Превосходный национальный героический эпос и его международное распространение», с которым он выступил на пленарном заседании Международной научной конференции «Роль и значение эпоса «Гёр-оглы» в мировой культуре», проходившей 2–4 ноября 2016 года в Ашхабаде (Туркменистан) и приуроченной к годовщине принятия в 2015 году решения Комитета ЮНЕСКО о включении эпоса «Гёр-оглы» в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. На торжественном заседании, посвященном открытию конференции, наряду с автором настоящих строк со своими докладами также выступили Эстер Куиш Ларош (Esther Kuisch Laroche) – директор

и представитель кластерного офиса ЮНЕСКО в Тегеране (Иран), Тариель Мамедов (Азербайджан), Анна Кафрез (Бельгия) и Терада Ёшитака (Япония).

Литература

1. Анохин, А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии / А. В. Анохин (Представлено в заседании Ист.-филол. отд. Акад. наук 16 янв. 1913 г.). С предисл. С. Е. Малова / А. Н. Анохин. – Л.: Рос. акад. наук, 1924. – [4]+VIII+248+IV с. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994.
2. Вамбери, А. Путешествие по Средней Азии [Электронный ресурс] / А. Вамбери. – М.: «Восточная литература». 2003. – 193 с. – Режим доступа: <http://www.islam-portal.ru/e-store/books/97/396/>
3. Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского / Геродот. – Л.: Наука, 1972. – 561 с.
4. Гёр-оглы. Туркменский героический эпос. Сост. тома, автор исследования, комментарии и пояснительного словаря Б. А. Каррыев. Перевод Б. А. Каррыева при участии Е. А. Поцелуевского. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. – 805 с.
5. Гуллыев, Ш. Туркменская музыка (наследие). Автореферат докторской диссертации по искусствоведению, специальность ВАК РФ 17.00.02. [Электронный ресурс] / Ш. Гуллыев. – Ташкент, 1998. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/turkmenskaya-muzyka-nasledie#ixzz4Hvet7UEN>
6. Кляшторный, С. Г. Манихейский мотив в древнетюркской «Книге предзнаменований» / С. Г. Кляшторный // Тюркологический сборник 2005. Тюркские народы России и Великой степи. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. – С. 195–198.
7. Соегов, М. Древний тенгризм: исчез навсегда или продолжает свое существование в виде «народного ислама» и в других формах [Электронный ресурс] / М. Соегов // Материалы заочных участников конференции II Международной очно-заочной научно-практической конференции «Религиоведческое измерение современности: философия и социология религии» (2–3 июня 2016 г.). – Саратов, 2016. – Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/.../eid3579_attach_3ba225a0d3d2025058c5e87c247767416f4f010c.pdf
8. Соегов, М. Образы грузина Безиргена и его сестры Айсолтан в туркменском эпосе «Гёр-оглы»: обострение чувства вины у главного

героя [Электронный ресурс] / М. Соегов // Международный научный симпозиум «Фольклор и лингвокультурология народов Кавказа». – Тбилиси, 18–21 апреля 2012 года. – Режим доступа: https://www.tsu.edu.ge/data/file_db/news/azerb2.pdf

9. Магтымгулы. Шыгырлар. Үч томлук. I том. – Ашгабат: «Түркменистан» неширяты, 1992. – 320 с.

10. Divanü Lügat-it-Türk. III cilt. Çeviren Besim Atalay. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1986. – 452 s.

**ABOUT SOURCES OF THE FOLKLORE IMAGE
OF OLD WOMEN-VILLAINS AGAINST THE BACKGROUND OF
THE HISTORY OF TURKMEN BAHSHI-STORYTELLERS**

Muradgeldi Soyegov

Abstract

The article attempts to connect the sources of appearance of the folklore images of Old Women-Villains with a prehistoric epoch, when a replacement of matriarchy by patriarchy took place in a primitive society, and people began to demonize former female deities (goddesses) with the help of their priests. Subsequently these images passed into folklore, in particular, fairy tales and heroic eposes.

Key words: Amazons, female deities, the Kam-Storyteller, demonize, the Bahshi-Storyteller, the epos, a fairy tale, a folklore image

**ББК 83.3(2Рос=Рус)
УДК 82.091**

В. В. Шадурский,
*кандидат филологических наук, доцент,
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
shadvlad@mail.ru*

ПОЛЬСКИЕ ПАТРИОТЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ МАРКА АЛДАНОВА

Статья анализирует два очерка Марка Алданова и фрагменты его романа, раскрывающие польскую освободительную тему. Доказывается серьезность, глубина выводов литературной работы Марка Алданова в раскрытии темы польского патриотизма. Определены способы раскрытия исторических деятелей Чарторыйского и Пилсудского в очерках «Адам Чарторыйский в России», «Пилсудский». Дана характеристика польскому патриоту – персонажу романа «Повесть о смерти».

Ключевые слова: Алданов, Чарторыйский, Пилсудский

У большинства российских литературоведов сложился стереотип: М. А. Алданов – это автор исторических романов и обычный беллетрист. И лишь меньшинство, защищая диссертации и публикуя небольшие работы об Алданове, думает иначе, видя в нем уж если не писателя первой величины, то весьма серьезного автора, повлиявшего на литературный процесс эмиграции первой волны.

Алданов писал много и о многом на разные темы. В нем проявился политик, исследователь, публицист, очеркист. Это странный автор, который словно бы зачарован великодержавностью Российской Империи, но при этом любит рассуждать о выдающихся личностях зарубежных государств. Его интерес к ярким политическим событиям и политическим фигурам стоил эмиграции из России, затем эмиграции из Франции, а потом и долгому книжному возвращению на родину. В спектре тем высоко эрудированного автора оказались персонажи истории Германии, Англии, США, Индии, Франции, Италии, Польши, России и СССР.

Не нужно быть особенным знатоком литературы, чтобы задаться вопросом: выбирая предметы для своих сочинений, не конъюнктурными ли соображениями руководствовался самый

читаемый писатель русского зарубежья? Да и вообще можно ли при таком разнообразном внимании к событиям разных стран быть глубоким и полезным автором? Вдруг и на польскую тему Алданов писал случайно? Случайно, а значит – неосновательно, несерьезно?

Ответы на эти вопросы и должны прояснить смысловую ценность текстов Марка Алданова. Итак, Алданов, находясь в эмиграции в 1920–1930-е годы, создает несколько произведений, в том числе о польских деятелях, которые, при всей сложности жизненного пути, посвятили себя служению Польше и прославились как герои-патриоты. Отметим, это патриоты, с которыми пришлось воевать России. Странно, что многие страницы Алданова посвящены Польше, ее лидерам, определившим многое в политике поляков и судьбе большой страны, но исследований, которые бы отметили эти алдановские характеристики, нами не обнаружено. Так, даже известные исследования польских филологов посвящены не аспекту Польши в содержании произведений Алданова, а вполне традиционно-исторической теме, историософии, теме случая и изображению исторических лиц¹. Мы останавливаемся на этих алдановских текстах и, в частности, на представленной Алдановым характеристике двух легендарных личностей – Адама Чарторыйского и Юзефа Пилсудского. Но также не можем не говорить и о третьей фигуре – Яне Виере, еще одном польском патриоте, правда, существующем только на страницах алдановского романа.

Чтобы охарактеризовать весь сюжет с польскими патриотами в творчестве Алданова, потребуется отступить от хронологии публикаций. Так, очерк «Пилсудский» был впервые опубликован в парижской газете «Последние новости» в 1929 г. еще при жизни великого маршала, впоследствии этот текст вошел во второй том книги Алданова «Портреты» (Берлин, 1931). Многостраничный очерк «Адам Чарторыйский в России» впервые публиковался только в 1935 г. в рижской газете «Сегодня», следующая его публикация состоялась во

¹ Грабиньска Гизела. Пьер Ламор как образ вечного Жида в тетралогии Марка Алданова «Мыслитель» // Studia Rosika. 2001. № 12. С. 53–65; Грабиньска Гизела. Его величество случай. О романе Марка Алданова Девятое Термидора // Przegląd. 2004. № 2 (106). С. 93–105; Грабиньска Гизела. Русские путешественники Николая Карамзина и Марка Алданова // Rosja Literacka. От Карамзина до Солженицына. Институт Русистики Варшавского университета. 2004. С. 61–74; Калита Лилиана. Незаурядные люди и их необычные судьбы в Портретах Марка Алданова / Ročenka katedry slavistiky na Filozofické fakultě Univerzity Palackého // Rossica Olomucensia. XLIV. (Za Rok 2005). 2 část. Olomouc, 2006. С. 391–396.

втором томе алдановской книги «Портреты» (Париж, 1936). Заметим, что образ польского князя появляется и в художественном тексте Алданова – в романе «Повесть о смерти», который публиковался в 1952–1953 гг.

Портрет Адама Чарторыйского, или Чарторыского (как напечатано в эмигрантских изданиях 1930-х годов), Алдановым создан позднее портрета Пилсудского, но по хронологии исторических событий нам интереснее сначала остановиться на облике и истории князя.

А. А. Чернышев, делясь своими наблюдениями над текстами Алданова, замечает, что «Адам Чарторыйский в России» и «Ольга Жеребцова» «начинаются с цитат из классических литературных произведений, а дальше подлинные события разворачиваются перед читателем, как сюжет авантюрного романа» [7, 78]. Хотя очерки написаны в разное время (история о знаменитой сестре Платона Зубова, красавице-авантюристке Ольге, была опубликована еще в 1926 г. в парижских «Днях»), пафос и функции вступительных эпизодов, а это цитаты из А. И. Герцена и Л. Н. Толстого, сходные. Цитаты несут значение эпиграфов к своеобразным рассказам; настроение, которое они передают читателю, – тоже общее. Повествователь «Былого и дум» оставляет двойственное впечатление, сообщая нелюбовь к важным персонам и уважение к их независимости, воли и уму. В «Адаме...» цитата из «Войны и мира» тоже играет двойственную роль: «Князь Андрей Болконский накануне Аустерлицкого сражения входит с Борисом Друбецким в Ольмюцкий дворец, где остановились императоры. Навстречу им из кабинета Александра I идет “невысокий человек в штатском платье, с умным лицом и резкой чертой выставленной вперед челюсти, которая, не портя его, придавала особенную живость и изворотливость выражению”. Этот человек пристально-холодным взглядом стал вглядываться в князя Андрея, идя прямо на него и, видимо, ожидая, чтобы князь Андрей поклонился ему или дал дорогу. Князь Андрей не сделал ни того, ни другого; в лице его выразилась злоба, и молодой человек, отвернувшись, прошел стороной коридора.

– Кто это? – спросил Борис.

– Это один из самых замечательнейших людей, но неприятнейших мне людей. Это министр иностранных дел, князь Адам Чарторыйский...

На первый взгляд, непонятно, зачем понадобилась Толстому эта сцена. Больше Чарторыйский у него не появляется нигде, ни разу. Между тем в художественных страницах «Войны и мира» лишнего нет

ничего. Сцена в самом деле была характерна и в психологическом, и в историческом смысле» [I, 53].

И все же в чем двойственность увиденного Болконским вельможи? И двойственность этого образа в очерке Алданова?

Алданов дает небольшой экскурс в историю и генеалогию: фамилия Чарторыйских «долго стояла за Россию и вела из-за этого борьбу с Потоцкими, которые ориентировались на Францию» [I, 54], «но таковы были исторические судьбы Польши, что из главных вождей русской партии Чарторыские превратились в злейших врагов России. Князь Адам уже был воспитан в чувствах жгучей ненависти ко всему русскому» [I, 54]. Алданов для включения в повествование самого князя Адама цитирует его воспоминания, довольно искренние и резкие. Чем же его слова могут быть интересны? Тем, что они вырастают как на признаниях Чарторыйского, на слухах современников, так и на свидетельствах, воспоминаниях, оставленных российскими государственными деятелями и опубликованными в журналах «Исторический вестник», «Русская старина». Алданов пытается найти причины, мотивацию некоторых поступков князя Адама. И даже во всем известной догадке о русском следе в происхождении Чарторыйского (якобы прижитого его матерью от князя Н. В. Репнина) обнаруживает огромное «психологическое значение» [I, 56]. Вместе с тем исторические повороты и, в частности, война с Россией, заставили юного Адама сформировать мировоззрение, которое, по мнению Алданова, с годами не изменилось: он стал сторонником короля Станислава и пламенным патриотом. Чарторыйские потеряли большинство своих земель после третьего раздела Польши. Появилось за что ненавидеть Россию. Однако Алданов, анализируя факты, допускает мысль, что князь мечтал не столько о реванше, сколько о власти: о своей кандидатуре на польский престол. Случай выручил его и подарил надежду, ведь вынужденная поездка примирившегося в Россию к императрице Екатерине обернулась головокружительной карьерой. Алданов иронизирует, говоря об открытии, сделанном юным князем, что русские такие же люди, как и все прочие. Он отмечает обстоятельства пути юного баловня судьбы: среди ее главных подарков – не титулы, звания и поместья, действительно посыпавшиеся на голову Адама, а знакомство с великим князем Александром Павловичем. Известно, что великий князь в то время очень увлекался либеральными идеями. Это знакомство, переросшее в дружбу, сделало Чарторыйского на несколько лет самым влиятельным человеком в России, более того в 1804–1806 гг. он станет даже министром иностранных дел. Удивлению многих русских аристократов не было предела, что еще вчера сражавшийся с русскими войсками польский князь возглавил иностранное ведомство вражеского

государства. И вот как раз для воссоздания психологической атмосферы Алданову приговорадается та сцена Толстого, она и становится началом повествования: «у Толстого очень верно подчеркиваются оба настроения: и политическое недоверие, и личное нерасположение к Чарторыйскому <...> русской знати того времени» [I, 69].

Мнение же русского князя – словно лакмусовая бумажка, определяющая истинную ценность и среды, и конкретной личности. Читатель должен стать настороже от такого сочетания: пусть Чарторыйский замечательный человек, но его не любит Андрей Болконский, – а значит, здесь есть место лицемерию и притворству, неочевидной фальши. Цитируя классиков, Алданов часто в разных произведениях использует единый литературный прием ввода исторических персонажей, после которого сюжет окунается в приготовленную атмосферу двойственности и недоверия.

Интересно и то, какие именно черты внешности, в поведении Чарторыйского изображает Алданов: по словам графини В. Н. Головиной, Чарторыйский «был замкнут и молчалив, он выделялся своим серьезным лицом и выразительными глазами. Это был человек, способный возбудить страсть». Такую же черту он впоследствии передаст своему вымышленному персонажу «Повести о смерти» – Яну Виеру, ревностному патриоту Польши, мечтающему о славе.

Удивительно и то, что в этом очерке Алданов сделал выводы, которые до сих пор цитируют историки: «В первые 25 и последние 30 лет своей жизни Чарторыйский считался (и в значительной мере был) заклятым врагом России и всего русского», но «на посту русского министра иностранных дел он с полной искренностью служил России, – но служил ей только потому, что в ту пору считал ее интересы совпадающими с интересами Польши» [I, 69]. Чарторыйский, по собственному его признанию, имел основной целью создание наиболее благоприятных условий для восстановления независимости Польши в тех границах, которые она имела до первого раздела, «под главенством Русского Государя, носящего титул польского короля и в династической только унии с Россией». Эту цель он и положил в основу своей внешнеполитической стратегии. Стремясь привлечь к себе националистические польские круги, Александр I не отверг проекта Чарторыйского. Однако сближение России с Пруссией доказало Чарторыйскому нереальность его планов. В июне 1806 он вышел в отставку. Однако когда в 1812, когда покорный Наполеону I сейм Варшавского герцогства под председательством отца Чарторыйского призвал всех поляков к борьбе против России,

Чарторыйский отказался примкнуть к антирусскому лагерю. Впоследствии стал лидером кругов, выступавших за присоединение к Царству Польскому Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Восстание в Польше в 1830 году вновь выдвинуло Чарторыйского: он занял пост президента Сената, национального правительства, о нем даже стали говорить как о будущем короле Польши. Тщетность попыток Чарторыйского добиться поддержки восстания Западной Европой и возмущение граждан политикой правительства привели к его отставке, а подавление восстания вынудило его эмигрировать. За участие в восстании Чарторыйский исключен из службы, лишён княжеского титула и дворянства Российской Империи. Но, поселившись в Париже, всю свою долгую жизнь, до 92-го года занимался политикой, возглавляя аристократический лагерь польской эмиграции. так ли хотел окончить свою жизнь этот польский борец? Пытаясь представить и проанализировать смысл существования человека в той или иной исторической эпохе, Алданов показывает незначительную роль людских усилий в стремлении что-то изменить в мире. Более того, у Алданова усилия героев часто приводят не к тому, к чему они стремились. «Именно с этой точки зрения раскрывает судьбы Алданов таких своих героев, как Адам Чарторыский, все усилия которого принести независимость своей родине – Польше оказываются бесплодными. Более того, его вмешательство только ухудшает существующее положение» [5].

Вообще польско-российская политическая тема у Алданова раскрывается не только в связи с историческими – реальными деятелями, но и через художественные образы, поэтому несколько слов нужно сказать и о романе «Повесть о смерти» (1952–1953). По сюжету этого произведения польский революционер, романтический юноша Ян Виер, уже успевший после разгрома польского восстания 1830 года пожить в Париже и пообщаться с польскими эмигрантами, едет с тайной миссией на Украину. В разведку его направляет сам князь Адам. Именно в этом тексте Алданов «допускает» художественное «оформление» князя Чарторыйского: «Престарелый князь умел быть очарователен, когда хотел, и любил обольщать польских революционеров» [3, 128]. Вспомним: в очерке о знаменитом польском дипломате мы не слышим эпитетов и оценок, там даны только события и поступки, приведена реплика из романа Толстого. Здесь же гений хитрого политика передается разными средствами, в том числе через восприятие и поступки вымышленных героев, но в целом – Алданов повторяет оценку Толстого.

В образе Виера, мечтающего стать полководцем, освободителем родины, противоречий еще больше, чем у князя Адама. «Не патриотично» и происхождение: среди предков молодого человека есть португальский еврей, среди родных Виера много православных малороссов, и влюбляется он в украинскую девушку. Одно точно и определено: «Россию и русских Виер не любил» [3, 122]. Интересно, как персонаж относится к словесному творчеству: «Он отдавал должное и Пушкину, которого, по слухам, высоко ставил Мицкевич... Мицкевича же по-настоящему боготворил и знал наизусть едва ли не все им написанное. Пробовал и сам писать стихи, но почувствовал, что это не его дело. “Любовь к искусству при отсутствии талантов скорее печальная черта. Может быть, с этим связан мой интерес к политике и даже моя революционность”, – думал он иногда» [3, 123]. Любопытно, что Алданов для раскрытия этого вымышленного образа использует художественные средства, которые всегда полны ассоциаций, сравнений с великими людьми. Вот женщины очень любят глаза молодого революционера: «У него была привычка долго и пристально вглядываться в людей; тогда взгляд его казался холодным и тяжелым. Мужчин это раздражало: “Что это он изображает Николая I! Думает, верно, что всех видит насквозь, а на самом деле ровно ничего не видит, все от таких глаз отскакивает!”» [3, 124]. Среди лозунгов и фраз, которые он бросает при встречах с прогрессивно настроенной общественностью, есть те, которые бы мог декларировать Адам Чарторийский: «Вопрос о независимости отдельных частей Российской империи лучше всего мог бы быть разрешен Всероссийским Учредительным Собранием, свободным изъятием воли народа» [3, 156].

В другом произведении Алданов создает образ своего современника – другого великого поляка-патриота Юзефа Пилсудского. Этот очерк о воинственном освободителе поляков Алданов пишет тогда, когда маршал Польши еще жив и мог бы за писание по-своему отблагодарить очеркиста. Можно сказать, что Алдановым проявлена особая смелость, хотя для него создавать политические очерки при жизни вождей – Ленина, Сталина, Черчилля – обычное дело.

Современные российские исследователи отмечают и те зигзаги истории, которые связаны с судьбой Пилсудского: «Он создал “Польску Организацию Войскову”, по мере своих незначительных сил помогавшую австрийской армии. Весьма странно, что, оставаясь сторонником Франции, он активно воевал против ее союзника, на стороне ее врага...» [4, 206]. Его присяга на верность австрийскому

императору Францу-Иосифу лишь подчёркивает, как верно было отмечено Марком Алдановым, «слепую фанатичную ненависть к России», так же как его полнейшую социально-политическую беспринципность. Тем не менее благодаря его деятельности в ноябре 1916 года была провозглашена независимость Польши. Историками отмечался забавный парадокс: германское командование арестовало Пилсудского как русского шпиона, заточив в Магдебургскую крепость, где он пробыл около года. Сам того не желая, он получил статус политического заключенного, борца против германского империализма и убежденного социалиста-революционера. Пилсудский был во многом – как политический деятель – творением изменчивой прихотливой эпохи войн и революций, не деятелем, не работником, не представителем непрерывного поступательного труда, а баловнем случая.

Наши современники, причем как почвеннического, так и других мировоззренческих направлений единогласно хвалят Марка Алданова именно за те показательные наблюдения, которые делают возможными столь эффектные выводы. Так стало популярным алдановское наблюдение, что Пилсудский был, по всей вероятности, единственным человеком в мире, который в ходе Первой мировой войны был награжден высшими военными орденами обеими враждующими сторонами, сначала немцами, а потом – французами [5]. Но ко всему прочему, Марк Алданов писал: «Ни в одном другом государственном деятеле душевное раздвоение не сказывается так сильно, как в нем. Резкая перемена взглядов – самое обычное дело в политике. Но в маршале Пилсудском живут одновременно самые разные, как будто несовместимые настроения. По-видимому, сейчас над всем у него преобладает ненависть к парламентаризму и воля к единоличной власти» [2, 385]. Но в том-то и дело, что интуитивное следование случаю нарушало привычные схемы политического поведения, но неизменно приносило Пилсудскому успех. По собственному признанию маршала Польши, он применял в политике военную тактику, выбирая неожиданные для противников ходы и заставляя их врасплох, не соглашаясь ни с какой политической программой («у меня ее нет», – говорил он). По мнению Алданова, Пилсудский жил «для Польши, для войны, для славы», а его жизнь особенно наглядно показывает, как «мало места занимают в современной политике принципы и как много места занимают в ней страсти» [2, 385].

А. А. Чернышев, рассуждая об очерках Алданова, написанных в 20–30-е годы, утверждает: «Интересными и значительными их делали раздумья автора о связи времен, неизменности человеческих характеров в различные эпохи, о случайности успеха и славы...»,

«знаменитости почти ничем не отличаются от простых смертных – они просто вытянули счастливый билет в лотерею» [7, 78]. Как очерки, так и роман показывают тщательную проработку Алдановым линии польской политической истории, его внимание и глубина понимания различных процессов, равно как и средства изобразительности, явно выходят за пределы беллетристики и обнаженной публицистики. Литературная работа Алданова тонка и отличается мировоззренческими позициями, желанием быть полезной грамотному и пытливому современнику.

Примечательно, что Алданов был увлечен в равной степени как историей знаменитого поляка-современника, так и судьбой польского аристократа, родившегося в конце XVIII века. А такое устойчивое обращение показывает, что Алданов и о власти, и о государственных российско-польских отношениях писал неслучайно. Дополняя Алданова, скажем: его представление о власти случая в истории искало проверки, но получило лишь дополнительную аргументацию в причудливых биографиях польских политиков. Проникая в глубины алдановской интерпретации, можно сделать выводы: случай возносит Чарторыйского и Пилсудского на гребень волны, случай может низвергнуть, случай помогает освобождению Польши, и по велению случая Польша является то врагом, то партнером России. Таково изображение судеб польских патриотов, которое родилось под пером писателя-аналитика, автора, размышляющего о самых знаковых фигурах в истории государства, ближайшего соседа России.

Литература

1. Алданов, М. Адам Чарторыйский в России / М. Алданов // Алданов М. А. Собр. соч.: В 6 кн. – М.: Новости, 1994. – Кн. 1: Портреты. – С. 51–82.
2. Алданов, М. Пилсудский / М. Алданов // Алданов М. А. Собр. соч.: В 6 кн. – М.: Новости, 1994. – Кн. 1: Портреты. – С. 355–386.
3. Алданов, М. А. Повесть о смерти / М. А. Алданов // Алданов М. А. Повесть о смерти. Бред. – М.: Гудьял-Пресс, 1999. – С. 23–408.
4. Баландин, Р., Миронов, С. Товарищ Сталин, Пан Пилсудский и «Независимая» Польша [Электронный ресурс] / Р. Баландин, С. Миронов // Наш современник. – 2004. – № 12. – С. 206. – Режим доступа: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2004&n=12&id=5>
5. Пасика, Эллан. Пилсудский и евреи (К 75-летию со дня смерти Юзефа Клемента Пилсудского) [Электронный ресурс] /

Э. Пассика. – Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer6/Pasika1.php>

6. Рыжкова, Н. С. Эстетические взгляды Марка Алданова [Электронный ресурс] / Н. С. Рыжкова; вступ. ст. // Алданов М. А. Из публицистического наследия. – Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ, 1999. – Режим доступа: http://samlib.ru/r/ryzhkova_n_s/cdocumentsandsettingsadminrabochijstolal_danowdoc.shtml

7. Чернышев, А. А. [Вступ. сл.] Исторические портреты. Адам Чарторыйский в России. Ольга Жеребцова / А. А. Чернышев // Наше наследие. – 1991. – № 4. – С. 78.

THE POLISH PATRIOTS IN MARK ALDANOV'S IMAGE

V. V. Shadursky

Abstract

Article analyzes two sketches of Mark Aldanov and fragments of his novel devoted to the Polish liberation. The article proves the depth and validity of conclusions made by Mark Aldanov in his literary work on the subject of Polish patriotism. Ways of characterization of historical figures of Czartoryski and Pilsudski in sketches “Adam Czartoryski in Russia”, “Pilsudski” are defined. The characteristic is given to the Polish patriot – the character of the novel “The Story about Death”.

Key words: Aldanov, Czartoryski, Pilsudski

РАЗДЕЛ IV. ВЫДАЮЩИЕСЯ РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ФИЛОЛОГИ: ИДЕИ – СУДЬБЫ – НАСЛЕДИЕ

ББК 84

УДК 94

М. М. Гукасова,

*магистр журналистики, преподаватель ФППК,
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
mira_1966@mai.ru*

Э. М. Гукасова,

*кандидат филологических наук, доцент,
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
era-goukasova@mai.ru*

«НАЦИОНАЛЬНОЕ ДЕЛО» И. В. ЦВЕТАЕВА КАК АСПЕКТ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ЕГО ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена профессору филологии МГУ, основателю Музея изящных искусств, который перерос в гигантское культурно-просветительское учреждение России – Пушкинский музей. Профессиональная судьба выдающегося ученого тесно переплетается с его гражданской позицией, общественной деятельностью. Воплотив идею в жизнь, И. В. Цветаев оставил после себя не только добрую память, но и действующий памятник для последующих поколений.

Ключевые слова: И. В. Цветаев, Музей изящных искусств, Пушкинский музей, Цветаевский род, Цветаевский мундир, персонализация.

Настоящее понимание труда ученого-просветителя приходит в наше время. За судьбой одного человека стоит эпоха, с которой связано имя выдающегося классического русского филолога И. В. Цветаева. Он был крупным ученым, его работы по классической филологии получили известность в России и за ее пределами. Но в мировую культуру его имя вошло прежде всего как основателя и первого директора Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском императорском университете – ныне Государственный музей изобразительных искусств имени

А. С. Пушкина. Проекты подобного учреждения неоднократно излагались в печати княгиней З. А. Волконской и С. П. Шевыревым, профессором К. К. Гёрцем, директором Московского Публичного и Румянцевского музеев Н. В. Исаковым. О необходимости Москве такого музея неоднократно с 1893 года писал и профессор кафедры теории и истории искусства Московского университета, доктор римской словесности и историк искусства Иван Владимирович Цветаев (1847–1913). Он неоднократно говорил о Музее изящных искусств как о «национальном деле».

Среди создателей коллекций, музеев, среди таких людей, как П. М. Третьяков, С. И. Мамонов, М. К. Тенишева, профессор И. В. Цветаев – человек, сформированный демократической русской культурой второй половины XIX в., занимает совершенно особое место. Он не был ни коллекционером – владельцем произведений искусства, ни богатым меценатом. Собирая деньги у дарителей-жертвователей, И. В. Цветаев основал первый в России музей истории архитектуры и скульптуры древности, средних веков и эпохи Возрождения. Подвижничество дело созидания музея И. В. Цветаев свершал, как теперь говорят, на общественных началах. Прежде это называлось «безо всякого вознаграждения» [4, 10]. Он же разработал условия Конкурса, привлечшего 19 архитекторов из разных городов России. Было рассмотрено 15 проектов, 7 из которых удостоились премий и наград. Премии оплачивались университетом из средств, пожертвованных на Музей купеческой вдовой В. А. Алексеевой. Правление университета, по условиям конкурса, имело право выбрать для строительства любой проект и пригласить архитектора по собственному усмотрению. Избран был сравнительно молодой, но известный московский архитектор Роман Иванович Клейн (1858–1924). Он и разработал окончательный проект, отвечавший требованиям Правления и Комитета по устройству Музея. Здание строилось по последнему слову музейной практики и строительной техники. Ему придали вид античного храма на высоком подиуме с ионической колоннадой по фасаду. Стеклопанельная кровля обеспечивала достаточное количество дневного света в залах второго этажа и двух двориках-атриумах. Электрического освещения в экспозиционных залах не планировалось. Считалось, что осматривать скульптурный Музей лучше всего при естественном освещении, и открыт он будет лишь в светлое время суток.

Значительна роль И. В. Цветаева и в формировании облика Музея. Он рассматривал его не только в градостроительном смысле, в качестве здания, имеющего общественно-культурное назначение,

располагающегося на территории вблизи Кремля и напротив храма Христа Спасителя, но и как учебный объект по истории архитектуры. Желая избежать распространенного в то время в архитектурной практике эклектического соединения стилей, профессор И. В. Цветаев, составляя условия для участников архитектурного конкурса, особенно подчеркнул, что проект должен быть выполнен или в формах античной архитектуры, или в стиле эпохи Возрождения. В убранстве интерьеров должны были применяться элементы разных исторических эпох сообразно представленным экспонатам. Стремясь к научной точности и в деталях, И. В. Цветаев постоянно обеспечивал архитектора новейшей специальной литературой по наиболее характерным, образцовым для своих эпох архитектурным памятникам, которые предполагалось использовать в качестве ориентиров или прообразов при проектировании фасада и интерьеров. Так, например, главный фасад Музея украшает колоннада, в увеличенном масштабе воспроизводящая пропорции колоннады восточного портика Эрехтейона, храма, находящегося на афинском Акрополе (построен в 421–406 гг. до н. э.). Рисунок капителей этих колонн в точности повторяет древний образец. Сlepки и другие копии заказывались И. В. Цветаев в зарубежных мастерских по формам, снятым непосредственно с оригиналов; в ряде случаев они делались впервые. Большую часть экспозиции Музея занимало античное искусство, главным образом ваяние. Коллекция отражала новейшие на тот момент археологические открытия и научные реконструкции скульптурных памятников. Искусство Средних веков, Итальянского и Северного Возрождения, впервые представленное в России, составляло самостоятельные разделы экспозиции. Многие произведения, показанные в Музее в первоклассных слепках и копиях, стали открытием для любителей искусств и художников хотя бы уже потому, что отображали оригиналы в их реальном масштабе. Создавая Музей, И. В. Цветаев пользовался консультациями таких специалистов, как автор книг по древнерусскому, византийскому и итальянскому искусству Дмитрий Власьевич Айналов, историк византийского и древнерусского искусства Никодим Павлович Кондаков, фольклорист и этнограф Всеволод Федорович Миллер; художников Виктора Михайловича Васнецова и Василия Дмитриевича Поленова [3].

В своих воспоминаниях дочь профессора, прославленная поэтесса Марина Ивановна писала об истоках: «Цветаевский род берёт начало из центра одной из крупнейших в мире равнин – Русской, из междуречья Волги и Клязьмы, где расположена Ивановская

область. Оттуда – из села Талицы, близ города Шуи, наш цветаевский род. Священнический....».

И. В. Цветаев родился в семье бедного священника в деревне Дроздово Ивановской области в 1847 году. Кроме него у Владимира Васильевича и Екатерины Васильевны Цветаевых было шестеро детей, однако, трое из них умерли в младенческом возрасте. Остались сыновья – Петр, Иван, Федор и Дмитрий. Это о них много позже Марина Цветаева напишет: «У первой бабки – четыре сына, / Четыре сына – одна лучина, / Кожух овчинный, мешок пеньки, – / Четыре сына – да две руки! / Как ни навалишь им чашку – чисто! / Чай, не барчата! – Семинаристы!».

А вот как Марина Цветаева в авторском эссе «Отец и его музей»

[6] вспоминает эпизод с торжественным нарядом отца для открытия Музея, характеризующий скромнейшего, не лишённого чувства юмора, человека: «...Наконец мундир готов, и мы помогаем отцу попасть в рукава и застегнуться на все крючки. Восклицания восторга: «Какая красота! Как ты в нем хорош! Да посмотри же на себя!».

Он бросает в сторону зеркала растерянный и недоверчивый взгляд близорукого – чтобы тотчас же отвести глаза.

– Хорош! – даже слишком! (И, повторяя привычный свой припев) Семьсот рублей потратить на себя! Стыд и позор!

– Так это же не на себя, а для музея, папа!

Он, настораживаясь:

– Постой, постой, постой... как ты сказала?

– Для музея. Чтобы почтить твой музей. Твой новый музей – твоим новым мундиром. Мраморный музей – золотым мундиром.

– У тебя красноречие твоей матери. Она все могла со мной сделать – словами.

– Да ведь это не слова, папа. Это – глазами видишь. Белая лестница музея, а наверху, меж двумя колоннами – ты. В темно-синем, серебряном, золотом... Посмотри, что за прелесть это шитье! Листья... веточки...

– Если бы не золото!

– Но ведь оно – почти совсем не золото! Так – тень золота, едва заметная, даже чуть зеленоватая. Скромный, благородный вид!

– Да, в глаза как будто бы не бьет. Но выглядеть такой... иконой!

И – со вздохом:

– Разве что для музея...».

Начальное образование И. В. Цветаев получил в Шуйском духовном училище, продолжил его во Владимирской семинарии. Преобладающее значение в учебном курсе семинарии занимали богословские науки, но в значительном объёме преподавались и науки общеобразовательные, входящие в курс классических гимназий, благодаря чему И. В. Цветаев получил возможность изучать древние языки: древнееврейский, древнегреческий и латынь. Получив среднее образование, он поступил в Медико-хирургическую академию, однако из-за слабого зрения и склонности к изучению гуманитарных наук (ещё в Шуйском духовном училище увлёкся изучением латыни и латинской литературы) перешёл в Петербургский университет на классическое отделение историко-филологического факультета, обучение на котором закончил в 1870 году с золотой медалью и степенью кандидата и был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию.

Работы по эпиграфике, задолго до открытия в Москве основанного И. В. Цветаевым Музея изящных искусств, сделали его имя известным в среде ученых филологов и археологов не только в России, но и в Европе.

И. В. Цветаев писал: «...занятия латинской филологией привели меня к сознанию включить в круг своего изучения и языки народов, издревле населявших Италию, каковы сабиняне, самниты, умбры, вольски, фалиски и др. Народы эти – родные братья латинов, и потому,

чтобы яснее понять природу языка последних, необходимо брать в расчет и лингвистические особенности первых». Сначала И. В. Цветаев думал, что можно ограничиться усвоением уже изученного немецкими и итальянскими учеными, но, по мере более близкого знакомства с предметом, у него стали возникать сомнения и вопросы, решения которых напрасно было бы искать в ученой литературе и которые могли быть выяснены только личным знакомством с памятниками, только непосредственным изучением самих надписей [4, 49–50].

Дорогое дело И. В. Цветаева было доведено до конца. На его алтарь было положено здоровье, силы, жизнь... Как велико было желание человека показать своему народу величайшие образцы искусства, просветить его! И сегодня, сквозь пелену «неизмеримого ряда лет», мы, благодарные потомки, думая об этом удивительном человеке, любуясь его детищем – музеем, преклоняемся перед величием души и значимостью дела жизни И. В. Цветаева. Сто лет музей, задуманный, выстраданный, тяжелейшим трудом созданный профессором И. В. Цветаевым, знакомит людей с миром прекрасного, помогает приоткрыть завесу лет, понять истоки красоты и навсегда сохранить её в душе! [2].

Поразительно, как в тяжелых жизненных обстоятельствах этот тихий сдержанный человек находит в себе силы идти вперед, трудясь и жертвуя собой на благо науки и просвещения. Главным свершением его жизни стало, конечно, создание музея. Сейчас трудно поверить, что музей задумывался как скромное собрание наглядных пособий по античности для студентов университета. В Европе нарастал музейный бум, Россия же оказалась на обочине этого движения. Да, при Московском университете существовал Кабинет изящных искусств. Им заведовал профессор И. В. Цветаев, сменивший на этом посту профессора Шварца. Однако по состоянию на 1889 год экспозицию кабинета отличала удручающая бедность. Собрание монет, немного греческих ваз, несколько десятков гипсовых слепков с памятников классической скульптуры – вот и вся недолга [1, 182–188].

И. В. Цветаев к тому моменту стал заметной фигурой среди московской профессуры – известным знатоком античности, имел опыт музейной работы; активно пополнял фонды – так, что новые поступления было уже негде размещать; знал лучшие мастерские по отливке бронзовых и гипсовых слепков. У него сложились хорошие отношения с директорами крупнейших музеев Европы, ему удалось привлечь внимание генерал-губернатора Москвы, известного коллекционера великого князя Сергея Александровича к работе своего

университетского Кабинета». Так начинался музей. Биограф отмечает: «Любопытно, что создание одного из крупнейших музеев мира возглавил человек, не обладавший ни административными, ни финансовыми ресурсами, ни архитектурным образованием, ни строительным опытом» [5, 107]. Однако именно И. В. Цветаев инициировал и довел дело до логического завершения. Как ему это удалось? «Он оказался зодчим человеческих отношений – архитектором невидимых душевных взаимосвязей партнерств, симпатий, дружб. Своей собственной преданностью делу, доходившей до самопожертвования, он подавал пример другим, а своей скромностью, деликатностью, юмором, душевной тонкостью создавал атмосферу доброжелательства и уверенности в успехе предприятия».

Персонализация личности И. В. Цветаева ярко проявляется в его общественно-просветительской деятельности. Дело жизни профессора И. В. Цветаева – его музей. Суть своей деятельности он раскрыл в одном из писем: «...идея этого музея – дать университету и нашему юношеству новое, идеально изящное учреждение. В этом вся награда, всё честолюбие, наивысшее удовольствие – всё остальное исключается из души совсем, как тлен, как вздор, как суета. В самом деле, не для чина же тайного советника или какой-нибудь звезды предпринята вся это совершенно добровольная большая работа. Тайными советниками делаются люди, просидевшие спокойно несколько стульев в канцелярии. У профессоров (учёных) иные цели – альтруистического добра, высшего просвещения. Чего стоит наше «я», наше самолюбие в виду этого добра, которое будет приносить дело в течение неизмеримого отсюда ряда лет? Чего стоят перед этим наши затраченные силы, покой, наше самолюбие?.. Христос со всем этим, лишь бы задуманное дорогое дело двигалось вперёд».

В 1991 году ГМИИ им. А. С. Пушкина внесен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Музей имеет отделы в разных районах Москвы. В 1996 году был организован Учебный художественный музей им. И. В. Цветаева – отдел ГМИИ, размещенный в здании Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и открытый 30 мая 1997 года. Его экспозицию составляют гипсовые слепки прежнего, университетского Музея, которые не вошли в основную экспозицию ГМИИ, или их дублетные экземпляры. Создание «музейского городка» вокруг нынешнего музея стало лучшей памятью замечательному ученому-филологу и музейному деятелю И. В. Цветаеву, умевшему так чутко слышать будущее.

Литература

1. Ванханен, Н. Рыцарь Культуры / Н. Ванханен // Культура и время. – 2014. – № 1. – С. 182–188.
2. Жарикова, М. П. Иван Владимирович Цветаев и его музей / М. П. Жарикова // «Литературная газета + Курьер культуры: Крым – Севастополь». – 2012. – № 11.
3. История Музея. – Режим доступа: <http://www.arts-museum.ru>
4. Каган, Ю. М. И. В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность / Ю. М. Каган. – М.: Наука, 1987. – 192 с., илл. – (Серия «Из истории мировой культуры»).
5. Смирнов, А. Иван Цветаев. История жизни / А. Смирнов. – СПб.: Изд-во «Вита нова». – 2013. – 386 с.
6. Цветаева, М. А. Отец и его музей. / М. А. Цветаева // Наследие Марины Цветаевой. Сайт о великом русском поэте XX века. – Режим доступа: <http://www.tsvetaeva.com>

**“NATIONAL AFFAIR” BY I. V. TSVETAEV AS AN ASPECT
OF PERSONALIZATION OF HIS PERSONALITY**

M. M. Gukasova, A. Gukasova

Abstract

The article is devoted to professor of philology of Moscow State University (MSU), the founder of Fine Arts Museum, which developed into gigantic cultural educational institution of Russia – Pushkin Museum.

Professional fate of the outstanding scientist is closely connected with his civic stand and social activities. Implementing his idea, I. V. Tsvetaev left not only fond memories of himself but working monument for further generations.

Key words: I. V. Tsvetaev, Fine Arts Museum, Pushkin Museum, Tsvetaev clan, Tsvetaev uniform, personalization

ББК 82.3
УДК 398.224

Б. Б. Дякиева,
*доктор педагогических наук, профессор,
Калмыцкий государственный
университет им. Б.Б. Городовикова
raisadyakieva@mail.ru*

**КИЧИКОВ АНАТОЛИЙ ШАЛХАКОВИЧ (1921–1998):
ОТКРЫТИЕ ЭПОСА «ДЖАНГАР» МИРУ**

Статья посвящена научной деятельности основоположника современного джангароведения как отрасли отечественной и международной фольклористики, известного ученого с мировым признанием Кичикова Анатолия Шалхаковича. Автор раскрывает многогранную деятельность ученого как эпосоведа, литературного критика, публициста, переводчика, автора учебников и словарей для педагогов и школьников Калмыкии. В статье прослеживается просветительская деятельность и анализируется наследие ученого и педагога. Многоплановое творчество А. Ш. Кичикова как яркого представителя калмыцкого народа, незаконно пережившего репрессии и сосланного в Сибирь, служит примером преданности своему народу и избранному делу.

Ключевые слова: Кичиков, калмыки, монголоязычные народы, эпос «Джангар», фольклористика

Перед историками, социологами, философами, пытавшимися понять, осмыслить процесс всемирной истории или истории отдельных стран и народов, до сих пор встает вопрос: что является движущей силой истории, что вызывает и обуславливает ход и исход исторических событий, подъём или упадок в жизни народов, войны, восстания, революции и другие исторические события?

Но одно определенно известно: во главе всех сколько-нибудь значительных событий стоят те или иные исторические деятели, талантливые ученые, выдающиеся руководители, прогрессивные личности. Это люди разных национальностей, с разными характерами, но с огромной волей и целеустремлённостью, проникательные, дальновидные, которые оказывают порой судьбоносное, историческое влияние на исход тех или иных событий.

Вместе с тем кто бы и что бы ни говорил, но, помимо внутренних качеств, присущих выдающейся личности, еще должны сложиться такие

внешние обстоятельства, которые будут катализатором становления именно «великого человека», определяющие его уникальную судьбу. Кроме того, мыслящий представитель любой нации, народности, племени ищет ответы на мучающие его вечно вопросы о путях эстетического, художественного, нравственного, философского творчества своего народа [4, 72]

В статье исследуется творчество известного российского ученого с мировым именем, чьи научные открытия тесным образом связаны с богатейшей культурой и историей монголоязычных народов. Талант А. Ш. Кичикова как исследователя-эпосоведа, основоположника джангароведения как отрасли отечественной и зарубежной фольклористики был единодушно признан как отечественными, так и зарубежными коллегами. Его многогранному таланту было подвластно все, что было связано с многовековой историей народа и его родным языком и литературой. Круг научных интересов А. Ш. Кичикова очень широк: история и этнография, калмыцкая литература (средневековая и современная), диалектология, лексикография, литературно-художественная стилистика, методика преподавания родного языка. Но и это еще не все: он был прекрасным публицистом, талантливым журналистом, переводчиком, литературным критиком. Вместе с тем главными темами научной биографии, основными проблемами научных исследований за последние три десятилетия его научно-педагогической деятельности стали фольклор, эпос народов центрально-азиатских народов.

Начало серьезных исследований было связано с тем, что в ходе одной из своих научных командировок в 1966 г. в архиве Академии наук СССР в фонде В. Л. Котвича А. Ш. Кичиков обнаружил подлинные рукописи на старокалмыцкой письменности двух глав-песен калмыцкого эпоса «Джангар». Это были оригинальные тексты записей эпоса из репертуара известного рапсода Ээлян Овлы, что стало не только настоящей находкой для ученого, но открытием в мировой фольклористике. Так называемый «Малодербетовский список» «Джангара» стал не просто удачной находкой ученого: последующая работа над ним стала последним в исследовании по джангароведению неоценимым научным открытием конца XX века. «Одного этого открытия было бы достаточно, чтобы носить высокое звание ученого», – отмечали позже калмыцкие коллеги А. Ш. Кичикова.

Героический эпос «Джангар», являясь вершиной художественного слова, историко-культурным достоянием монгольских народов: калмыков в Российской Федерации, западно-монгольских ойратов в Монголии и синьцзянских ойратов в Китае, представляет собой сложнейшую эпическую формацию, в которой сохранились «органический сплав ойратской эпической архаики, эпической героики

Дербен-Ойратов и более поздних приобретений эпики, отразивших судьбы ойратоязычных народов, консолидировавшихся в разных историко-географических условиях» [6, 27].

«Джангар» как любой другой эпос является концентрацией интеллектуального потенциала народа, и вся энергетика народа выражена в эпосе, и именно А. Ш. Кичикову как талантливому ученому, человеку, преданному своему народу, яркому служителю национальной культуре выпала честь раскрыть значение народного творения всему миру.

Четверть века Кичиков всесторонне изучал народный эпос, и в 1992 году в г. Москва в издательстве «Наука» («Восточная литература»), что само по себе уже было фактом высокой оценки научного труда, был издан фундаментальный труд А. Ш. Кичикова «Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника», который стал «венцом научных разысканий» (А. В. Бадмаев) ученого и был трижды переиздан в последующие годы. В аннотации, составленной Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» подчеркивается, что монография А. Ш. Кичикова является первым в мировой науке фундаментальным исследованием эпоса «Джангар», одного из значительнейших в монголоязычном фольклоре.

По мнению известного ученого, ведущего российского синолог-фольклориста Б. Л. Рифтина, «данный труд – первый и пока единственный, ставящий в джангароведении столь значительные по глубине и охвату материала задачи. Он, несомненно, превосходит все существующие в науке исследования данного памятника» [6, 28].

А. Ш. Кичиков, ветеран Великой Отечественной войны, участник обороны Северного Кавказа, награжденный многими юбилейными медалями и медалью «За Победу в Великой Отечественной войне», переживший вместе со своим народом незаконную ссылку в декабре 1943 г., жаждал знаний, жаждал творить для калмыцкой науки, стремился сделать много, наверстывая упущенное народом за 13 долгих лет депортации. Коллеги отмечали в ученом эту всеядность в науке и не могли отдать предпочтение чему-то конкретному в его многогранной научной деятельности. «Блестящий знаток языка и письменности, фольклора, литературы и этнографии, он в равной мере выступал как замечательный диалектолог, лексиколог, лексикограф, переводчик, не говоря уже об авторитете непревзойденного знатока и исследователя фольклора и эпоса монголоязычных народов. В каждую из названных областей ученый внес большой неопенимый вклад» [6, 63].

Как лексиколог он является одним из авторов «Русско-калмыцкого словаря» (около 32 000 слов), изданного в Москве издательством «Советская энциклопедия», а также автором первого и пока самого крупного на сегодняшний день «Калмыцко-русского словаря» (около 26 000 слов), опубликованного в Москве издательством «Русский язык».

Еще одна грань деятельности А. Ш. Кичикова – переводческая. Творчески используя знание колоритного калмыцкого народного языка, исследователь переводит величайший памятник русской культуры – «Слово о полку Игореве» [4, 72].

Трудно переоценить просветительскую роль А. Ш. Кичикова, особенно связанную с обоснованием и раскрытием смысла отдельных слов, связанных с историей и культурой народа и вызвавших в свое время споры в академических кругах. Но его интуиция как ученого, энциклопедические знания, научный кругозор, авторитет в ученом мире только подтверждали правоту его научных открытий.

Приведу в качестве примера уже общеизвестный, но красноречивый факт, связанный с научным открытием А. Ш. Кичикова относительно дешифровки значения имени главного героя калмыцкого эпоса «Джангар». К концу 60-х годов XX века в науке утвердилось мнение, что имя главного героя калмыцкого эпоса «Джангар» происходит от персидского «джехан-гир», означающего «завоеватель мира». Это была гипотеза выдающегося ученого-ориенталиста А. Бобровникова, начавшего первым исследовать «Джангар», и авторитетного востоковеда, академика Б. Я. Владимирцова, принятая в научном мире в целом и эпосоведами, в частности.

А. Ш. Кичиков пришел к выводу, что слово «Джангар» звучит аналогичным образом у всех тюрко-монгольских народов и имеет единое для народов центрально-азиатской эпической общности значение «один, одинокий, единственный, сирота». Статью об этом этимологическом исследовании ученый публикует в газете «Хальмгунн» от 1 августа 1962 года под названием «Об имени «Джангар». Такой дешифровки придерживался и другой выдающийся ученый, академик С. А. Козин. Таким образом, исследование текста эпоса, проникновение в глубины его содержания не только подтвердило данное истолкование, но и раздвинуло его границы в историческом времени: сирота-одиночка становится первопредком-родоначальником, а затем и главой великой державы.

Через некоторое время ученый напишет статьи «О происхождении имени монгол» и «О происхождении слова калмык», в которых также выскажет свое понимание значений этих

слов. В продолжение темы, связанной с раскрытием точного происхождения и значения ключевых для ойрато-монгольской истории и культуры терминов, А. Ш. Кичиков публикует статью «О лингво-исторических реалиях термина «ойрат». В статье он, исследуя природу данного слова, подчеркивает: «Решение этой проблемы в значительной степени зависит от уяснения того, что представляли собой ойраты в XIII веке, насколько верно представление об их «лесном происхождении» и «звероловном» прошлом» [5, 74].

А. Ш. Кичиков, вступая в очередной раз в научный спор с такими известными учеными, как бурятский исследователь XIX в. Д. Банзаров, академик Б. Владимирцов, доказывает, что эпоним ойрад (ед. с ойран) не имеет древнего тотемного происхождения. «Термин ойрад, – пишет А. Ш. Кичиков, – скорее всего указывает на момент появления прослойки в виде дружинников (ойратов «храбрецов»), навязавших новый эпоним древним «ойратским» племенам на каком-то этапе их истории, но не позже XII века, примерно в одно время с меркитами (мергены – «меткие стрелки») и монголами (монголы объединенные, т. е. мощные), причем последний из эпонимов появился в эпоху Хабул-хана, в X веке. Следовательно, эпоним ойрад имеет определенную связь с героическим эпосом, носит эпическое содержание» [2, 59].

Кичиков предстает и как открыватель ученых разных стран друг другу. Благодаря его авторитету в научном мире, фундаментальным трудам в области эпосоведения, были налажены первые научные контакты с учеными Запада и Востока. Более того, научно-культурные связи, обмен опытом, знакомство со сказителями России, Китая и Монголии содействовали углублению совместных научных исследований и приданию России в целом и Республике Калмыкия, в частности, статуса ведущего востоковедного центра с мировым признанием [1, 75].

Эти контакты в мире науки, predetermined географическим положением России, находящейся на стыке Европы и Азии, были расширены и углублены, благодаря скрупулезным исследованиям А. Ш. Кичикова. Тем более, что история калмыцкого народа, его религия и культура всегда привлекали внимание зарубежных ученых. Была выделена целая наука – калмыковедение, главными направлениями которого стали филология, история, религиоведение. Особое внимание придавалось калмыцкому героическому эпосу «Джангар». И это закономерно: «Джангар» – великий памятник центрально-азиатской эпической общности, являясь достоянием монголо- и ойратоязычной цивилизации заслуженно стал объектом российского и западно-восточного научного сотрудничества ученых и общественности разных стран. Слова А. Ш. Кичикова «Счастье,

может быть, в том, что «Джангар» открыт и записан в России» объясняют многое в истории изучения и раскрытия ценности эпоса для российской и мировой науки» [3].

Но и это еще не все: Кичиков был прекрасным публицистом, талантливым журналистом, переводчиком, литературным критиком. Его первое произведение было опубликовано в литературно-художественном журнале «Теегин герл» («Свет в степи») еще в 1957 году. Это был рассказ «Светлый путь», написанный на калмыцком языке. Как публициста и журналиста А. Ш. Кичикова отличает не только тематическое, но и жанровое разнообразие. Он писал рассказы, повести, статьи, рецензии, очерки, в том числе исторические, басни, путевые заметки, интервью. Из-под его пера выходила переводная литература, он являлся автором оригинальных учебно-методических пособий и учебников по калмыцкой литературе, книг для чтения, двуязычных словарей [2, 58].

А. Ш. Кичиков был прекрасным лектором для студентов Калмыцкого государственного университета. Он несколько десятилетий читал курсы лекций в этом учебном заведении, отличающихся высоким научным уровнем и методологической выверенностью. Он как педагог и методист – автор многих школьных учебников и учебно-методических пособий, учебных программ и словарей по калмыцкому языку. В этой области он также проявил свой талант и претворил в жизнь много оригинальных научных идей и концепций.

Сегодня имя ученого А. Ш. Кичикова – явление в науке и культуре Калмыкии, особая страница в истории калмыцкого народа. Имя ученого с мировым признанием носит первая калмыцкая национальная гимназия, на малой родине в поселке Бага-Чонос Целинного района республики в его честь названа улица. В научной жизни современных калмыцких ученых сложилась научная традиция – Кичиковские чтения, объединяющая последователей научной школы А. Ш. Кичикова. С именем А. Ш. Кичикова связано создание целой научной школы джангароведения как составной части современного российского эпосоведения. Наследие ученого богато, и оно продолжает служить людям и науке.

Литература

1. Борликов, Г. М. Они были первыми...: сборник / Г. М. Борликов; редкол.: Б. К. Салаев [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. – 212 с.
2. Дякиева, Б. Б. Журналистская и научно-просветительская деятельность А. Ш. Кичикова: тематика и жанровое разнообразие

публикаций. Региональная научно-практическая конференция «Калмыцкий героический эпос «Джангар» и проблема сохранения родного языка и национальной культуры», 2 декабря 2016 г.: [посвящ. 95-летию со дня рождения проф. А. Ш. Кичикова: материалы] / Б. Б. Дякиева / редкол.: Е. Э. Хабунова [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016. – 209 с.

3. Ланцынова, М. И. Анатолий Кичиков: Счастье может быть в том, что «Джангар» открыт и записан в России / М. И. Ланцынова // Известия Калмыкии. – 1996. – 19 июня.

4. Пюрвеев, В. Д. Дело всей его жизни / В. Д. Пюрвеев // Теегин герл. – 1996. – № 8. – С. 72–76.

5. Типологические и художественные особенности «Джангара». – Элиста: КНИИЯЛИ, 1978. – 127 с.

6. Учитель, ученый, просветитель. Профессор А. Ш. Кичиков: проект Калмыцкого университета / Федеральное агентство по образованию, Калм. гос. ун-т, [отв. ред. Г. М. Борликов]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. – 304 с.

**KICHIKOV ANATOLY SHALKHAKOVICH (1921–1998):
OPENING THE EPOS “DZHANGAR” TO THE WORLD**

B. B. Duakieva

Abstract

The article is devoted to the scientific activity of the founder of modern jangar science, a branch of national and international folklore, a well-known scientist with world recognition Anatoly Shalkhakovich Kichikov. The author reveals the multifaceted activity of the scientist as an epistemologist, literary critic, publicist, translator, author of textbooks and dictionaries for teachers and schoolchildren of Kalmykia. The article traces educational activities and analyzes the heritage of the scientist and teacher. Multidimensional creative works of A. Sh. Kichikov as a prominent representative of the Kalmyk people who survived illegal repression and exile to Siberia, serve as an example of devotion to his people and the chosen cause.

Key words: Kichikov, Kalmyks, Mongolian-speaking peoples, epic “Dzhangar”, folklore

ББК 81.2-3/79.3

УДК 80:930.25

М. Ю. Киселев,

кандидат исторических наук,

руководитель Центра учета и обеспечения сохранности

документов Архива Российской академии наук

kiss_ran@mail.ru

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ УЧЕНЫХ ФИЛОЛОГОВ В АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В статье представлена информация о составе и содержании документов личных фондов ученых филологов, хранящихся в Архиве Российской академии наук: Н. М. Каринского, Д. Н. Ушакова, Г. Э. Зенгера, Ф. Е. Корша, Н. И. Новоадского, С. И. Соболевского. Сведения являются частью значительного комплекса документов Архива РАН по истории филологической науки, которая может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Ключевые слова: филология, личный фонд, архив, Российская академия наук, Каринский, Ушаков, Зенгер, Корш, Новосадский, Соболевский

Архив Российской академии наук (РАН) в Москве и его Санкт-Петербургский филиал остаются одними из старейших архивохранилищ России, в которых сохранились документальные комплексы по истории Российской академии наук, ее учреждений и организаций, отечественной и зарубежной науки и культуры, российских и иностранных ученых. В Архиве РАН сохранились личные фонды ученых филологов, в документах которых отражена как их научная и научно-организационная деятельность, так и сведения биографического характера и переписка.

Значительный интерес представляет фонд Каринского Николая Михайловича (1873–1935) – русского филолога-слависта, палеографа, диалектолога, члена-корреспондента Академии наук [1]. В фонде ученого хранятся рукописи работ по истории русского и древнеболгарского языков, русской диалектологии, славянской палеографии: «Характеристика языка древнепсковских воинских повестей», «Очерки из области русской диалектологии», «Язык современной деревни» (1929) и др.; доклады «Быт некоторых селений Вятского края» (1927), «История русского письма» (1929); лекции

по синтаксису, церковно-славянскому языку, древней литературе, языкознанию и диалектологии; отзывы о работах В. Г. Богораз, А. М. Пешковского, А. Б. Шапиро и др.; рабочие материалы (фонетический и морфологический разборы древних рукописей, диалектологические анкеты и материалы, собранные в экспедициях по Вятской, Санкт-Петербургской, Новгородской, Смоленской, Архангельской, Тверской, Московской, Рязанской, Псковской и Череповецкой губерниям, по Карелии, Мордовскому краю; материалы экспедиций по изучению современной литературы и разговорного татарского языка; материалы для подготовки словаря и др.) ([1900]–1935).

Среди биографических материалов можно отметить недатированные автобиография и список трудов, дипломы Русского географического общества, извещения, формулярные и трудовые списки, анкеты, благодарности, отзывы о научной и общественной деятельности Н. М. Каринского и др. (1895–1935). Документы о научно-организационной и педагогической деятельности в Академии наук и ее учреждениях, ЦЕКУБУ, Вятском научно-исследовательском институте краеведения, Ассоциации по изучению производительных сил Центральной промышленной области, Народном комиссариате просвещения РСФСР и его учреждениях, Государственном историческом музее, подсекции русского языка при Секции русской литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, Комакадемии при ЦИК СССР, Петроградском археологическом институте, 1-м ЛГУ, 2-м МГУ, педагогических вузах Петрограда, Москвы, Горького, Твери и Вятки (1901–1935). Сохранились письмо Н. М. Каринского к Т. А. Зориной и письма Н. М. Каринскому от И. И. Мещанинова, С. П. Обнорского и других.

В фонде Ушакова Дмитрия Николаевича (1873–1942), языковеда, специалиста по русской диалектологии и лексикологии, члена-корреспондента АН СССР [2], сохранились рукописи недатированных работ: «Алфавит», «Фонетика», «Современный конфликт между школьной и научной грамматикой» и др.; конспекты и заметки по русской словесности и грамматике, древнерусской литературе, фонетике и фонетической транскрипции, диалектологии и реформе орфографии; словники и словари (1889–1939); статьи, доклады, лекции, посвященные Ф. И. Буслаеву, Ф. Е. Коршу, А. С. Хомякову, А. А. Шахматову и др. (1906–1939); студенческие работы (1889–1896); черновые материалы (конспекты, выписки, черновики) к трудам (1892–1941); отзывы о работах других лиц (1912–1940).

Документы личного характера представлены автобиографическими очерками (1895, 1907), ранними воспоминаниями и дневниковыми записями (1897, 1910–1922), дипломами, грамотами, удостоверениями и др. (1896–1930). Отложились материалы о педагогической деятельности: программы и конспекты университетских курсов по истории русского языка и языковедению (1899–1941); научной и научно-организационной деятельности в составе Московской диалектологической комиссии при Отделении русского языка и словесности Академии наук (1901–1929), в системе Наркомпроса РСФСР по реформе высшей школы, латинизации русского алфавита, изданию орфографического словаря русского языка и т.д. (1918–1937); в институтах АН СССР (1935–1941). Переписка ученого представлена копией письма Д. Н. Ушакова к И. В. Сталину по вопросам языковедения (1931), письмами Д. Н. Ушакову от Б. М. Ляпунова, С. П. Обнорского, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы и др. Сохранились также работы Н. Н. Дурново, В. М. Истрина, А. М. Пешковского, О. Ф. Раймонда, П. Н. Сакулин, М. В. Сергиевского, А. И. Соболевского, Л. В. Щербы и др., подаренные Д. Н. Ушакову или присланные ему на рецензию.

Среди документов фонда Зенгера Григория Эдуардовича (1853–1919), филолога-классика, члена-корреспондента Академии наук [3], можно отметить рукописи работ, посвященных творчеству Горация: «Критические заметки к Горацию» (1875–1878), «Разбор некоторых сатир Горация в переводе Дмитриева» [1870], «О биографии Горация» (1886), описание рукописи произведения Горация, принадлежащей Н. П. Лихачеву (1912) и др.; статьи, речи, оттиски, брошюры по изучению творчества римских писателей, польских средневековых авторов-латинистов; генеалогии, переводы, заметки, обзоры; рабочие материалы (метрические переложения произведений, описание рукописей, библиографии, извлечения из произведений, конспекты, хронологические и родословные таблицы, записные книжки); лекции, программы курсов, рецензии (1870–1919).

Биографические материалы включают в себя студенческую лекционную книжку, заграничные паспорта, извещения, почетные грамоты Варшавского университета, аттестаты, медицинские свидетельства, воспоминания современников о Г. Э. Зенгере (1902–1945), дневник (1903), диплом члена-корреспондента Петербургской Академии наук, удостоверения, список научных трудов (1922), визитные карточки, приглашения, счета, справку о смерти. Заслуживают внимания документы о деятельности Г. Э. Зенгера в Нежинском историко-филологическом институте

кн. А. А. Безбородко, в Министерстве народного просвещения, в Варшавском университете, в Восточном институте, в Российской Академии наук (1879–1918).

Среди документов семейного архива: императорские указы о производстве в корнеты, капитаны, полковники Э. Ф. Зенгера (отца), о награждении его орденами, аттестат о службе, акт о смерти и др.; личные документы сестер и матери, М. А. Зенгер (Рудометовой) (первой жены), Е. Н. Зенгер (Шведер) (второй жены), Н. Е. Шведера и Е. Э. Шведер (Геретфельд) (родителей второй жены); родословная таблица семьи; материалы по майорату «Овчары», пожалованному генерал-майору Э. Ф. Зенгеру (1832–1928).

Обширна переписка ученого: письма Г. Э. Зенгера к В. П. Бузескулу, П. С. Ванновскому, Н. Н. Глубоковскому, В. Д. Голицыну, В. Э. Грабарю, А. А. Грушке, А. П. Даву, А. С. Ермолову, В. С. Иконникову, Ф. Е. Коршу, В. В. Латышеву, А. Н. Майкову, П. В. Никитину, С. Ф. Ольденбургу, И. В. Цветаеву, А. Н. Шварцу и др.; письма Г. Э. Зенгеру от И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. П. Бузескула, А. Ф. Бычкова, П. И. Вейнберга, А. Н. Веселовского, С. Ю. Витте, А. А. Грушки, Н. П. Дашкевича, А. С. Ермолова, С. А. Жебелева, Ф. Ф. Зелинского, В. С. Иконникова, Е. Ф. Карского, Д. А. Корсакова, Ф. Е. Корша, Н. А. Лавровского, В. Н. Ламздорфа, В. В. Латышева, А. Н. Майкова, Ф. Г. Мищенко, Н. В. Муравьева, П. В. Никитина, Н. И. Новосадского, С. Ф. Ольденбурга, В. К. Плеве, М. М. Покровского, И. В. Помяловского, М. И. Ростовцева, М. А. Рыкачева, А. А. Сабурова, Д. Я. Самоквасова, А. И. Соболевского, С. И. Соболевского, А. С. Танеева, Е. В. Тарле, Ф. Ф. Фортунатова, И. В. Цветаева, А. А. Шахматова, А. Н. Шварца, С. Д. Шереметева, В. М. Шимкевича, И. В. Ягича и др.

Сохранились фотографии Г. Э. Зенгера и групповые снимки (1874–1903), портреты филологов и историков, собранные Г. Э. Зенгером. Среди других документов – запись лекции Н. Н. Глубоковского «О послании к римлянам», сделанная Г. Э. Зенгером (1898); ученические и студенческие работы Е. Ф. Карского; перевод *Vabrii Aeditui*, сделанный Ф. Е. Коршем (1908).

В личный фонд Корша Федора Евгеньевича (1843–1915), филолога-классика, слависта, востоковеда, ординарного академика Академии наук [4], включены: рукописи работ: «Очерк греческой культуры в связи с письменностью» [1915], «Propertiana (материалы о римском поэте Сексте Проперции)» (1878, 1880), «Римская элегия и романтизм» [1899], «История латинской литературы», «Опыт

объяснения древнейших индийских размеров» [1896] и др.; статьи, доклады и переводы по эллинистике, римской литературе, ориенталистике, тюркологии, арабистике, славистике (1862–1914); переводы произведений славянских поэтов и писателей. Биографические материалы представлены: недатированной автобиографией, документами об избрании в члены научных обществ, грамотами о награждении орденами, приветственными поздравлениями и адресами в связи с юбилейными датами и др.

Среди служебных документов (речи, циркуляры, предписания, извещения, переписка и др.), связанные с деятельностью в Академии наук (1897–1914), в Московском университете (1867–1914), в Новороссийском университете (1890–1914), в Лазаревском институте восточных языков (1886–1913), в Московском археологическом обществе, Одесском обществе истории и древностей, Русском историческом музее и др. (1887–1913). Сохранились и документы архива Е. Ф. Корша (отца): недатированный набросок автобиографического характера, отчет о деятельности библиотеки Румянцевского музея за 1879–1882 гг., статья «Артистика корректуры» и др. В переписку ученого вошли письма Ф. Е. Коршу от В. В. Бартольда, В. А. Богданова, Р. Вестфаля (Германия), И. Х. Вулодимо, В. И. Герье, А. Л. Дювернуа, Г. Э. Зенгера, Г. А. Иванова, А. И. Кирпичникова, А. Е. Крымского, Ю. А. Кулаковского, М. К. Любавского, Б. Л. Модзалевского, И. В. Нетушила, С. Д. Пападимитриу, В. Р. Розена, В. А. Рышкова, А. А. Шахматова, В. Н. Щепкина, И. В. Ягича, В. Е. Якушкина, Н. А. Янчука и др. Среди документов других лиц оттиски статей и брошюры с автографами Д. И. Багалея, Е. В. Барсова, В. П. Бузескула, А. А. Грушки, Н. Н. Дурново, Ю. А. Кулаковского, К. А. Люгебиля, Ф. Г. Мищенко; докторская диссертация М. М. Покровского «Лингвистические заметки в области латинской грамматики» (1890) и др. В фонде сформировалась коллекция печатных изданий XIX века на латинском языке.

Интересным представляется личный фонд Новосадского Николая Ивановича (1859–1941), филолога-классика, палеографа, специалиста в области греческой эпиграфики, члена-корреспондента Академии наук [5]. Среди научных работ отложились рукописи статей: «Афинский акрополь» (1884), «Орфические гимны» (1901), «Греческая эпиграфика» (1909–1910), «Поэтика Аристотеля в России» (1927), «Неизвестная Танаисская надпись» (1941) и др.; курсы лекций: «Оратор Лисий» (1888–1891), «Сакральные древности» (1911–1912), «Латинская эпиграфика» (1923–1924) и др.; научные доклады и переводы.

Биографические документы включают: автобиографии и списки научных работ (1897–1902), дипломы и аттестаты, приветственные адреса и поздравительные письма и телеграммы к юбилейным датам и др. Служебные материалы отражают деятельность Н. И. Новосадского в качестве заведующего отделом классической филологии и научного консультанта Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, заведующего кафедрой древних языков истфака Московского университета: программы, проекты, справки, отзывы, социалистические обязательства и др. (1923–1941). Сохранились: письма Н. И. Новосадскому от С. Ф. Войцеховского, Э. В. Дия, В. П. Пожидаева, Н. П. Розанова и др.; фотопортреты Н. И. Новосадского (1892–1941), групповые и видовые снимки (1910–1940). Среди работ других лиц отложились статьи и заметки В. А. Дударева, А. С. Коцевалова, Ю. С. Крушкола, Н. П. Некрасова и др.

В личный фонд Соболевского Сергея Ивановича (1864–1963), филолога-классика, члена-корреспондента АН СССР [6], вошли тезисы диссертации «Синтаксис отдельных глав Аристофана» (1892), «Руководство по греческой грамматике. Этимология и синтаксис» (1922), учебник «Латинская грамматика» (1928), «Латинская хрестоматия» [1936], монографии «История греческой литературы» (1947–1951), «История римской комедии» (1949–1950), «История греческой комедии» (1956–1957), «История античной комедии» (1957); лекции, выступления по истории античной литературы и текстологии литературных памятников античного периода; переводы произведений Аристофана, Ксенофонта Афинского и др.; подготовительные материалы (выписки, заметки, библиографии, конспекты и др.) к трудам; отзывы С. И. Соболевского на труды и диссертации ученых (1918–1958).

Личные документы представлены похвальными грамотами, свидетельствами, удостоверениями, аттестатами, автобиографиями (1877–1959), ученическими конспектами (1882–1886), юбилейно-поздравительной корреспонденцией (1912–1961). Среди других документов: служебные отчеты о научной и преподавательской работе (1925–1961), программы лекционных курсов (1917–1934), переписка по изданию и редактированию научных трудов и др. (1914–1957), письма С. И. Соболевскому от В. В. Вересаева, М. Е. Грабарь-Пассек, М. К. Любавского, И. И. Толстого, А. Н. Шварца и др., фотографии (1889–1958), литографированные издания трудов и лекций историков античной литературы, переводы античных авторов из собрания С. И. Соболевского (1873–1962), отзывы о научных работах С. И. Соболевского В. И. Лободы, М. М. Покровского, И. И. Толстого и др.

Представленная информация является частью значительного комплекса документов Архива РАН по истории филологической науки, которая может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Литература

1. Архив Российской академии наук (РАН). Фонд 468. Описи №№ 1-4. 360 ед. хр.
2. РАН. Фонд № 502. Описи №№ 1-5. 471 ед. хр.
3. РАН. Фонд № 504. Описи №№ 1-7. 1085 ед. хр.
4. РАН. Фонд № 558. Описи №№ 1-7. 1211 ед. хр.
5. РАН. Фонд № 611. Описи №№ 1-3. 137 ед. хр.
6. РАН. Фонд № 695. Описи №№ 1-3. 617 ед. хр.

PERSONAL FUNDS OF SCIENTIST PHILOLOGISTS IN THE ARCHIVES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

M. Yu. Kiselev

Abstract

The article contains information on the composition and content of documents of personal funds of scholars of philologists stored in the Archives of the Russian Academy of Sciences: N. M. Karinsky, D. N. Ushakova, G. E. Zenger, F. E. Korsha, N. I. Novoadsky, S. I. Sobolevsky. The information is part of a significant set of documents of the RAS Archive on the history of philological science, which can be used for research and educational purposes.

Key words: philology, personal fund, archive, Russian Academy of Sciences, Karinsky, Ushakov, Zenger, Korsh, Novosadsky, Sobolevsky

РАЗДЕЛ V. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

ББК 74.489

УДК 37.026:80

М. Р. Коренева,

*кандидат педагогических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
marina_cor@mail.ru*

М. Ю. Карбаинова,

*кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
m_karbainova@mail.ru*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБУЧЕНИЯ МОТИВАЦИОННОМУ ПИСЬМУ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Овладение умениями написания мотивационного письма определяется объективными потребностями обучаемых и строится на определенных теоретических и методических положениях. Данные положения позволяют создать методическую систему формирования указанных умений, включающих инвариантные компоненты, являющиеся необходимым условием функционирования данной системы и определяющие, в конечном счете, успешность процесса обучения по овладению умениями написания мотивационного письма.

Ключевые слова: мотивационное письмо, умения письменной речи, система обучения, комплекс упражнений

Овладение умениями написания мотивационного письма открывает большие возможности перед выпускниками вузов. Однако, как показывает целенаправленное наблюдение за учебным процессом, студенты даже продвинутого этапа обучения не владеют этим в полной мере. Отметим, что под мотивационным письмом понимается письменное речевое высказывание, с помощью которого человек стремится получить определенную вакансию (рабочее/учебное место, стипендию, т. п.) и прилагает соответствующие усилия [5, 11].

В языковом вузе целью обучения письменной речи является формирование у студентов способности практически пользоваться иноязычным письмом как способом общения, познания и творчества.

Данная способность базируется на таких качествах, как содержательность, адекватная реализация коммуникативного намерения, ясность, логичность, связность, смысловая и структурная завершенность, соответствие языковой норме и узусу; стоит учесть, что владение письменной речью является подцелью и задачей обучения. Вместе с тем, как показывает практика, обучению написанию деловых писем уделяется недостаточное количество времени, хотя реальное положение дел показывает в этом острую необходимость.

Для более эффективного включения технологии обучения мотивационному письму в учебно-воспитательный процесс необходимо рассмотреть теоретические положения в области методики обучения письменной речи и разработать практические рекомендации. Данный постулат приобретает особое значение, поскольку в трудах разных исследователей письменная речь выступает как сложная деятельность, наиболее важная в процессе закрепления и передачи знаний, мощное орудие мышления, играющее большую роль в умственном развитии человека.

Разработанные положения базируются на системно-структурном, личностно-ориентированном, социокультурном подходах, которые выступают в качестве лингводидактической основы обучения. Системно-структурный подход позволяет определиться с основными компонентами системы обучения, моделью обучения, личностно-ориентированный и социокультурный – со стратегией деятельности, содержанием обучения, организационными формами и дидактико-методическими принципами. Поскольку личностно-ориентированное обучение является наиболее актуальным и важным, кратко раскроем его положения. Данный подход базируется на человекоцентрированном подходе К. Роджерса, психолого-дидактической концепции И. С. Якиманской, позиционно-дидактической концепции В. В. Серикова, проективной модели Н. И. Алексеева, в которых образование рассматривается как педагогический процесс, эпицентром которого является человек, познающий и творящий культуру путем диалогичного общения, обмена мыслями, создания произведений коллективного и духовного творчества.

Личностно-ориентированное содержание образования требует для своей реализации адекватных педагогических технологий, характерными чертами которых являются сотрудничество, диалогичность, деятельностно-творческий характер, направленность на поддержку индивидуального развития обучающегося,

предоставление ему необходимой свободы для принятия самостоятельных решений, творчества, выбора способов учения.

Основными компонентами разработанной системы обучения являются цель, содержание, принципы, методы, этапы и средства обучения, представленные комплексом упражнений, также критерии оценивания, методические условия и результат деятельности.

Главная *цель*, которой следует руководствоваться в процессе обучения студентов написанию мотивационного письма, – это достижение такого уровня умений, при котором студенты способны создавать эти речевые произведения для достижения личных познавательных, развивающих, учебных и будущих профессиональных целей.

Средством достижения цели обучения является *содержание* обучения, включающее знания, навыки, умения, способы деятельности, а также мотивы и отношения к деятельности. Содержание отбиралось на основе принципа достаточности для реализации цели обучения и принципа доступности.

Знания: об официально-деловом стиле речи и его жанрах; о культуре делового письменного общения с учетом национальной специфики; речевых штампах и клише, характерных для деловой корреспонденции; аббревиатур и сокращений, свойственных деловому письму; о специфике структурной организации мотивационного письма; о его лингвостилистических особенностях; типичных средствах когезии, их функциях.

Навыки и умения: резюмировать информацию; логично, последовательно и убедительно строить свои мысли; устранять неудобочитаемость своего и чужого текста; правильно оформлять деловые письма с точки зрения языка, технического оформления и пунктуации; адекватно использовать типичные для деловых писем обороты; ориентироваться в жанрово-стилевых особенностях мотивационного письма; осознавать собственные коммуникативные потребности, намерения и формулировать цель написания мотивационного письма; выстраивать его правильную структуру в соответствии с национально-культурной традицией; адекватно использовать средства когезии.

Мотивы и отношения к деятельности – это желание писать мотивационные письма с целью решения личных познавательно-развивающих, учебных и будущих профессиональных задач.

Большое значение в построении системы имеет определение *принципов* – исходных положений, задающих ее направление. *Общедидактические* принципы (личностно-ориентированная

направленность, творческий характер обучения, сознательность, активность) сохранили свою актуальность до наших дней, однако их применение в обучении иностранным языкам (далее ИЯ) имеет свои особенности [1, 141–150; 7, 149–158].

Деятельностный характер обучения ИЯ выражается во внешней и внутренней (умственной) *активности* обучающегося. Саморазвитие студентов в ходе проявления своей активности является важной предпосылкой мотивации к овладению ИЯ и культурой. Основными источниками активности являются цели обучающихся, их мотивы, желания и интересы. Для поддержания активности на занятиях используются задания проблемного характера, обучение в сотрудничестве.

Также на современном этапе развития лингводидактики большое внимание уделяется формированию *автономности* обучающегося в овладении языком, т. е. готовности самостоятельно работать с языком, принимать собственные независимые решения и брать на себя ответственность за них, в т. ч. и в ходе обучения. Процесс обучения должен мотивировать каждого студента к *самостоятельному активному* осуществлению учебной деятельности, *оценке* своего речевого опыта – *рефлексии* и в случае необходимости осознанной его *коррекции*.

Общие методические принципы (коммуникативной направленности обучения, взаимосвязанного обучения видам РД и ориентации на родную лингвокультуру обучающихся) также характеризуют современное обучение ИЯ [1, 150–157; 7, 165–173]. Ведущим среди них является сегодня принцип *коммуникативной направленности обучения*, который должен делать обучающегося способным участвовать в межкультурном общении. Данному принципу присущи особенности, совокупность которых и позволяет считать учебный процесс коммуникативным: *мотивированность* (речевое действие должно побуждаться внутренней потребностью, зависящей от интереса обучающихся к материалу, от его новизны, способа подачи); *целенаправленность* (речевое действие должно иметь цель); *индивидуальность* (право обучающихся выражать свою индивидуальность в отношении к тому, что обсуждается на занятии); *контактность* (взаимодействие эмоционального, смыслового и предметного компонентов); *ситуативность* (соотнесенность высказывания с ситуацией общения); *новизна* (варьирование материала, упражнений и форм организации обучения с целью формирования навыков и умений, способных к переносу).

Среди *принципов обучения иноязычной письменной речи*, выделенных А. В. Горбуновым, в рамках разработанной модели

обучения нас интересует принцип *функциональности*, требующий рассмотрения текста и его частей с точки зрения выполнения ими функций, что предполагает проведение анализа структур текста и абзацев [3, 102]. Нельзя не оставить без внимания принцип *социокультурной направленности обучения ИЯ*, предполагающий тесное взаимодействие языка и культуры его носителей, выявление и учет возможной интерференции родной лингвокультуры, осознание национально-культурной обусловленности общения.

В научной литературе под *методом* обучения понимается стратегия деятельности преподавателя на конкретном этапе обучения. Методы классифицируются по некоторым дифференциальным признакам: по источнику получения информации (наглядный, словесный), по форме (устная, письменная, самостоятельная) или типу осуществления учебно-познавательной деятельности (проблемный, исследовательский, коммуникативный). На основе этих классификаций были выделены те методы, которые представляли методическую и технологическую значимость для формирования умений написания мотивационного письма.

Важным является понятие «*единица обучения*», которая в иноязычной письменной речи должна обладать культурологической ценностью; являться целостной; воспроизводимой; нормативной в формально-языковом и социокультурном аспектах; лично значимой в содержательном плане; репрезентативной в жанрово-стилевом аспекте и др. [6, 10]. Таким требованиям отвечает иноязычный письменный *текст*, дающий уникальную информацию о «правилах поведения» языковых средств разных уровней: жанрово-стилистического, грамматического, лексического, пунктуационного, графического.

Мотивационное письмо как один из жанров делового стиля представляет собой особый тип текстов, характеризующийся определенным набором повторяющихся *признаков*:

- 1) наличием конкретной цели;
- 2) определенными требованиями к форме письма, опирающимися на устоявшуюся практику;
- 3) особым языковым наполнением, обусловленным средствами делового стиля и речевой ситуацией [9, 159].

Вслед за А. А. Казанцевой, разработавшей методику формирования способности продуцировать деловое письмо [4, 98], мы выделяем три этапа обучения:

информационно-ориентирующий, обеспечивающий ориентировочную основу для выполнения действий на последующих

этапах (студенты знакомятся с характеристиками деловой корреспонденции, видами деловых писем, требованиями к техническому оформлению, а также со структурой и содержанием мотивационного письма и его особенностями);

исполнительский этап, ориентированный на активизацию полученных знаний и формирование соответствующих умений и навыков (студенты создают сначала план, а затем черновой вариант мотивационного письма);

регуляционный этап, обеспечивающий контроль сформированности умений создавать мотивационные письма и осуществлять их коррекцию (студенты редактируют черновой вариант, учитывая допущенные ошибки).

С опорой на концепцию Л. К. Мазуновой были выделены следующие *упражнения* [6]:

1. *Аналитико-рецептивные*, направленные на ознакомление с формой деловых писем, техническим оформлением, основными видами деловых писем и особенностями их содержания, типичными для деловой корреспонденции речевыми оборотами. К данному типу можно отнести упражнения на анализ жанрово-стилевых особенностей мотивационного письма, ситуаций его применения (напр., индивидуальный анализ разных писем-образцов, выявление их особенностей и последующее обсуждение в группе), на умение делить текст на смысловые куски для выделения его основной структуры.

По мнению М. Н. Горанской, основное место в процессе обучения иноязычной письменной деловой речи должны занимать упражнения на трансформацию, т. к. в них совершенствуются механизмы лексических и грамматических замен, придающие гибкость формируемым навыкам. Вариантами трансформационных упражнений являются упражнения на перефразирование, дополнение, расширение и соединение предложений [2, 15].

2. *Трансформационные*:

- а) совершенствование лексических навыков,
- б) совершенствование грамматических навыков,
- в) развитие умения выстраивать правильную структуру текста,
- г) развитие умения использовать средства когезии,
- д) развитие умения ориентироваться в стилистических особенностях деловой корреспонденции.

Большинство упражнений данного типа выполняются на основе целого текста, что позволяет закрепить в памяти общую структуру текста делового стиля, типичные фразы, приемы оформления,

независимые от конкретной ситуации, т. е. сопровождаются экспликацией социокультурной, жанрово-стилевой, лингвистической информации, которая будет использоваться обучаемым далее в качестве ориентира при создании собственных текстов.

3. *Репродуктивные*, развивающие умения отбирать, комбинировать и варьировать речевые формулы, грамматические и синтаксические конструкции в тексте, использовать средства когезии, воспроизводить текст делового письма с опорой на образец, правильно оформлять письмо.

4. *Продуктивные*, направленные на поэтапное моделирование собственного письменного делового текста; развитие умений последовательно и убедительно строить свои мысли; осознавать собственные коммуникативные намерения и формулировать цель написания мотивационного письма; выстраивать структуру письма; адекватно использовать средства когезии. Здесь возможно проведение деловых игр, когда атмосфера сотворчества дает возможность выразить свои способности, показать усвоенные знания и сформированные умения.

Разработка *критериев оценки* сформированных умений представляет собой достаточно сложную задачу, т. к. в данном случае оценивание имеет скорее субъективный, чем объективный характер. При отборе критериев мы опирались на перечень характеристик деловой корреспонденции, представленный в учебном пособии «Korrespondenz plus» [8, 11], который был уточнен и дополнен такими, как *когерентность* – смысловое единство текста [10, 60] и *когезия* – совокупность языковых средств для выражения связей между единицами текста [10, 71]. Ясность, четкость, полнота, релевантность информации, удобочитаемость, убедительность, а также правильность содержания и оформления – общие характеристики деловой корреспонденции. Также при написании мотивационного письма необходимо проявлять *личную заинтересованность и индивидуальность*.

Достижение *результата* обучения – сформированность умения написания мотивационного письма – может осуществляться только с учетом всех структурных компонентов и следующих *методических условий*: разработки комплекса конкретизированных упражнений; опоры на личностно-ориентированную концепцию, на проблемный и творческий характер обучения, на рефлекссию; направленности средств и технологий на формирование познавательной мотивации студентов; оптимального сочетания аудиторной и самостоятельной работы; доступа к современным информационным и коммуникационным технологиям.

Литература

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: учеб. пос. для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М.: Академия, 2004. – 336 с.
2. Горанская, М. Н. Формирование компенсаторной компетенции в иноязычной письменной деловой речи студентов неязыковых вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / М. Н. Горанская; Карельская гос. пед. академия. – Петрозаводск, 2011. – 24 с.
3. Горбунов, А. В. Методика обучения сочинению-объяснению и сочинению-аргументации на основе целостного подхода: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / А. В. Горбунов; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 1999. – 204 с.
4. Казанцева, Е. М. Обучение студентов выразительности речи при создании деловых писем на немецком языке (языковой вуз): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Е. М. Казанцева; Иркут. гос. лингв. ун-т. – Иркутск, 2008. – 181 с.
5. Карпов, А. С. Международные стипендиальные программы: информация, рекомендации, технологии / А. С. Карпов, В. Ю. Башкуев; отв. ред. В. П. Фурманова. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. – 250 с.
6. Мазунова, Л. К. К вопросу о системе обучения иноязычному письму в языковом вузе / Л. К. Мазунова // ИЯШ. – 2005. – № 4. – С. 6–12.
7. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика: учеб. пос. для преп. и студ. / А. Н. Щукин. – 2-е изд., доп. – М.: Филоматис, 2006. – 480 с.
8. Bieli, Alex. Korrespondenz plus. Das Handbuch für erfolgreiches Schreiben: Lehrmittel und Nachschlagewerk / A. Bieli. – Bern: hep verlag ag, 2011. – 112 S.
9. Briefe gut und richtig schreiben! Ratgeber für richtiges und modernes Schreiben / Dudenredaktion. – 4. Aufl. – Mannheim: Dudenverlag, 2006. – 955 S.
10. Ragaz, Christoph. Was macht Texte verständlich? Ein Leitfaden aus der Praxis für die Praxis / Ch. Ragaz. – Bern, hep verlag ag, 2009. – 176 S.
11. Reinders, Hans. Erfolgreiche Bewerbung in der Wissenschaft / H. Reinders. – Mannheim: Dudenverlag, 2008. – 192 S.

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PRECONDITIONS
FOR TEACHING A LETTER OF APPLICATION
IN A FOREIGN LANGUAGE**

M. Koreneva, M. Karbainova

Abstract

Mastering the skills of writing a letter of application is determined by the objective needs of the students and is based on certain theoretical and methodological principles. These principles make it possible to create a methodological system for the development of the skills, including invariant components which are a necessary condition for the effective functioning of the system. Ultimately, these components determine the success of the teaching process in mastering the skills of writing a letter of application.

Key words: a letter of application, writing skills, a system of teaching, a complex of exercises

АВТОРЫ

Абрамзон Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания и литературоведения, Институт гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова» (*Магнитогорск; Россия*). E-mail: ate71@mail.ru

Гукасова Мира Михайловна, магистр журналистики, член Союза журналистов РФ, преподаватель ФППК, Кубанский государственный университет, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики (*Краснодар, Россия*). E-mail: mira_1966@mail.ru

Гукасова Эра Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры новогреческой филологии, Кубанский государственный университет (*Краснодар, Россия*). E-mail: era-goukasova@mail.ru

Дякиева Балджа Батнасуновна, доктор педагогических наук, профессор кафедры калмыцкой литературы и журналистики, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова» (*Элиста, Россия*). E-mail: raisadyakieva@mail.ru

Калинина Маргарита Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности (БИБ), Волгоградский государственный институт искусств и культуры (*Волгоград, Россия*). E-mail: kalinina_8181@mail.ru

Карбаинова Мария Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков, Бурятский государственный университет (*Улан-Удэ, Россия*). E-mail: m_karbainova@mail.ru

Киселев Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Архив Российской академии наук (РАН) (*Москва, Россия*). E-mail: kiss_ran@mail.ru

Коренева Марина Радиевна, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой немецкого и французского языков, доцент, Бурятский государственный университет (*Улан-Удэ, Россия*). E-mail: marina_cor@mail.ru

Надергулов Минлегали Хусаинович, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом литературоведения, Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (*Уфа, Россия*). E-mail: nadergul@mail.ru

Никулина Алла Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (*Уфа, Россия*). E-mail: alla_nikoulina@mail.ru

Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Институт гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова» (*Магнитогорск; Россия*). E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Постникова Екатерина Георгиевна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций, Институт гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова» (*Магнитогорск; Россия*). E-mail: ekaterinapost@mail.ru

Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Институт гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова» (*Магнитогорск; Россия*). E-mail: rudakovamasu@mail.ru

Савельев Константин Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Институт гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова» (*Магнитогорск; Россия*). E-mail: savakos@mail.ru

Соегов Мурадгелди, доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана, Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана, главный научный сотрудник (*Ашхабад, Туркменистан*). E-mail: msoyegov@gmail.com

Уланов Андрей Владимирович, доктор филологических наук, проректор по НР, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (*Омск, Россия*). E-mail: _ulanov.andrey.2014@mail.ru

Царева Надежда Александровна, доктор философских наук, доцент, Тихоокеанское военно-морское училище им. С. О. Макарова (*Владивосток, Россия*). E-mail: nadezda58@rambler.ru

Шадурский Владимир Вячеславович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (*Великий Новгород, Россия*). E-mail: shadvlad@mail.ru

ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «**Libri Magistri**» основан в 2015 году на базе сборников «Ручьевские чтения», которые издавались более 20 лет в период работы кафедр литературы XX века и русской классической литературы в (с 2016 кафедры языкознания и литературоведения).

Журнал и задуман как международное двуязычное (русский, английский) издание, главная цель которого – объединить научные поиски российских учёных и зарубежных русистов в изучении истории и теории русской литературы в контексте мировой литературы и культуры.

Журнал публикует научные работы по следующим направлениям: русская литература Нового и Новейшего времени; история жанров, особенно лирических; русский роман и в целом отечественная проза в разных её модусах (публицистика, эпистолярный, малые жанры); философия литературы; компаративистика; концептология; литература как форма общественного сознания, литература и действительность, литература и миф, литературный процесс, художественный метод, анализ «одного» произведения; отклики на юбилейные даты писателей-классиков и на «юбилеи» отдельных классических произведений; проблемы современной русской и мировой литературы, актуальные вопросы теории литературы, а также работы, продвигающие новые методы изучения литературы и того, что русские формалисты называли «литературным фактом»; вопросы изучения взаимосвязей русской литературы с иными национальными литературами.

Четвертый выпуск журнала «LIBRI MAGISTRI» будет посвящён теме «Филология в XXI веке».

Предполагаемые разделы (тематика) журнала:

- 1) Филология и её проблемное поле, перспективы развития.
- 2) Филология и междисциплинарные связи. Филология и IT-технологии.
- 3) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы.
- 4) Выдающиеся российские и зарубежные филологи: идеи – судьбы – наследие.
- 5) Россия и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры.
- 6) Информационные войны и способы их ведения: история и современность.
- 7) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы.

- 8) Лингвокультурология и страноведение.
- 9) Перевод и переводоведение.
- 10) Методика преподавания филологических дисциплин.

Заявки и материалы статей, должным образом оформленные (требования см. ниже), принимаются **до 10 ноября 2017 г.** в 4 номер по электронным адресам: rudakovamasu@mail.ru (проф. Рудакова Светлана Викторовна) и ate71@mail.ru (проф. Абрамзон Татьяна Евгеньевна).

Издание **четвертого выпуска журнала «LIBRI MAGISTRI»** планируется к концу 2017 года. Журнал будет размещен в РИНЦ (номер договора 336-08/2017).

Форма заявки (в отдельном файле, её озаглавить следующим образом **Фамилия_заявка**, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью).
2. Название статьи.
3. Город, место работы, должность.
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Требования к оформлению статьи:

1. Языки научных статей – русский и английский.
2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора Microsoft Word 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – **Фамилия_статья** (например, *Иванов_статья*).

3. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные.

4. **Общий объём статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 15 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

5. **Общие требования.** Размер **A5**. Для набора текста необходимо использовать редактор Microsoft Word для Windows. Шрифт – **Times New Roman**, размер – **10**. Абзац – **1 см**, междустрочный интервал – **1**. Выравнивание по ширине. Все поля документа по **2 см**. Кавычки в тексте оформляются «ёлочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств

выделения текста используются подчёркивание и *курсив*. Между инициалами автора и инициалами и фамилией ставим пробел.

6. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полуужирным курсивом). После интервала на четвёртой строке (выравнивание по правому краю) указываются *инициалы и фамилия автора* (полуужирным курсивом). На пятой и следующих строках (выравнивание по правому краю) – *статус автора и сведения о нём (научная степень, звание, полное название организации каждого автора, адрес электронной почты хотя бы одного из авторов)* (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полуужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

7. После интервала следует аннотация статьи (без слова Аннотация) на русском языке от 40 до 150 слов. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание.

8. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (5–10 слов/словосочетаний) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

9. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – Times New Roman, размер – 10). См. ниже образец.

10. После списка литературы через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК**, **ИМЯ АВТОРА**, слово **Abstract** по центру, ключевые слова и далее сама аннотация – всё на английском языке.

11. После интервала завершают статью ключевые слова на английском языке.

12. Цитирование без подробных ссылок (с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

13. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [*I*, 13] или [*I*, IV, 13], где первая позиция (*I*), выделенная жирным курсивом, – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (*IV*) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

14. Публикация пока у нас бесплатная. С содержанием первых двух номеров журнала можно ознакомиться на сайте университета <http://www.magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznaniya-i-literaturovedeniya.html>

15. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять заявки, не соответствующие тематике.

Контакты

Ответственный редактор:

Абрамзон Татьяна Евгеньевна

Тел.: 8(3519)22-74-74

E-mail: ate71@mail.ru

Научный редактор:

Рудакова Светлана Викторовна

Тел.: 8(3519)22-74-74

E-mail: rudakovamasu@mail.ru

LIBRI MAGISTRI

Выпуск 3
Филология в XXI веке

Научный рецензируемый журнал

Подписано в печать 01.11.2017. Рег. №. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага тип. № 1.
Плоская печать. Усл.печ.л. 9,5. Тираж 100 экз. Заказ 1701.

Издательство ООО «ВГ КАТРАН»
455000, Магнитогорск, ул. 50-летия Магнитки, 39-53.